ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

**РОССИЯ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ВОЗМОЖНОСТИ**

Материалы конференции

Москва 2001

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**РОССИЯ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ВОЗМОЖНОСТИ
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ**

Подписано в печать 28.08.2001 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 16,75 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 42

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»

Научное издание

РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ВОЗМОЖНОСТИ
Сборник статей
М., 2001, 268 стр.

Ответственный редактор **А.О.Филоник**

Редактор **М.И.Штемпель**

Предлагаемый вниманию читателя сборник построен на материалах одноименной конференции и посвящен блоку наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается Российская Федерация в регионе и которые по принципу обратной связи могут оказывать в той или иной мере влияние на некоторые протекающие в самой России процессы или отдельные их аспекты.

В сборнике подняты все сколько-нибудь значимые вопросы, анализ которых может представлять интерес как для научных целей разработчиков российской политики на Востоке, принимая в расчет, что затронутые темы также учитываются в политике соседей России по отношению к ней самой.

Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, а также на интересующихся состоянием дел в сфере российско-ближневосточных отношений.

ISBN 5- 89394-064-4

ISBN 5-89394-064-4

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЛИВАНА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

Двусторонние отношения России и Ливана традиционно носят дружественный характер. СССР входил в число государств, первыми признавших независимость Ливана в 1943 г. Ливан в свою очередь одним из первых признал независимость Российской Федерации в декабре 1991 г. Взаимоотношения между двумя странами за последние 25 лет прошли несколько этапов своего развития. На каждом из них доминировала определенная составляющая этих отношений: идеолого-политическая, экономическая или культурная. На интенсивность взаимодействия двух стран влияли внутривосточная обстановка в наших государствах, их экономическая ориентация, международное положение и противостояние мировых систем, а также ситуация на Ближнем Востоке – развитие арабо-израильского конфликта.

В начале 70-х годов четко наметился глубокий раскол во всем ливанском обществе, разделивший страну на два антагонистических лагеря. Христианский лагерь представлял, как правило, богатую, образованную часть населения, поддерживавшую ливанский суверенитет, не симпатизировавшую Палестинскому движению сопротивления (ПДС) и склонную к установлению связей с Западом и Израилем. Мусульманские общины были бедны, поддерживали идею арабской интеграции и левые политические взгляды, а также принимали сторону ПДС в арабо-израильском конфликте. Ситуация во многом усугублялась конфессиональным принципом распределения власти и сохранившимся в стране традиционным общинным укладом, охватившим все ступени социальной структуры общества. Это рождало не только различные межгрупповые противоречия между членами различных общин, преследовавших свои социально-экономические интересы, но и выявляло конфликт между различными партиями и политическими объединениями, которые в большинстве случаев также носили конфессиональный характер.

Гражданская война, охватившая Ливан в 1975 г., продолжалась более 15 лет. Отсутствие решений, способных прекратить кровопролитие и объединить страну, показывало неэффективность действий власти. Уже в первые годы кризиса оказалось, что внутренний конфликт различных религиозных и политических сил с самого начала приобрел международный характер. Каждую из военно-политических

группировок поддерживали иностранные государства, имевшие свои стратегические интересы в Ливане. СССР, будучи, по словам израильского исследователя Шимона Шамира, «признанной державой, регулировавшей экономические вложения, осуществлявшей политическое влияние и использовавшей военные базы на Ближнем Востоке»¹, противостоял США и его союзникам в этом регионе, поддерживал на начальном этапе ливанского кризиса Национально-патриотические силы (НПС), куда входила и Коммунистическая партия Ливана, а также палестинцев (финансовая помощь и поставки оружия).

Однако в целом можно согласиться с характеристикой советской политики в 80-е годы в отношении Ливана, данной А. Васильевым: «СССР не вмешивался в гражданскую войну, хотя его симпатии были на стороне левых, мусульман и палестинцев. Он не мог позволить себе ссориться с Сирией, хотя ее действия в Ливане не вызывали одобрения в Москве, не решался открыто противодействовать Израилю, хотя выплескивал на него обширный запас отрицательных пропагандистских эпитетов»². Формально правительство СССР выступало за мирное урегулирование конфликта, за независимость, суверенитет и территориальную целостность Ливана, за вывод с юга страны израильских войск.

Начиная со второй половины 80-х годов, после прихода к власти М.С.Горбачева, произошло сближение позиций США и СССР в отношении ливанского кризиса, нашедшее свое отражение в совместном советско-американском заявлении по Ливану от 23 сентября 1989 г. Вот как оценивает политику М.С.Горбачева посол Ливана в РФ Селим Таддмури: «Я прекрасно помню, что когда Михаил Горбачев пришел к власти и начал проводить новый политический курс на взаимное доверие, в Ливане наступило умиротворение. Советский Союз стал играть конструктивную роль в поисках путей и средств, которые позволили Ливану выйти из кризиса. Он активно в этом плане сотрудничал с США, различными политическими силами внутри Ливана»³. Россия наряду с другими странами поддержала Таифскую хартию национального согласия, принятую ливанскими парламентариями в октябре 1989 г., способствовавшую прекращению многолетнего социально-экономического кризиса и гражданской войны в Ливане.

Но объективно такая ситуация во внешней политике Советского Союза в последние годы его существования свидетельствовала о фактическом ослаблении стратегических позиций нашей страны в ближневосточном регионе. В дальнейшем развал СССР, крах «советской» модели, поражение в «холодной войне» обусловили потерю Россией, правопреемницей СССР, статуса «сверхдержавы». По мнению Е.Д.Пырлина, за последнее десятилетие сложилось впечатление, что «на Ближнем Востоке Россия играет по “вашингтонским правилам”. Но не секрет, что эти правила являются лишь частью долгосрочной стратегии США, направленной на тотальное “выдавливание”

нашей страны из бывшего “третьего мира”, на наглядное демонстрирование перед всеми внешнеполитического бессилия России»⁴.

Поэтому особенно актуальным в наши дни становится формирование российской внешнеполитической концепции национально-прагматического характера, которая подразумевает приоритет национальных интересов, включая российскую государственность и ценности культурно-цивилизационного наследия. Как считают российские исследователи В.А.Гранде и Р.В.Владимиров, анализ дальнейшего развития России подтверждает необходимость сбалансирования «западной» ориентации курса России на интегрирование в мировую экономическую структуру с активной разработкой условно называемого «южного» направления, где определенный интерес представляет регион Ближнего Востока и Северной Африки и в особенности страны, имеющие потенциал развития, в частности Ливан⁵.

Начиная с 1991 г., по мнению российских и ливанских дипломатов, происходит активизация российско-ливанского политического диалога. В рамках поездок по Ближнему Востоку в 1996–1997 гг. в Ливане трижды побывал Е.М.Примаков. В 1997 г. состоялся первый в истории двусторонних отношений официальный визит в Российскую Федерацию премьер-министра Ливана Р.Харири. В 1998 г. Москву посетил министр иностранных дел Ф.Буэйз. В декабре 1999 г. в Ливане побывал спецпредставитель президента России по Ближнему Востоку В.Д.Средин. В октябре 2000 г. в рамках миротворческой миссии по урегулированию арабо-израильского конфликта Ливан посетил министр иностранных дел России И.С.Иванов.

После вывода израильских войск с юга страны в мае 2000 г. на повестку дня встал вопрос восстановления власти ливанского правительства над освобожденными территориями, что предусмотрено резолюцией 425 Совета Безопасности ООН. Руководство Ливана считает, что важным аспектом в урегулировании как внутриливанской обстановки, так и всего арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке должно стать коспонсорство России в мирном процессе наравне с США.

Социально-экономические отношения Ливана и России на современном этапе регулируются межправительственным Соглашением между Россией и Ливаном о торговле и экономическом сотрудничестве от 31 марта 1995 г. В апреле 1997 г. во время визита в Москву премьер-министра Ливана Р.Харири были подписаны соглашения об избежании двойного налогообложения, о поощрении и взаимной защите капиталовложений, о сотрудничестве в области культуры, науки и образования и о создании Российско-ливанской межправительственной комиссии по торговле и экономическому сотрудничеству. В ходе ее первого заседания в марте 1998 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве центральных банков наших стран, о сотрудничестве в области туризма, Протокол о сотрудничестве между Российским союзом промышленников и предпринимателей и Ассоциацией ливанских про-

мышленников и предпринимателей, а также Соглашение между Торгово-промышленной палатой Ливана и Российской Федерацией.

В июле 1999 г. подписан Протокол о сотрудничестве между Московской городской думой и Муниципалитетом Бейрута. В марте 2000 г. столицу Ливана посетила делегация Москвы во главе с мэром Ю.М.Лужковым. В августе того же года по итогам визита в Москву министра водных, энергетических ресурсов и нефти Ливана С.Трабулси был подписан Меморандум о взаимопонимании с Министерством экономического развития и торговли России, предусматривающий развитие сотрудничества в области водного хозяйства (проектирование и строительство ирригационных систем, станций по очистке воды, плотин и горных водохранилищ и т.д.), строительства и ремонта линий электропередач и электростанций, восстановления нефтеперерабатывающих заводов, поиска нефти на территории Ливана, строительства сооружений нефтяной инфраструктуры.

В 90-е годы Ливан, по мнению российских востоковедов-экономистов В.А.Исаева и А.О.Филоника, стал весьма привлекательным для России, поскольку политическое и социально-экономическое сотрудничество с этой арабской страной отвечает государственным интересам России. После преодоления социально-экономического кризиса, продолжавшегося более 15 лет, ливанское правительство решило реализовать планы восстановления утраченных позиций финансового центра Ближнего Востока. Реконструкция промышленности, инфраструктуры, коммунального хозяйства требует огромного количества стройматериалов, технологий, капиталовложений, открытия кредитных линий. Внедрение капитала из России в экономическом плане было бы очень выгодно. «Ливанский частный капитал весьма активен, инициативен, заинтересован в новых контактах»⁶.

В последние годы товарооборот между нашими странами заметно увеличился (млн. долл.)⁷:

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Товарооборот	71,5	131,0	95,0	93,3	126,4	99,0
Экспорт	61,2	117,4	88,0	89,0	123,1	98,5
Импорт	10,3	13,6	7,0	4,3	3,3	0,5

Основные товары российского экспорта в Ливан (%):

минеральное сырье (топливо, масла и продукты их перегонки), стройматериалы – 63;

дерево и пиломатериалы – 17;

металл и металлоизделия – 15;

В небольших объемах экспортируются также электрооборудование, автотранспорт («Нива», «Лада»), товары народного потребления.

Основной импорт из Ливана в Россию (%)⁸:

продовольствие – 60;

транспортные средства – 10;

товары народного потребления – 6.

При этом имеется тенденция сокращения ливанского импорта и увеличения российского экспорта за счет роста объема поставок сырьевых товаров и стройматериалов.

Разработанный ливанским правительством генеральный план восстановления страны «Горизонт–2000», требующий на свое воплощение 18 млрд. долл., включает более 100 проектов, относящихся к развитию всех сфер жизни ливанского общества (производственного сектора, инфраструктуры, социального сектора). Эти проекты финансируются в основном за счет МБРР, Саудовского и Кувейтского фондов развития, Евроинвестбанка, правительств и банков Франции и Италии⁹.

Российские организации также проявляют заинтересованность в развитии инвестиционного сотрудничества, в том числе путем участия в международных торгах на реконструкцию и строительство ТЭС, ЛЭП, транспортных, ирригационных и водохозяйственных объектов, бурение на воду, сооружение зернохранилищ, промышленных холодильников, предприятий пищевой промышленности. Однако конкуренция со стороны других зарубежных фирм затрудняет успешное участие в торгах российских компаний без государственной поддержки. Как отметил в своем интервью журналу «Азия и Африка сегодня» посол Ливана в РФ Селим Таддмури, «...ливанцы заинтересованы в более активном участии российских фирм в восстановительных проектах в Бейруте и на юге Ливана»¹⁰.

В июне 1995 г. на встрече заместителя председателя правительства, а также главы МВЭС РФ с представителями ливанских деловых кругов ливанская сторона предложила рассмотреть возможность создания в Ливане совместного российско-ливанского банка и совместного предприятия (СП) в свободной зоне. Российская сторона откликнулась на это предложение. В июне 1997 г. состоялся визит в Ливан делегации ВО «Техностройэкспорт». Было принято решение о переносе представительства из Дамаска в Бейрут. В августе 1997 г. Ливан посетила делегация концерна «Промышленные машины». В ходе последующего визита этой делегации в октябре 1997 г. создано СП IMG Lebanon «Саско Групп». В ноябре в Бейруте открылось представительство СП для продвижения на ливанский рынок и рынки стран Ближнего Востока российской машиностроительной продукции, химических товаров, древесины глубокой переработки (ДСП, фанера и т.п.).

Между ливанской компанией «Малия Холдинг» и АО «Биотехнология» в 1998 г. достигнута договоренность о создании СП в России и Ливане по выпуску фармацевтической продукции. В марте 1998 года было подписано соглашение о сотрудничестве между ливанской судоходной компанией «Фаузи Гандур» и АО «Совфрахт».

С 19 по 23 мая 1998 г. в Бейруте состоялась международная выставка «Project Lebanon–98» с участием более 500 компаний из

33 стран мира. Впервые в ее работе приняла российская компания «Промышленные машины». Во время пребывания в Бейруте делегации этой компании состоялись встречи с министрами сельского хозяйства, промышленности, экономики и торговли, представителями Ассоциации промышленников Ливана, Ассоциации торговцев Бейрута. Обсуждались вопросы развития экономических связей: создание совместных сборочных производств тракторов для всего региона, сотрудничество в области ирригации и поливного земледелия, поставка сельскохозяйственных машин, участие в создании промзон, поставка медицинского оборудования на базе конверсионных предприятий.

Две российские компании – АО ВО «Техностройэкспорт» и ЗАО «Волганефтехиммонтаж» – участвовали в 1999 г. в международном тендере по водоснабжению и очистке воды и вошли в список претендентов на строительство объектов в городах Тир, Сайда и Набатия.

В области образования, науки и культуры между Россией и Ливаном также поддерживаются дружественные связи, ставшие уже традиционными. Еще во времена СССР в советских вузах получили образование около 8 тыс. ливанцев. Российская сторона продолжает практику предоставления стипендий для обучения ливанцев в России. Расширяются прямые связи между высшими учебными заведениями наших стран.

В мае 1997 г. в Бейруте в Российском центре науки и культуры (РЦНК) прошли Первая всеарабская конференция выпускников советских и российских вузов и Неделя образования Российской Федерации в Ливане. Несомненно, возрастает роль выпускников в расширении контактов с Россией. В 1997–1998 гг. по инициативе выпускников в Ливане были организованы две научные медицинские конференции, с докладами на которых выступили российские ученые. Начиная с 1998 г. при РЦНК действует школа русского языка для детей выпускников, работают художественные, спортивные и музыкальные кружки, библиотека и видеотека. Традиционными стали семейные вечера, которые организуют совместно Ливанская ассоциация выпускников советских и российских вузов и общество соотечественниц «Родина». В 1996 г. российские артисты, музыканты приняли участие в престижном фестивале искусств в местечке Бейт-Мери.

Таким образом, к концу XX в. сложилась достаточно благоприятная ситуация для дальнейшей интеграции российского бизнеса в ливанскую экономику, ведущую к взаимовыгодному партнерству наших стран. Важную роль в этом процессе должны играть государственные структуры, делая ориентацию России на Ливан и в целом на ближневосточный регион частью государственной политики. Дальнейшее укрепление социально-экономических и политических позиций России в этом стратегическом регионе усилит внешнеполитический статус России в целом.

¹ Цит. по: *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. – М., 1993. – С. 105.

² Там же, с. 149–150.

³ Интервью с послом Ливана в Российской Федерации господином Селимом Таддмури // *Азия и Африка сегодня.* – 1997. – № 5. – С. 48.

⁴ *Пырлин Е.* Проблема ближневосточного урегулирования в контексте российско-американских отношений // *Ближний Восток: проблемы региональной безопасности.* – М., 2000. – С. 206.

⁵ *Гранде В., Владимиров Р.* Место и роль Ближнего Востока в системе национальных интересов России. // *Ближний Восток и современность.* – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. – С. 18, 47.

⁶ *Исаев В., Филоник А.* Экономические интересы России в арабском мире. // *Ближний Восток и современность.* – М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. – С. 67.

⁷ Полпред. Экономические связи в 2000 г. // *Азия и Россия.* – М., 1999. – С. 290.

⁸ Там же, с. 291.

⁹ *The Middle East.* 02.1997, с. 5.

¹⁰ Интервью с послом Ливана в Российской Федерации господином Селимом Таддмури, с. 49.

**РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ДИАЛОГ И СОТРУДНИЧЕСТВО (1999–2001)**

Весной 2000 г. исполнилось 80 лет со дня обмена нотами между РСФСР и Ираном о взаимном признании наших государств. За эти десятилетия обе страны прошли трудный, насыщенный трагическими событиями путь, сложными и неровными были и отношения между ними. Но все это время не прекращался диалог между нашими странами.

С 90-х годов XX в. этот диалог становится все более активным. 25 декабря 1991 г. ИРИ выразила готовность продолжать отношения с Россией как государством – правопреемником СССР. В прошедшее десятилетие эти отношения развивались по нарастающей на высоком уровне и по широкому спектру глобальных и региональных проблем, актуальным вопросам двусторонних контактов. Российско-иранский диалог особенно активизировался с 1999 г. За короткий срок (1999–2000) Москву и Тегеран посетили, вели переговоры и консультации высокопоставленные официальные лица двух стран. Российскую сторону представляли секретарь Совета безопасности РФ С.Б.Иванов, министр иностранных дел И.С.Иванов, министр обороны И.Д.Сергеев, министр топлива и энергетики С.А.Генералов, природных ресурсов В.П.Орлов, министр по делам федерации и национальностей А.В.Блохин, директор пограничной службы РФ К.Ф.Тоцкий, заместители министра иностранных дел Г.Э.Мамедов, Г.Б.Карасин, А.П.Лосюков, В.И.Калюжный, другие официальные лица; иранскую сторону – секретарь Высшего совета национальной безопасности Х.Роухани, министр иностранных дел К.Харрази, руководитель Организации по атомной энергии Г.Агазаде, министр внутренних дел А.Мусави-Лари, министр металлургии и горной промышленности Э.Джахангири, министр энергетики Х.Битараф, министр культуры и высшего образования М.Моин, министр созидательного джихада – М.Саиди Кия, министр городского и жилищного строительства А.Абдулализаде, управляющий Центрального банка Ирана М.Нурбахш, другие высокопоставленные сотрудники госаппарата и правительства Ирана.

В рамках политического диалога, уделяя большое внимание вопросам глобального характера, РФ и ИРИ подтверждали схожесть подходов к формированию совместно с другими странами более безопасной, открытой и демократической системы международных отношений в XXI в. Стороны были едины и в том, что главная роль в

поисках ответов на вызовы и угрозы в условиях глобализации должна принадлежать универсальным международным институтам, прежде всего ООН. На встречах и консультациях серьезное внимание уделялось проблемам разоружения, нераспространения ядерного оружия, развитию взаимодействия в сфере контроля за экспортом товаров и технологий двойного применения. Стороны особо отмечали заинтересованность в укреплении Договора по ПРО как важном условии продолжения процессов разоружения, прежде всего ядерного.

Несомненную значимость в российско-иранском диалоге имели также подписанные в 1999 г. Программа обменов в области культуры и науки и, конечно же, Совместное заявление по правам человека, принятое 28 ноября 1999 г. по итогам рабочего визита главы российского МИД И.С.Иванова в Тегеран. В этом документе стороны подтвердили приверженность целям и принципам Устава ООН и Всеобщей Декларации прав человека, подчеркнули важность осуществления международного сотрудничества по проблемам экологического, социального, культурного и гуманитарного характера. Они признали необходимость уделять равное внимание осуществлению и защите всех гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав. В данном документе обе страны, признавая важное значение межэтнического и межконфессионального согласия, заявили о своей решимости предупреждать нетерпимость и дискриминацию. И Россия, и Иран проявили готовность пресекать все проявления политизации, двойных стандартов и конфронтации при рассмотрении вопросов о правах человека. Стороны также признали необходимость укрепления и развития международного сотрудничества в целом по этим вопросам. Кстати, основные положения Совместного заявления по правам человека были высказаны иранским министром иностранных дел К.Харрази еще весной 1998 г. в Женеве на церемонии по случаю 50-летия принятия Всеобщей Декларации прав человека.

Касаясь проблемы прав человека и отношения к ней Ирана, видимо, следует упомянуть, что эта страна по данному вопросу критикуется Западом. Представляется уместным отметить, что в апреле 2000 г. был утвержден проект доклада Комиссии по правам человека ООН «Положение в области прав человека в Исламской Республике Иран». В документе в целом ИРИ подвергается критике, но при этом приветствуются:

- взятое иранским правительством обязательство поощрять уважение законности, включая прекращение практики произвольных арестов, а также реформировать правовую и пенитенциарную системы и привести их в соответствие с международными стандартами;

- прогресс, достигнутый в Иране в области обеспечения свободы выражения мнений, в том числе более открытого обсуждения вопросов управления и прав человека;

- прогресс в отношении положения женщин в таких областях, как образование, профессиональная подготовка, здравоохранение и др.

Важное место в российско-иранском диалоге неизменно занимают вопросы региональной политики, прежде всего урегулирование конфликтов, в том числе афганского. Российские и иранские политики едины в том, что продолжающаяся эскалация этого конфликта представляет серьезную угрозу стабильности и безопасности региона и основное препятствие на пути его мирного урегулирования – неприимимость талибов, предпочитающих силовые методы. Стороны активно выступали в поддержку резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, предусматривающих политическое решение афганской проблемы и формирование широкопредставительного правительства, призывая к активизации миротворческих усилий представителя генерального секретаря ООН в Афганистане, продолжению работы «Группы 6+2», в состав которой входят пограничные с Афганистаном страны – Иран, Пакистан, КНР, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, а также США и РФ.

Серьезную обеспокоенность Ирана и России вызывает тот факт, что контролируемая талибами территория превращается в опорную базу международного терроризма, трансграничного незаконного оборота наркотиков.

Как показывают последние события, руководство ИРИ все чаще высказывало и высказывает серьезную озабоченность в связи с распространением терроризма. В этой связи заслуживает внимания позиция Тегерана в отношении ситуации на Северном Кавказе. Будучи до ноября 2000 г. председателем Организации Исламская Конференция (ОИК), Иран в ноябре 1999 г. обратился к руководству РФ с просьбой принять делегацию ОИК для ознакомления с положением на Северном Кавказе. 6–7 декабря 1999 г. делегация, возглавляемая иранским министром иностранных дел К.Харрази, посетила Москву, а также Дагестан, Северную Осетию и Ингушетию. В январе 2000 г. в Москве побывала еще одна делегация представителей внешнеполитических ведомств стран ОИК во главе с заместителем министра иностранных дел ИРИ Д.Зарифом. Делегация была принята министром иностранных дел РФ И.С.Ивановым и другими официальными лицами.

Российский министр на встречах с делегацией подчеркивал, что терроризм, в какие бы одежды не рядился, является как для нас, так и для мусульманских стран общим врагом, которому следует давать отпор совместными усилиями. Ведя борьбу с ним, Россия выполняет свои международные обязательства и пресекает угрозу его распространения в сопредельные регионы.

Делегация, в свою очередь, подтвердила неизменность позиции ОИК в пользу сохранения территориальной целостности Российской Федерации, невмешательства в ее внутренние дела, осуждение ею терроризма как явления, полностью противоречащего принципам ислама. На встрече была высказана обеспокоенность в связи с опасностью распространения терроризма с территории Северного Кавказа на прилегающие к этому региону мусульманские страны.

Официальная позиция самого Ирана в связи с ситуацией на Северном Кавказе в целом включает следующие основные элементы:

- события на Северном Кавказе являются внутренним делом России;
- Иран уважает территориальную целостность РФ;
- иранские представители неизменно подтверждают принципиальное неприятие Ираном терроризма во всех его формах и проявлениях.

Следует отметить, что в Иране не ведется сбор средств в пользу чеченских боевиков, не производится вербовка наемников, на территории страны нет каких-либо чеченских представительств, имеется лишь группа студентов из Чечни, проходящих обучение в иранских учебных заведениях.

Краткая информация о развитии российско-иранского диалога и сотрудничества была бы не полной без упоминания о том, что в рассматриваемый период (1999–2001) совершенствовалась и договорно-правовая база отношений между нашими странами. 16 июня 2000 г. состоялся обмен грамотами о ратификации Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам. В том же месяце Федеральное Собрание РФ ратифицировало Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Исламской Республики Иран об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал.

В 1999–2000 гг. активно развивалось и торгово-экономическое сотрудничество между нашими странами. Его основные направления – энергетика, в том числе и атомная, нефтегазовая и химическая промышленность, транспорт. В 2000 г. объем товарооборота между Россией и Ираном составил 603 млн. долл., что на 20% выше показателей 1999 г.

В атомно-энергетической области в соответствии с межправительственным Соглашением (январь 1995 г.) российские организации оказывали содействие Ирану в достройке первого блока АЭС «Бушир» мощностью 1000 МВт. Строительство этого объекта планирует завершить в декабре 2003 г.

Набирает обороты и российско-иранское сотрудничество в нефтегазовой и транспортной сфере. РАО «Газпром» совместно с французской компанией «Тоталь» и малазийской «Петронас» принимает участие в освоении второй и третьей очередей газового месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе. «Зарубежнефть» в консорциуме со «Стройтрансгазом» принимают участие в тендере на освоение 7, 8 и 9-й фаз месторождения «Южный Парс». В первой половине 2000 г. в Иране побывали делегации «Лукойла», «Транснефти», «Альфа-Групп», «Славнефти».

Транспортные ведомства России и Ирана с участием Индии и ряда других государств приступили к практической проработке проекта создания транспортного коридора «Север-Юг» с целью организации транзита товаров из Европы в страны Персидского залива и Ин-

дийского океана. 11 сентября 2000 г. Россия, Индия и Иран подписали соответствующее межправительственное соглашение.

Активное развитие получили также и прямые связи отдельных регионов России с провинциями Ирана.

В небольшой по объему статье автор не имел возможности не только проанализировать, но и перечислить все контакты – консультации, визиты, встречи и вопросы, рассматривавшиеся представителями наших стран в 1999–2000 гг. Однако нельзя особо не подчеркнуть, что уровень и насыщенность диалога между РФ и ИРИ определялись их общим видением и подходами ко многим основным параметрам современной обстановки в мире. Наши страны все более тесно взаимодействуют в сфере международной безопасности, не приемлют попыток навязать миру однополюсность, выступая за примат международного права против использования силы в международных отношениях в обход Устава ООН. Как созвучные друг другу в России рассматривают инициативу президента Ирана С.М.Хатами относительно диалога цивилизаций и предложенную Москвой Концепцию мира XXI в.

Важным и, несомненно, знаковым событием в российско-иранском диалоге стала состоявшаяся в сентябре 2000 г. в рамках Саммита тысячелетия встреча президентов РФ и ИРИ В.В.Путина и С.М.Хатами, в ходе которой была подтверждена готовность руководителей двух стран осуществить обмен визитами на высшем уровне.

Официальный визит президента Ирана С.М.Хатами в Россию состоялся 12–15 марта 2001 г., открыв новую страницу в развитии разносторонних контактов и связей РФ и ИРИ.

В обстановке доверительности и взаимопонимания главы РФ и ИРИ провели откровенный обмен мнениями по широкому кругу двусторонних, региональных и глобальных вопросов. При этом было подтверждено, что взаимное сотрудничество в политической, экономической, научно-технической, культурной и иных областях, а также на международной арене отвечает национальным интересам ИРИ и РФ, не направлено против третьих стран и играет важную роль в деле поддержания мира и стабильности на региональном и глобальном уровнях.

В контексте обоюдной заинтересованности в развитии торгово-экономических отношений стороны обсудили вопросы создания механизмов финансирования проектов двустороннего сотрудничества, прежде всего в области авиастроения, энергетики, нефтяной и газовой промышленности. При этом руководители РФ и ИРИ признали необходимым продолжать содействие созданию благоприятных правовых, экономических и финансовых условий двусторонней коммерческой деятельности и совместных капиталовложений в России и Иране.

Решив продолжать сотрудничество в области мирного использования атомной энергии и подтвердив свою приверженность обязательствам, вытекающим из их участия в Договоре о нераспространении ядерного оружия, президенты РФ и ИРИ дали поручения своим

министерствам и ведомствам подготовить совместный документ о принципах сотрудничества в мирном использовании атомной энергии.

Отметим в этой связи, что, комментируя визит в Москву президента С.М.Хатами, СМИ некоторых стран безосновательно сообщали о подписании каких-то тайных договоренностей между ИРИ и РФ, в том числе в сфере военно-технического сотрудничества. Однако на деле стороны не подписали на этот счет ни одного документа. На встрече президентов ИРИ и нашей страны 12 марта 2001 г. в Кремле было официально заявлено, что Иран не претендует на вооружения, которые находятся за рамками его международных обязательств, а Россия, со своей стороны, также не станет нарушать свои международные обязательства в этой области.

Подтвердив намерение продолжать сотрудничество в создании стабильной безопасности, справедливой и демократической системы международных отношений, основанной на верховенстве права, взаимовыгодном сотрудничестве и участии всех членов международного сообщества в решении глобальных мировых проблем, стороны на переговорах особо подчеркивали ключевую роль ООН в деле сохранения международного мира и безопасности и, подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава ООН, высказывались против применения силы или угрозы ее применения в нарушение Устава ООН и в обход Совета Безопасности ООН, а также против вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом «гуманитарной интервенции» или «ограниченного суверенитета».

При этом они заявили о своем намерении продолжать и углублять взаимодействие и сотрудничество по актуальным мировым проблемам в рамках ООН и других международных форумов, участниками которых они являются.

Была также констатирована важность тесного взаимодействия всех государств в целях достижения всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем, особенно в сфере ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также неукоснительного соблюдения имеющихся в этой области договоров и полного выполнения взятых обязательств.

При обсуждении региональной проблематики лидеры РФ и ИРИ уделяли особое внимание перспективам двух- и многостороннего сотрудничества на Каспийском море. Они высказались за скорейшее нахождение приемлемых для всех прикаспийских государств развязок по вопросу определения правового режима Каспия, исходя из того, что в данном регионе все проблемы должны решаться расположенными здесь странами на основе консенсуса, без вмешательства внерегиональных сил. При этом в «совместном заявлении РФ и ИРИ по правовому статусу Каспийского моря» стороны открыто заявили о своем неприятии прокладки по дну моря любых транскаспийских нефте- и газопроводов, являющихся опасными в экологическом отношении в условиях чрезвычайно активной геодинамики.

Подчеркнув озабоченность в связи с конфликтами в Центральной Азии и Закавказье, препятствующими нормальному развитию государств и их тесному взаимодействию, президенты двух стран приветствовали завершение процесса политического урегулирования и установления национального согласия в Таджикистане, высказавшись при этом в поддержку курса таджикского руководства на решение задач постконфликтного миростроительства, включая восстановление и подъем экономики и социальной сферы, развитие демократических институтов и проведение социально-экономических преобразований.

С близких или совпадающих позиций президенты РФ и ИРИ обменялись мнениями о ситуации в Афганистане и вокруг него. Было заявлено, что мирное урегулирование через межафганский политический диалог с целью формирования широкопредставительного и многоэтнического правительства – единственно возможный выход из братоубийственной войны в этой стране. Выражая сожаление в связи с бедственным положением афганского народа и призывая мировое сообщество оказать содействие в облегчении его участи, РФ и ИРИ выступили с осуждением экстремизма руководства Движения талибов, не оставляющего планов военного решения афганской проблемы, его поддержки международного терроризма и незаконной торговли наркотиками, а также осуществления талибами массовых этнических чисток и грубого нарушения норм международного гуманитарного права. Была подчеркнута важность неукоснительного выполнения резолюции 1333 СБ ООН для создания предпосылок к мирному разрешению афганского кризиса. Российская сторона предложила Ирану создать совместную рабочую группу по Афганистану.

При обсуждении ситуации вокруг Ирака стороны высказались за скорейший выход иракского урегулирования из создавшегося тупика без использования силовых методов и в полном соответствии с нормами и принципами международного права. Наиболее оптимальным вариантом разблокирования ситуации вокруг Ирака был назван пакетный подход, предусматривающий четкие перспективы приостановки, а затем и отмены санкций в увязке с развертыванием в этой стране международного разоруженческого мониторинга.

Касаясь кризисной ситуации вокруг палестинских территорий, ИРИ и РФ высказались за окончательное урегулирование палестинской проблемы, в рамках которого народ Палестины сможет реализовать свое законное право на самоопределение и создание независимого государства.

Подводя итог краткому рассмотрению вопросов, послуживших основой российско-иранского диалога, отметим, что, несомненно, важнейшим его результатом было подписание Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, который, закрепив высокий уровень взаимодействия между двумя странами, заложил правовую основу их долговременных двусторонних связей в политической, торговой, технико-экономической, научной и культурной сферах.

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ СНГ И РОССИЯ

Переживаемые бывшими советскими республиками трудности переходного периода были восприняты международными террористическими центрами как исторический шанс закрепиться на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ), обкатать здесь свои далеко идущие, по существу, глобальные планы. В последние годы XX в. государства Центральной Азии столкнулись с серьезнейшим вызовом – беспрецедентным по масштабам скоординированным наступлением сил международного терроризма и экстремизма на южных рубежах СНГ – по протяженной дуге от Памира и далее до Кавказа.

Плацдармом для этих сил в последние годы стал Афганистан. Режим талибов, контролирующей большую часть территории страны, создал благоприятные условия для превращения ее в опорную базу международного терроризма и экстремизма. Поэтому проблема безопасности центральноазиатских государств во многом «завязана» на положение в Афганистане и ход внутриафганского конфликта.

Насколько можно судить, в качестве среднесрочной задачи международные террористические центры рассматривают создание в районе Ферганской долины зоны действия законов шариата как ядра будущего исламского государства, «халифата» в Центральной Азии. Понятно, что реализация этого «проекта» предполагает насильственное разрушение существующих форм государственности, по крайней мере, в трех странах – Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. Таким образом, можно сказать, что международный терроризм и экстремизм, прикрывающиеся исламскими лозунгами, представляют для центральноазиатских государств угрозу системного характера. Компромисс с этими силами, их «умиротворение» едва ли возможны.

В данной статье мы не будем специально останавливаться на конкретных параметрах и проявлениях этой угрозы. Взрывы в Ташкенте в июне 1999 г., события в Баткенском районе Киргизии в августе 1999 г. и в августе 2000 г. и в Сурхандарьинской области Узбекистана в августе – сентябре 2000 г., тесное взаимодействие между экстремистами – от талибов и боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) до чеченских сепаратистов и «борцов за независи-

мость» китайского Синцзяня – все это получало и получает широкое освещение как в СМИ, так и в научной литературе. Поэтому ограничимся констатацией – наличие угрозы со стороны сил международного терроризма и экстремизма, прикрывающихся исламскими лозунгами, опорной базой для которых стала контролируемая талибами территория Афганистана, признается региональными государствами и не вызывает сомнения у мирового сообщества, о чем свидетельствуют принятые в декабре 2000 г. резолюция 1333 Совета Безопасности ООН и резолюция 55/119 Генеральной Ассамблеи ООН «Права человека в Афганистане».

Существующие трактовки природы этой угрозы и в конечном итоге – причин нынешней напряженности в Центральной Азии обычно учитывают как внутренний, так и внешний аспекты проблемы. Однако акценты могут существенно различаться.

Тезис о внутреннем происхождении угроз стабильности и безопасности в Центральной Азии ложится в основу политики в отношении государств региона, проводимой некоторыми западными странами и международными организациями (в частности, ОБСЕ). Внимание фокусируется на проблеме «недемократизма» политических режимов в центральноазиатских странах, в которой, как заявляется, и коренится суть проблемы исламского экстремизма. Так, в опубликованном в Вене заявлении действующего председателя ОБСЕ Б.Ферреро-Вальднер в связи с действиями экстремистов в Центральной Азии в августе 2000 г. отмечалось, что демократические и экономические реформы – это наилучший способ лишить террористов поддержки, необходимой им для расширения боевых действий¹. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств М. ван дер Стул на международном семинаре «Религия, безопасность и стабильность в Центральной Азии» в октябре 2000 г. в Алма-Ате высказал мнение, что религиозные экстремисты, посягающие на власть в Центральной Азии, активно используют недовольство граждан социально-экономическими условиями².

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что тяжелое социально-экономическое положение в этих странах создает высокий потенциал общественного недовольства, становящийся благоприятной почвой для экстремизма. Вместе с тем следует заметить, что экстремистские формы выражения этого недовольства привносит (а порой и навязывает) все же внешний фактор – целенаправленная деятельность международных террористических центров, стремящихся использовать сложную ситуацию в Центральной Азии в своих неблагоприятных целях, размах которых значительно шире.

Впрочем, в академическом плане, возможно, здесь вообще нет предмета для дискуссии. В самом деле, речь идет об очевидном взаимодействии двух факторов – внутреннего и внешнего. Трудности начинаются, когда мы обращаемся к реальной политике и встает во-

прос о конкретных шагах, необходимых для решения кризисной ситуации. И здесь меры по демократизации – бесспорные в качестве стратегической перспективы – едва ли пригодны в качестве практического рецепта для борьбы с экстремизмом и терроризмом.

На данный момент сложилось несколько межгосударственных форматов, в которых центральноазиатские государства пытаются решать задачи укрепления своей безопасности. Рассмотрим их.

Сотрудничество в сфере безопасности в рамках СНГ

25 января 2000 г. Совет глав государств (СГГ) СНГ принял решение о подготовке Программы государств-участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 г., а также о создании единого Антитеррористического центра (АТЦ) Содружества. 21 июня 2000 г. Программа была представлена и утверждена СГГ СНГ. Документ предусматривает сближение и гармонизацию национальных законодательств по борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма, проведение совместных исследований, обмен информацией и другие мероприятия. Он имеет рамочный характер и задает основные направления сотрудничества в данной области.

Параллельно с разработкой Программы принимались меры по созданию в Москве на базе Федеральной службы безопасности России АТЦ СНГ – специализированной структуры по обеспечению координации взаимодействия компетентных органов государств-участников Содружества в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

В декабре 2000 г. введено в действие Положение об АТЦ, определяющее правовой статус, основные задачи, функции, состав и организационные основы деятельности центра. Этот орган будет на постоянной основе осуществлять анализ информации, имея в своем распоряжении объединенный банк данных органов безопасности, спецслужб и других компетентных органов. Функции – от информационно-аналитических до (в перспективе) оперативных. Утверждение Положения и решение организационных и финансовых вопросов функционирования АТЦ создает предпосылки для безотлагательного начала его практической деятельности.

Обращает на себя внимание, что вопросы выработки общей стратегии борьбы с международным экстремизмом и создания соответствующих структур решаются по меркам СНГ достаточно оперативно. Вместе с тем следует признать, что такое взаимодействие пока находится на начальной стадии и еще не стало действенным фактором обеспечения безопасности. Ему еще предстоит раскрыть свой потенциал в целом, также как и выявить возможности влияния на сложившуюся ситуацию.

Договор о коллективной безопасности

Три государства Центральной Азии – Казахстан, Киргизия, Таджикистан – являются участниками Договора о коллективной безопасности (ДКБ). Представляется уместным начать с общей характеристики этой военно-политической организации.

Договор о коллективной безопасности был подписан 15 мая 1992 г. в Ташкенте президентами России, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Впоследствии к нему присоединились Азербайджан (24 сентября 1993 г.), Грузия (9 декабря 1993 г.) и Белоруссия (31 декабря 1993 г.).

Участники ДКБ обязались не вступать в военные союзы или группировки и не принимать участие в действиях, направленных против других государств-участников (ст. 1). Предусмотрены консультации и согласование позиций по затрагивающим интересы участников вопросам международной безопасности, а также в случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников, либо угрозы международному миру (ст. 20); взаимопомощь, включая военную, в случае агрессии против любого из государств-участников (ст. 4). Договор не предполагает создания замкнутого военного союза или блока и открыт для присоединения всех заинтересованных государств, разделяющих его цели и принципы (ст. 10).

Договор вступил в силу для всех девяти участников 20 апреля 1994 г. сроком на пять лет. Однако протокол о продлении Договора подписали по завершении этого периода 2 апреля 1999 г. лишь Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, которые и являются в настоящее время участниками ДКБ.

Выход из ДКБ трех стран, который в тот момент широко трактовался в СМИ и политических кругах как острый кризис системы совместного обеспечения безопасности на пространстве Содружества, оказался неоднозначным по своим последствиям. Прекращение членства «тройки», сузило географическую сферу действия ДКБ и в то же время укрепило его однородность, создав благоприятные предпосылки для повышения его эффективности. Шесть оставшихся участников приступили к переводу сотрудничества на более высокую ступень, начали работу по повышению действенности договора, формированию региональных подсистем коллективной безопасности на центрально-азиатском, западном и кавказском стратегических направлениях.

Развитие ДКБ на протяжении последних полутора лет идет по двум направлениям. Первый вектор можно определить формулой «от декларативности к предметности» – проработка конкретных механизмов реализации положений договора, в том числе и непосредственно в военной области. Параллельно происходит отладка механизмов ДКБ с целью адаптировать его к реалиям современной геополитической обстановки с характерным для нее возросшим значением нетра-

диционных вызовов и угроз национальной безопасности. Речь идет прежде всего о задачах борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, контрабандой наркотиков и оружия, организованной преступностью. Это, кстати, также предполагает создание специфических механизмов. Одним из них является приступивший к работе в сентябре 2000 г. Комитет секретарей советов безопасности, в компетенцию которого входит координация деятельности правоохранительных органов и спецслужб государств-участников.

Не будет преувеличением сказать, что именно центральноазиатское направление находится в последнее время в центре внимания государств-участников ДКБ как наиболее сложное³. Преимущественно центральноазиатской проблематике была посвящена сессия высшего органа ДКБ – Совета коллективной безопасности, состоявшаяся в Бишкеке в октябре прошлого года. Были приняты решения о практических шагах по созданию системы коллективной безопасности и о формировании сил быстрого развертывания для региона. Соответствующая работа начата военно-штабными структурами государств-участников.

Надо признать, что реализация идеи создания сил быстрого реагирования связана с решением ряда непростых проблем. Подписанное в мае 2000 г. Соглашение о статусе сил и средств системы коллективной безопасности создает правовые основы для функционирования таких сил. Вместе с тем оно предусматривает, что решения о выделении национальных контингентов в состав таких сил будут приниматься в соответствии с национальными законодательствами сторон.

Создание сил быстрого развертывания в рамках ДКБ представляется оптимальным во многих отношениях вариантом реагирования на экстремистскую угрозу Центральной Азии. Хотя ясно, что их ядро в военном отношении неизбежно составит российский контингент, многосторонняя форма будет политически существенно более приемлемой для всякой силовой антитеррористической акции в регионе.

Формирование действенных механизмов реализации ДКБ, включая силы быстрого развертывания, позволит ему стать весомым фактором обеспечения безопасности государств Центральной Азии.

«Шанхайская пятерка»*

«Шанхайская пятерка» возникла как многосторонний механизм решения пограничных вопросов и укрепления безопасности в зоне бывшей советско-китайской границы. В апреле 1996 г. в Шанхае прошла первая встреча руководителей России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, по итогам которого было подписано Соглашение

* В июне 2001 г. в Шанхае состоялся саммит участников «шанхайской пятерки», на котором она была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). В ее состав вошел также Узбекистан.

об укреплении доверия в военной области. Через год, в апреле 1997 г., на саммите в Москве лидеры «пятерки» подписали Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Документ определил механизмы жесткого контроля за соблюдением сторонами соответствующих обязательств.

Успешная реализация этих соглашений, прогресс в решении пограничных вопросов продемонстрировали эффективность взаимодействия в таком формате и соответствие его интересам участников. С 1999 г. отмечается стремление участников к диверсификации своего сотрудничества на основе накопленного позитивного опыта. Последний саммит «Шанхайской пятерки», проходивший в Душанбе в июле 2000 г., определил задачу превратить ее в «региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах». В Душанбинской декларации, подписанной на саммите 5 июля 2000 г., стороны подтвердили решимость «совместно бороться с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом», охарактеризовав их как «главную угрозу региональной безопасности, стабильности и развитию», а также с такими опасными формами преступности, как незаконный оборот оружия и наркотиков, незаконная миграция.

Примечательно, что в Душанбе впервые на мероприятии «Шанхайской пятерки» участвовал в качестве наблюдателя Узбекистан, представленный президентом И.Каримовым.

Во исполнение решений душанбинского саммита ведется разработка ряда соответствующих многосторонних документов. Интенсивно развивается взаимодействие в рамках «Бишкекской группы», включающей руководителей правоохранительных органов и специальных служб пяти стран.

На встрече в Душанбе было поддержано предложение Киргизии о создании региональной антитеррористической структуры (АТС) с месторасположением в Бишкеке. В феврале 2001 г. в киргизской столице прошли очередные экспертные консультации по вопросам создания АТС.

Антитеррористический договор «четырёх»

21 апреля 2000 г. президенты государств-участников Центральноазиатского экономического сообщества (ЦАЭС) – Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана – подписали в Ташкенте Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности сторон. Документ предусматривает такие формы сотрудничества, как консультации и обмен информацией, правовая помощь по уголовным делам и взаимная выдача преступников в соответствии с международными договорами, осуществление совместных учений, оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, а также специальных операций, в

том числе с привлечением контингентов вооруженных сил и спецподразделений правоохранительных органов сторон.

Вскоре стороны пригласили Россию присоединиться к этому Договору. Предложение рассматривается российской стороной. На наш взгляд, такое присоединение могло бы принести определенную пользу, создав новый перспективный формат сотрудничества в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии.

Двустороннее сотрудничество

Важное значение имеет и двустороннее сотрудничество. Так, в соответствии с двусторонними договоренностями российские пограничники несут охрану таджикско-афганской границы. На такой же основе после завершения в июне 2000 г. миротворческой операции по мандату СНГ регулируются вопросы пребывания в Таджикистане российской 201-й мотострелковой дивизии – важного фактора стабильности в стране и регионе в целом. Договор о придании этому контингенту статуса военной базы России, уже ратифицированный таджикской стороной, находится в настоящее время на ратификации в Государственной Думе.

Заметим, что российское военное присутствие в Таджикистане в соответствии с договоренностями между Москвой и Душанбе является в то же время слагаемым общих усилий государств ДКБ по обеспечению стабильности на центральноазиатском направлении.

Значительное внимание двустороннему сотрудничеству с государствами Центральной Азии в области безопасности уделяет Китай. Известно, например, что летом 2000 г., когда экстремисты предприняли вылазки на узбекской территории, Китай немедленно откликнулся на просьбу Узбекистана о поставке снайперских винтовок⁴.

В ходе визита министра обороны Киргизии Э.Топоева в Пекин в мае 2000 г. было подписано соглашение об оказании Китаем безвозмездной военной помощи республике. В соответствии с ним в январе 2001 г. в Бишкек двумя самолетами была доставлена партия военного снаряжения и обмундирования на сумму 5 млн. юаней (примерно 600 тыс. долл.)⁵.

Китай развивает связи в этой области и с другими центральноазиатскими государствами.

Возрастающую активность в сотрудничестве со странами региона в сфере обеспечения безопасности проявляет в последнее время ряд государств, географически достаточно удаленных от Центральной Азии.

Турне госсекретаря США М.Олбрайт по столицам государств региона в апреле 2000 г. стало демонстрацией намерения США играть здесь более активную роль и положило начало периоду значительно более интенсивных, чем прежде, контактов и обменов. Красной нитью через них проходила проблематика безопасности.

Важным пунктом центральноазиатской политики США стала «инициатива Олбрайт», которая предусматривает выделение 10 млн. долл. Узбекистану, Казахстану и Киргизии на цели укрепления безопасности их границ⁶.

Проявляет интерес к сотрудничеству с центральноазиатскими государствами в сфере безопасности и Великобритания.

Каково значение вклада внерегиональных государств в международные усилия по противодействию террористической угрозе в Центральной Азии? Объективная оценка показывает, что в практическом плане оно невелико, является скорее символическим и не оказывает решающего влияния на положение дел «в поле». Поэтому совместные усилия стран СНГ представляют на данный момент магистральное направление борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии, а содействие «внешних игроков», хотя и может быть полезным, объективно имеет лишь вспомогательный характер.

Важно только, чтобы такое содействие не противоречило общим усилиям государств СНГ и не ослабляло их. А опасения на этот счет имеют право на существование. Ведь уже само по себе разнообразие инициатив и направлений сотрудничества, подчас плохо стыкующихся между собой, может в определенных условиях оказаться контрпродуктивным, приводя к распылению ресурсов.

Между тем проблема, на наш взгляд, глубже, нежели просто возможная нескоординированность. Есть основания ставить под сомнение и сами мотивы западной помощи центральноазиатским государствам в сфере обеспечения безопасности, подозревать, как говорят, наличие «скрытой повестки».

Категории «большой игры», в том виде как они изложены З.Бжезинским в книге «Великая шахматная доска», похоже, оказывают (вопреки дежурным заверениям в обратном) серьезное влияние на политику Запада в Центральной Азии. Проблематика борьбы с международным терроризмом рассматривается под углом зрения обеспечения «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве, что означает попросту – ослабление здесь позиций России. Попутно решается задача обеспечить себе дополнительные не только информационные, но и политические рычаги воздействия на ситуацию в регионе. Такова, как видится, направленность выдвигаемой некоторыми государствами-членами НАТО идеи создания специальной рабочей группы по Центральной Азии в рамках Совета евроатлантического партнерства (СЕАП).

Роль России

Конечно, и Россия в своей центральноазиатской политике (кстати, по нашему мнению, довольно прагматичной) руководствуется прежде всего собственными национальными интересами. Разница, однако, в том, каковы они и как соотносятся с интересами государств региона.

Следует помнить, что с точки зрения национальной безопасности значимость ситуации в Центральной Азии для России больше, чем для любого другого сопредельного с этим регионом государства, не говоря уже о внерегиональных странах. Достаточно указать на отсутствие обустроенной границы, отделяющей ее от центральноазиатского региона. Словом, Россия и государства Центральной Азии объективно находятся «в одной лодке» в том, что касается угрозы международного терроризма и экстремизма.

Важно отметить и следующее: эффективное решение проблемы безопасности центральноазиатских государств без России невыполнимо. Реальной альтернативы ведущей роли Москвы в этом не существует. Заметим, ни одна из стран Запада в отдельности, ни индустриально развитые державы вместе не готовы нести издержки обеспечения безопасности в центральноазиатском регионе в тех масштабах, как это делает Россия.

В этом контексте сотрудничество между Москвой и центральноазиатскими столицами действительно ведет к усилению влияния России в регионе – и это объективный процесс. Однако речь не идет об имперских амбициях или втягивании кого-либо в военно-политические структуры с российским участием. В интервью «Фигаро» 26 октября 2000 г. В.В.Путин подчеркнул: «Перспективы... укрепления позиций России мы видим прежде всего в развитии взаимовыгодного экономического партнерства со своими ближайшими соседями, в совместных усилиях по защите мира и стабильности, включая коллективный отпор международному терроризму и экстремизму»⁷.

Есть и другой аспект проблемы – острые противоречия, которые серьезно затрудняют объединение усилий государств Центральной Азии для противостояния общей угрозе.

Эти противоречия, которые на поверхности региональной политики проявляются зачастую как взаимное недоверие и неприязнь между государственными лидерами, объективно обусловлены и имеют, как правило, глубокие исторические корни.

Обоюдные проблемы, традиционно связанные, например, с допользованием и энергоснабжением омрачают отношения между Киргизией и Таджикистаном, с одной стороны, и соседним Узбекистаном, с другой. Первые, «сидящие на верховьях» рек и контролирующие крупные гидросооружения, способны влиять на режим ирригации и орошения в Узбекистане, в то время как сами зависят от поставок узбекского газа для отопления и производства электроэнергии. В практике межгосударственных взаимоотношений обе стороны нередко используют эти факторы в целях политического давления.

Как видится, наиболее сильно взаимное недоверие между Душанбе и Ташкентом. Обе стороны «держат в рукаве» козыри друг против друга. При этом состояние отношений между ними прямо связано с общей картиной напряженной ситуации в Центральной Азии.

Узбекистан обвиняет таджикскую сторону в недостаточной жесткости в отношении инфильтрации боевиков Исламского движения Узбекистана из Афганистана через таджикскую территорию. Более того, в Ташкенте считают, что часть руководства соседней страны, представляющая бывшую вооруженную исламскую оппозицию, которая была интегрирована в политическую систему в результате межтаджикского урегулирования, попустительствует и даже прямо покровительствует ИДУ. Пребывание в Таджикистане отрядов этой организации во главе с Дж.Намангани – серьезный раздражитель. В свою очередь, Душанбе обвиняет Узбекистан в укрывательстве и поддержке полковника М.Худойбердыева, этнического узбека, поднявшего в 1997 г. антиправительственный мятеж в Таджикистане.

Следует отметить, что стороны периодически пытаются урегулировать или хотя бы сгладить остроту этих взаимных претензий.

Долгосрочный фактор напряженности – этническая чересполосица, которая в значительной мере является результатом волюнтаристского подхода к административно-этническому размежеванию в Средней Азии в советские времена. В каждом из центральноазиатских государств есть районы компактного проживания титульных национальностей соседних стран. Проблема разделенных народов стоит в регионе весьма остро.

Вообще, насколько можно судить, этнополитические соображения играют весьма серьезную роль в региональной политике. Так, нам представляется, что политику Душанбе по отношению к соседям во многом определяет концепция «враждебного тюркского окружения».

В такой ситуации Россия, заинтересованная в организации коллективного отпора общим угрозам безопасности, исходящим с южного направления, не может не стремиться к разрешению противоречий между своими центральноазиатскими партнерами.

Пожалуй, ни одна из упомянутых выше многосторонних структур (не говоря уже о двустороннем сотрудничестве) не может пока претендовать на то, чтобы дать адекватный ответ на вызовы безопасности центральноазиатских государств. Отсюда проблема поиска оптимального формата для коллективных усилий в этой сфере.

Позволим себе высказать на этот счет некоторые соображения.

Естественным форматом представляется такой, который охватывал бы государства, с одной стороны, непосредственно затронутые данной угрозой, и с другой – способные и желающие внести существенный вклад в ее отражение. Такому критерию отвечает, пожалуй, условная группа государств, включающая Россию, все центральноазиатские страны, а также Китай.

Но, конечно, в современной политике едва ли целесообразно делать ставку на «конструирование» коалиций. Если воспринимать

сложившиеся конфигурации как данность, то речь на сегодня должна идти скорее о поиске оптимальных вариантов стыковки существующих форматов.

Автор не берется предсказать конкретные параметры окончательного решения. Хочется надеяться, однако, что нахождение взаимоприемлемого эффективного формата коллективных антитеррористических действий позволит не только отразить экстремистскую угрозу, нависшую над Центральной Азией, но и станет фактором гармонизации межгосударственных отношений в регионе.

¹ Зарубежная печать о ситуации в Центральной Азии. Сообщение ИТАР-ТАСС (Атлас). 13.09.2000.

² Сообщение ИТАР-ТАСС, 26.10.2000.

³ Впрочем, и исторически оно с самого начала было предметом особого внимания ДКБ. Именно с центральноазиатским регионом связаны те случаи, когда механизмы договора были реально задействованы (политические консультации в периоды обострения обстановки в Афганистане в 1996 и 1998 гг., согласованные меры по подавлению вылазок вооруженных экстремистских группировок осенью 1999 и весной 2000 гг. в связи с обострением военно-политической ситуации на юге Киргизии).

⁴ Прибывший в Пекин с соответствующей просьбой министр обороны Узбекистана, вернулся на родину с партией этого оружия на борту своего самолета. Оперативность отклика китайской стороны, насколько можно судить, произвела большое впечатление на Ташкент.

⁵ ИТАР-ТАСС со ссылкой на пресс-службу Министерства обороны Киргизии.

⁶ В декабре 2000 г. на базе Министерства обороны Киргизии под Бишкеком состоялась передача первой партии американского военного оборудования, предоставленного в рамках этой программы.

⁷ Le Figaro. 26.10.2000.

РОССИЙСКО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Наступление третьего тысячелетия являет собой важную веху в историческом развитии арабских стран и органично совпадает с формированием элементов новой структуры международных отношений. Послевоенное устройство межгосударственных отношений, являющееся результатом общих процессов мирового развития, постепенно отходит в прошлое и в начале нового столетия находится в процессе трансформации. Одни из созданных этим временем институтов отмирают. Другие пока сохраняются, с трудом приспособиваясь к новым реалиям.

За последние сто лет арабский мир пережил крупные потрясения, сопровождавшиеся многочисленными восстаниями, революциями, войнами, реформами. Да и сегодня Арабский Восток являет собой весьма лабильный в политическом и экономическом отношениях район мира, где идет ожесточенная борьба мнений на региональном и внерегиональном уровне по поводу будущего устройства государств, отработки подходов к решению наиболее актуальных проблем политики, хозяйственного возрождения, социального прогресса.

В условиях ускоренной эволюции системы международных отношений, в переходный период своего внутреннего развития Россия находится на критически важном этапе переосмысления национальных государственных интересов как в области внутренней, так и внешней политики. Геополитическое положение, размеры, экономический и военный потенциал, ядерный статус, роль в Совете Безопасности объективно ставят Россию в ряд великих мировых держав, имеющих широкий спектр внешнеполитической активности. Проблемы нахождения гармоничного сочетания различных сфер наших интересов за рубежом, оптимального соотношения западного и восточного направлений нашей внешнеполитической активности, мобилизации соответствующих усилий и их эффективности с точки зрения укрепления авторитета России на международной арене и стабилизации внутриполитической и социально-экономической ситуации в стране становятся крайне актуальными.

Неизбежная для России включенность в процесс формирования новой системы международных отношений определяет ее практическое участие в событиях в арабском мире и на Ближнем Востоке в целом. В последние годы своего существования Советский Союз встал перед насущной необходимостью кардинального переосмысле-

ния политики в арабском мире, приведения ее в соответствие с задачами формирования многополюсной системы международных отношений, идущей на смену биполярному конфронтационному миру. Решение этой задачи, унаследованной Россией, заключается, как можно полагать, не просто в восстановлении прежней структуры политических и экономических связей с арабами, а в построении на их основе новой практики взаимного сотрудничества, иного понимания российского национального интереса.

К тому же после распада СССР развитие международной и региональной обстановки привело к тому, что как Россия, так и государства Ближнего Востока фактически оказались в одном геополитическом, военно-стратегическом пространстве с «пограничными» проблемами устойчивости и стабильности, резко возросшей взаимозависимостью и взаимообусловленностью протекающих здесь политических и экономических процессов. Речь, в частности, идет об образовании на юге нашей страны новых геополитических реалий, суть которых состоит в расширении рамок региона Ближнего Востока непосредственно до границ России в результате образования независимых государств в Закавказье и Центральной Азии. В этой связи ближневосточный регион приобретает особо важное значение для реализации российских интересов в южной зоне постсоветского пространства. В то же время складывающаяся сегодня на Ближнем Востоке ситуация является для России весьма непростой и даже потенциально опасной, поскольку новая геополитическая ситуация здесь может сформироваться без участия России и должного учета ее интересов.

Анализ динамики событий в регионе с точки зрения приобретших международный характер конфликтов современности свидетельствует о том, что отношения между государствами региона в своем концентрированном виде все еще представляют собой отношения между национальными «центрами силы», а характер отношений между основными элементами системы международных отношений по-прежнему, несмотря на различные многосторонние формы взаимодействия, детерминируется в первую очередь параметрами национальной мощи государств.

Поскольку Ближний Восток является зоной опасных международных конфликтов, перспектива скорейшего и всеобъемлющего урегулирования которых остается достаточно проблематичной, происходящие там события непосредственным образом затрагивают национально-государственные интересы России, прежде всего на Кавказе и в Средней Азии. В этой связи вопросы стабильности и предсказуемости развития политической и военно-политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, на территориях, прилегающих к нашим границам и границам СНГ, а также обеспечение прочного мира и безопасности в регионе остаются основным императивом российской внешней политики на арабском направлении. Снижение уровня кон-

фронтационности там будет способствовать нейтрализации аналогичных или схожих деструктивных процессов на территории самой России и в границах постсоветского геополитического пространства. С учетом того, что Арабский Восток вряд ли сможет долго оставаться на периферии военно-политических раскладок международного и регионального характера, а близость региона в геостратегическом отношении к НАТО, к тому же в условиях отсутствия ОВД и СССР, приобретает иное, нежели прежде, звучание, Россия крайне заинтересована в пребывании стран региона вне военно-политических союзов, которые хотя бы в гипотетическом плане могли бы представлять угрозу государственным интересам и безопасности РФ, а также в обеспечении свободного и гарантированного прохода наших судов через проливы и выхода в Мировой океан через Средиземное море.

Сохраняется и значение ближневосточного региона в качестве одного из основных источников энергоресурсов, важнейшего узла пересечения мировых коммуникаций, емкого рынка сбыта валютно-доходных товаров. В этой связи к категории долгосрочных российских ближневосточных интересов можно отнести создание благоприятных условий для оптимального развития сотрудничества России со странами Ближнего и Среднего Востока, российского участия в проектах экономического развития стран региона на двусторонней и многосторонней основах, доступа наших товаров, в том числе военнотехнического характера, на рынки стран региона.

Приобретение Россией статуса правопреемницы СССР в международных делах и доставшийся ей таким образом «титул» коспонсора ближневосточного мирного процесса налагают серьезные обязательства. А соответствие этой роли и обеспечение на деле наших интересов требуют не только достаточного экономического и военнотехнического потенциала, но и предполагают активные меры в целях конвертирования такого потенциала в проведение веской и результативной политической линии в регионе.

К сожалению, вплоть до последнего времени Россия не смогла выработать до конца четкие ориентиры своей политики на Ближнем Востоке. Ее политические инициативы выглядели подчас спонтанными и плохо просчитанными. Усиливавшееся расхождение в оценках ситуации в ближневосточном регионе и выборе приоритетов в самой России дезориентировали ее соседей и ослабляли позиции России на Ближнем и Среднем Востоке.

Вместе с тем, несмотря на все политические и экономические трудности, в настоящее время перед Россией для активной политики на Ближнем Востоке имеется значительный стратегический простор, а широкий спектр исторически сложившихся связей России с арабскими странами и накопленный за последние десятилетия потенциал в отношениях с Израилем в сочетании с присущими России всеми необходимыми компонентами великой державы создают достаточно

весомые предпосылки для укрепления роли России в регионе в качестве значимой экономической и политической силы.

* * *

Сегодня без преувеличения можно сказать, что Сирия по-прежнему является одной из ключевых фигур в затянувшемся арабо-израильском противостоянии, в других важных событиях, непредсказуемо изменяющих политический облик региона. О Сирии справедливо говорят, что без нее можно начать войну, но добиться мира нельзя. Данная, хотя и парадоксальная, оценка является своеобразным признанием особой роли Сирии в регионе, ее возможностей влиять на ход событий на Ближнем Востоке, проводить самостоятельный курс на межарабской арене, активно участвовать в делах мирового сообщества. Статус региональной державы, имеющей эффективные рычаги воздействия на общий ход мирного ближневосточного процесса, на ситуацию в регионе в целом и, особенно, в Ливане, на палестинскую проблему, а равно и реноме Дамаска как опытного посредника, поддерживающего доверительные контакты с лидерами ряда государств мира и имеющего особые отношения с Тегераном, вынуждает зарубежных политиков, в том числе из США, считаться с позицией Сирии в ближневосточных делах, учитывать мнение Дамаска по основным региональным проблемам.

Такое международное положение Сирии в значительной мере обусловлено беспрецедентным по политическим меркам региона почти 30-летним правлением Хафеза Асада, в период которого страна практически не знала политических потрясений и, несмотря на многочисленные проблемы, связанные, в первую очередь, с отвлечением огромных ресурсов на нужды обороны и безопасности, смогла добиться серьезных успехов в экономике, во всяком случае, оградив себя на наиболее уязвимом направлении – продовольственном. Приход к власти Асада и начало провозглашенного им «Исправительного движения» ознаменовали новый этап во внутренней и внешней политике Сирии. Поведенческий стереотип Сирии, особенно в тот период, определялся в значительной степени ее лидером. Его личный вклад в превращение страны в полноценного и равного партнера в региональных взаимоотношениях исключительно велик. Именно при Хафезе Асаде наши двусторонние отношения достигли своего пика, и он никогда не забывал того позитива, который обретал Дамаск от особых отношений с Москвой*.

* Подробнее о Х.Асаде см.: Ахмедов В. Политический облик режима // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 8; Ахмедов В., Филоник А. Президент Сирии Хафез Асад // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 5; Ахмедов В.М., Исаев В.А., Филоник А.О. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. – М., 2000.

Благоприятную основу для становления отношений с Сирией заложила позиция Советского Союза в феврале 1946 г. в ООН. СССР поддержал право Сирии и Ливана на полную независимость и высказался за немедленную и одновременную эвакуацию французских и британских войск из Сирии и Ливана. В условиях «холодной войны» Восточное Средиземноморье имело для Запада, прежде всего США, стратегически важное значение как для создания там военных баз, так и для борьбы против национально-освободительных движений, опиравшихся преимущественно на поддержку Советского Союза.

Сирия конца 40-х – начала 50-х годов представляла собой социально слабое и политически нестабильное государство и служила объектом соперничества различных сил регионального и международного масштаба в их борьбе за влияние на Ближнем Востоке. США проводили активную политику на Ближнем Востоке, оказывая давление на арабские страны, в том числе и Сирию, с тем, чтобы не допустить расширения связей с СССР. С середины 50-х годов Сирия превращается в один из основных объектов советско-американского соперничества на Ближнем Востоке¹.

Складывающаяся ситуация в регионе подталкивала арабов к сближению с Советским Союзом. Именно на этот период приходится, в частности, активизация советско-сирийских и советско-египетских отношений. Следуя примеру Египта, Сирия пошла на расширение торгово-экономических связей с Советским Союзом. Подписанное в ноябре 1955 г. двустороннее соглашение обеспечивало Сирию надежным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции и изделий легкой промышленности, а также поставками необходимых товаров. Политическая, экономическая и военно-техническая помощь Советского Союза укрепила позиции Сирии и Египта, их решимость в проведении самостоятельного внутреннего и внешнеполитического курса. А решительная позиция СССР, занятая в период Суэцкого кризиса, способствовала провалу тройственной агрессии, существенно повысила авторитет Советского Союза в арабском мире. В ноябре 1955 г. дипломатическая миссия Сирии в Москве и миссия СССР в Дамаске были возведены в ранг посольств. В конце 1956 г. правительство Сирии заключило торговые и платежные соглашения с ГДР, Румынией, Венгрией и Болгарией, а также соглашение с Чехословакией о закупке вооружений.

Рост влияния и престижа СССР вызвал повышенную обеспокоенность Вашингтона. В январе 1957 г. президент США Д. Эйзенхауэр обратился к конгрессу со специальным посланием о политике Соединенных Штатов в странах Ближнего и Среднего Востока, которое больше известно в истории современных международных отношений как «доктрина Эйзенхауэра». Дамаск официально осудил «доктрину Эйзенхауэра», в связи с чем в западной печати была развернута антисирийская кампания. Сирию объявили «подпавшей под советское

вливание», «превратившейся в базу для вторжения России на Ближний Восток». Турецкая армия сосредоточила на границе с Сирией несколько дивизий, а 6-й американский флот США подошел к сирийским берегам. В августе 1957 г. сирийский министр обороны подписал в Москве соглашение о военном и экономическом сотрудничестве, в сентябре того же года советская военно-морская эскадра посетила сирийский порт Латакию. В октябре в Сирию были переброшены египетские войска. Советский Союз провел комбинированные маневры сухопутных и военно-морских сил в Закавказье и районе Черного моря. Таким образом, Вашингтону не удалось блокировать Сирию и переориентировать ее внешнеполитический курс. В октябре 1957 г. в Дамаске было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и САР².

Баасистская революция в Сирии 8 марта 1963 г. и приход к власти баасистского руководства, разделявшего в своих программных установках некоторые идеи социализма, расширил возможности для установления диалога и взаимопонимания сирийцев с советским руководством. Москва согласилась построить Евфратскую плотину и увеличить поставки в САР оружия. В январе 1967 г. начались советско-сирийские контакты на партийном уровне. В конце 60-х годов ситуация в Средиземноморье приобрела для Советского Союза качественно новые параметры, особенно после того, как авианосцы 6-го флота США были усилены реактивными самолетами, способными нести на борту ядерные бомбы, а в море началось развертывание американских подводных лодок, имеющих на вооружении ракеты с ядерными боеголовками дальнего радиуса действия.

Советское руководство вынуждено было принять решение о вводе советских кораблей в Средиземное море, а в 1968 г. находящаяся там группа советских военных кораблей была преобразована в Средиземноморскую эскадру. Этого, однако, оказалось недостаточно, чтобы обеспечить победу арабам в войне 1967 г., но вполне хватило, чтобы остановить развертывание крупномасштабного вооруженного конфликта на Ближнем Востоке и помочь арабским странам уйти от политического и стратегического краха. Вскоре по окончании войны СССР приступил к массированным переброскам оружия, снаряжения, инструкторов в Сирию и Египет. Так, к июню 1973 г. за счет поставок из СССР парк сирийских истребителей достиг 300 боевых единиц. Затраты на оборону в Сирии также росли весьма быстрыми темпами, увеличившись со 115 долл. на человека в 1972 г. до 148 в 1973 г. и 151 в 1974 г. (в ценах 1981 г.). Отмечался и стабильный рост численного состава сирийских вооруженных сил в указанный период – с 17,2 в 1972 г. до 18,1 на 1000 чел. в 1974 г.³

Будучи прагматичным и, по сути, идеологически не ангажированным политиком, Хафез Асад, тем не менее, осознавал всю значимость сотрудничества с СССР в плане укрепления военной мощи Си-

рии и обеспечения стратегической поддержки. Необходимость восстановления военно-политического баланса в регионе после войны 1967 г. потребовала от Дамаска и Каира более тесно координировать с Москвой свои планы в военно-политической области. Сложившаяся в 70-е годы под эгидой СССР ось Каир-Дамаск должна была, по мысли арабов, предложить новую стратегию возвращения утраченных в 1967 г. территорий, обеспечить им определенные преимущества в политической сфере. Эта стратегия, получившая на Западе название «борьбы на два фронта», пользовалась финансовой и политической поддержкой ряда арабских монархий Персидского Залива.

Укрепление советско-сирийских и советско-египетских связей и увеличение количества и качества военных поставок в Сирию и Египет оказалось недостаточным для обеспечения длительного противостояния Израилю. Несмотря на то, что война 1973 г. стала своего рода пиком «включенности» СССР в ситуацию на Ближнем Востоке*, не скоординированный подход к военным действиям между Сирией и Египтом привел к утрате полученных в начале боевых действий преимуществ. Как и в 1967 г., позиция СССР позволила предотвратить сокрушительное поражение арабов и смену политических режимов в Египте и Сирии. Активизация советско-сирийских контактов после войны 1973 г. укрепила двусторонние отношения и способствовала налаживанию тесной внешнеполитической координации между руководством СССР и САР**. Это обеспечило Дамаску возможность добиться от Израиля более существенных уступок при заключении соглашения о разъединении войск, нежели это удалось египтянам⁴.

Таким образом, суть политики СССР на Ближнем Востоке в тот период заключалась в отсутствии у Советского Союза стремления к военному разрешению арабо-израильского конфликта, а максимальный предел участия нашей страны в ближневосточных делах сводился, в конечном счете, к уклонению от повышения своей вовлеченности в арабо-израильское противостояние до уровня, чреватого прямой конфронтацией с США. В то же время советские руководители опасались поражения арабов, ведущего к утрате имеющихся позиций на стратегически важном Ближнем Востоке.

После подписания Египтом в 1979 г. кэмп-дэвидских соглашений с Израилем и начала ирано-иракской войны, в которой Дамаск встал

* В ответ на организацию американцами беспрецедентного воздушного моста в Израиль по срочной доставке оружия и боеприпасов Советский Союз начал крупнейшую операцию по переброске самолетами вооружений в Сирию и Египет. А советская Средиземноморская эскадра была усилена и сосредоточена в зоне, прилегающей к театру военных действий.

** С марта по май 1974 г. министр иностранных дел Советского Союза трижды посетил Сирию, а в апреле того же года сирийский президент Х.Асад провел переговоры в Москве с советским руководством.

на сторону Тегерана, Сирия оказалась в некоторой политической изоляции в арабском мире и должна была фактически одна противостоять Израилю. В сложившейся ситуации Дамаск вынужден был принять новую доктрину национальной безопасности, суть которой сводилась к достижению стратегического паритета с Израилем за счет укрепления национальных вооруженных сил. Центральным пунктом новой доктрины стала модернизация парка военной техники и развитие новых видов вооружений, прежде всего ракетных войск. К тому же с выходом египтян на сепаратный путь урегулирования отношений с Израилем Сирия обрела особое значение для советской ближневосточной дипломатии в деле реализации задач советской ближневосточной политики и прежде всего предотвращения конфликтогенной схемы арабо-израильского примирения.

Подписание в 1980 г. советско-сирийского договора о дружбе и сотрудничестве способствовало значительной активизации взаимодействия двух стран, прежде всего в военно-технической области. В Сирию стали осуществляться массированные поставки современного советского оружия на весьма льготных условиях (с оплатой 50% стоимости в кредит на 10 лет из расчета 2% годовых). Всего до 1991 г. Сирии было поставлено вооружений и военной техники (ВВТ) на общую сумму около 30 млрд. долл. В том числе свыше 60 пусковых установок (ПУ) ракетных комплексов тактического и оперативно-тактического назначения, около 5 тыс. танков, более 1,2 тыс. боевых самолетов, 4,2 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 70 боевых кораблей и катеров, а также другое вооружение и военная техника. Благодаря помощи СССР Сирия смогла за неполные десять лет с 1982 по 1989 гг. увеличить на 80% численный состав своей регулярной армии, на 200% – количество ПУ ракетных комплексов, на 150% – боевых вертолетов, на 50% – ракет класса «земля-воздух», на 40% – самолетов-истребителей, положить начало созданию собственного подводного флота⁵.

Ограниченные технологические и ресурсные возможности СССР объективно создавали предпосылки к тому, что в общем объеме сотрудничества с развивающимися странами значительную долю занимала военно-техническая сфера. Сирия не являлась исключением в этом плане.

В то же время торгово-экономические связи с Советским Союзом имели большое значение для сирийской экономики, в том числе в таких ведущих отраслях, как энергетика, нефтяная промышленность, сельское хозяйство и др. При помощи СССР в Сирии были построены важные для ее экономики объекты, включая Евфратский гидротехнический комплекс с ГЭС мощностью 800 МВт, гидроузел «Тишрин» мощностью 400 МВт, около 1,5 тыс. км железных дорог, 2,8 тыс. км линий электропередачи, ирригационные и водохозяйственные объекты, обеспечивающие орошение около 60 тыс. га, завод азотных удоб-

рений в Хомсе, ряд учебных центров профтехобразования, были также обустроены нефтепромыслы на открытых на северо-востоке страны месторождениях. Организации бывшего СССР поставляли в Сирию машины и оборудование (около 75% от общего объема экспорта), сырье и материалы (около 20%), в том числе прокат черных металлов, стальные трубы, пиломатериалы, масла, смазки, другие товары. Сирия поставляла в нашу страну нефть, хлопок, фосфаты, а также товары народного потребления (ткани, трикотаж, парфюмерно-косметические изделия, медикаменты и другое), которые составляли 90% общего импорта из САР⁶.

Начало перестройки в нашей стране и последовавший вслед за этим распад СССР на независимые суверенные государства существенно ослабили и маргинализировали позиции России на Ближнем Востоке, привели к свертыванию двустороннего сотрудничества по многим направлениям с государствами этого региона – традиционными партнерами Советского Союза. «Новое мышление» во внешней политике Советского Союза существенно меняло облик и характер международных отношений в том числе в ближневосточном регионе. Новые принципы советской внешней политики требовали пересмотра прежнего подхода к урегулированию ближневосточного конфликта и отношений с его основными участниками. Смещение внешнеполитических акцентов на решение глобальных, общечеловеческих проблем, односторонний отказ СССР от использования силы в международных делах и военного решения международных конфликтов, признание Государства Израиль и восстановление с ним дипломатических отношений были восприняты большинством арабов как свидетельство изменения стратегических параметров советской внешней политики, стремление концентрироваться на решении узких конъюнктурных внутриэкономических задач и отойти от поддержки прежнего курса на стратегический паритет на Ближнем Востоке, который лежал в основе большинства арабских национальных концепций государственной безопасности после 1979 г. В ходе визита в Москву в апреле 1987 г. и встречи с М.Горбачевым президент Х.Асад заявил: «... Все говорят о правах и международных нормах, хартиях и резолюциях. Однако в конечном итоге вы обнаруживаете, что все дела в мире, так или иначе, решаются с помощью силы ...»⁷.

Действительно, «новое мышление» оказало серьезное воздействие на внешнеполитическую доктрину САР и поставило Дамаск перед необходимостью пересмотра своей региональной стратегии. В течение довольно длительного времени ключевым компонентом сирийской концепции национальной безопасности служил Советский Союз, который рассматривался в Дамаске в качестве главного источника военной помощи и политической поддержки и, прежде всего, стратегического партнера Сирии в случае вооруженного конфликта в соответствии со статьей 6 советско-сирийского договора о дружбе

1980 г. В то же время, как свидетельствуют даже западные исследователи, за годы сотрудничества с СССР Сирия не превратилась в советского сателлита (впрочем, Советский Союз никогда и не ставил себе такой задачи – А.В.). Более того, отношения стратегического партнерства и учета взаимных интересов не только обеспечивали значительную долю самостоятельности в политике САР на международном и региональном уровнях, но и создавали для нее благоприятные условия за счет наличия высокого уровня стратегической глубины. Иногда такая автономия в проведении самостоятельной региональной политики даже шла вразрез с советскими интересами в регионе. Так, вопреки рекомендациям СССР, Сирия ввела свои войска в Ливан. В 1983 г. вмешалась в противоборство соперничающих палестинских группировок, что также противоречило советским интересам, поскольку два основных союзника СССР в регионе оказались втянутыми в вооруженную конфронтацию⁸.

Но вместе с тем Сирия служила одним из важных элементов глобальной стратегии СССР. В условиях bipolarного мира и той игры «с нулевой суммой», которую вели на Ближнем Востоке Советский Союз и США, Москва рассматривала Дамаск в качестве важного плацдарма для осуществления своих планов в регионе. Выход Египта из орбиты советского влияния в начале 70-х годов и вторжение советских войск в Афганистан отрицательно сказались на позициях СССР в регионе, объективно способствовали росту американского влияния на Ближнем Востоке. И, хотя иранская революция 1979 г. вывела Иран из сферы влияния США, начавшаяся вскоре ирано-иракская война на долгие годы законсервировала в Иране жесткий исламский режим, который провозгласил основным принципом своей внешней политики отрицание обеих великих держав – «ни Восток, ни Запад». Сирия и Ирак – вот два главных союзника СССР, на которых он мог опираться в проведении своей политики на Ближнем Востоке. Предоставление Сирией своих портов в Латакии и Тартусе в качестве пунктов морского базирования советского ВМФ на безвалютной основе играло важную роль в геополитической стратегии СССР, так как открывало путь советским кораблям в Средиземное море и далее в Мировой океан.

Таким образом, сложившиеся к концу 80-х годов советско-сирийские отношения характеризовались учетом и соблюдением интересов как супердержавы, так и ее регионального партнера. Однако вряд ли можно безусловно согласиться с утверждением некоторых западных исследователей о том, что в отличие от американо-израильского альянса, советско-сирийские отношения были в большей степени функциональными и базировались преимущественно на стратегических ценностях, нежели на культурных, религиозных или идеологических основах⁹.

Так, во второй половине 80-х годов в Сирии работало, училось и проживало более 6 тыс. советских граждан и гражданок. В СССР учи-

лись десятки тысяч сирийцев как в гражданских, так и в военных учебных заведениях. Многие женились на советских гражданках и создавали с ними в Сирии смешанные семьи. До 1984 г. в Дамаске успешно действовала «Ассоциация выпускников аспирантур», основанная в 1980 г. братом президента Асада Рифаатом, который сам защитил кандидатскую диссертацию в Советском Союзе. Ассоциация была призвана содействовать распространению знаний в различных областях деятельности и объединяла в своих рядах около 50 тыс. сирийцев и других арабов, защитивших диссертации в основном в СССР, государствах Восточной Европы, часто занимавших высокие посты в местных структурах власти*. Нельзя забывать и о том, что в Сирии проживает около 200 тыс. человек, являющихся выходцами из различных республик, краев и областей бывшего СССР, главным образом из Северного Кавказа и Армении, которые в массе своей тесно связаны с этнической родиной родственными, культурными, религиозными связями.

С другой стороны, американо-израильские отношения действительно отличались большей устойчивостью, а их суть и характер оставались практически неизменными при любой смене власти как в США, так и в Израиле. Например, президент США Буш-старший в 1991 г. выступал против предоставления Израилю правительственного займа в 10 млрд. долл. из-за отказа Тель-Авива прекратить строительство поселений на Западном берегу р. Иордан. Однако, в конечном итоге, противодействие Буша не имело успеха. Строительство поселений продолжилось после того, как Израиль получил указанный заем¹⁰.

На этом фоне происходящие в нашей стране процессы особенно болезненно воспринимались сирийцами, – как простыми людьми, так и власть предержащими. Утрата поддержки сверхдержавы, сокращение объемов арабской финансовой помощи, накапливающиеся внутриэкономические проблемы ставили под вопрос осуществление сирийской программы по укреплению собственной военной мощи и делали мало дееспособной традиционную модель национальной безопасности с точки зрения реализации плана по возвращению Голанских высот.

После 1991 г. Россия перешла на новые, коммерческие условия расчетов с зарубежными партнерами, в том числе, и с Сирией в вопросах военно-технического сотрудничества (ВТС). Теперь российская сторона требовала оплатить стоимость поставок и оказания

* После 1984 г. Ассоциация фактически прекратила свою деятельность, а затем и вовсе была распущена, как и другие структуры, созданные Рифаатом, после его опалы в результате провала предпринятой им в 1984 г. попытки использовать болезнь своего старшего брата президента Х.Асада с целью захвата власти в стране. Весной 2000 г. в западных СМИ появились сообщения о том, что Ассоциация возобновляет свою деятельность, но уже не в Дамаске, а в Холгейте – одном из пригородов Лондона при финансовой поддержке некоторых саудовских принцев, в частности, наследного принца Абдаллы.

услуг военного назначения в свободно конвертируемой валюте в год поставки. В результате в данной области российско-сирийских отношений наметился определенный спад, который был также вызван несогласованностью подходов сторон к урегулированию сирийской задолженности по госкредитам бывшего СССР. С 1995 по 1996 г. объем поставок ВВТ и услуг по ряду ранее подписанных контрактов сократился в стоимостном выражении практически в два раза. В связи с переходом на расчеты в СКВ и неразработанностью механизма применения смешанных (СКВ + национальная валюта) условий расчетов и реализации сирийских товаров, рекомендуемых к закупке в счет оплаты поставок ВВТ, значительно сократился и товарооборот между странами, который традиционно отличался несбалансированностью в связи с необходимостью поставок из Сирии товаров в покрытие платежей по советским, главным образом, военным кредитам.

Объем оказываемого Сирии технического содействия сократился в стоимостном выражении более чем в 3,5 раза с 1990 по 1994 г. Стремясь сдержать экспорт товаров частными фирмами, объем которого в нашу страну резко возрос после 1988 г. в связи с принятием решения о возможности закупки в САР товаров по преференциальным ценам, сирийское правительство предприняло ряд мер протекционистского характера. В начале 90-х годов было введено лицензирование экспорта в нашу страну по линии частного сектора, а затем в одностороннем порядке принято решение о значительном сокращении объема сирийского экспорта, в том числе нефти и хлопка. С 1992 г. сирийцы отказались от подписания ежегодных торговых протоколов и прекратили поставку своих товаров в погашение предоставленных ранее кредитов. Одновременно Дамаск начал погашение своей задолженности МВФ и некоторым восточноевропейским кредиторам.

Таким образом, в начале 90-х годов в российско-сирийских отношениях наступило «похолодание», а двустороннее сотрудничество практически во всех областях оказалось фактически «заморожено». Сложившаяся ситуация была в какой-то степени закономерна, поскольку после распада СССР как Россия, так и Сирия искали свой новый облик и место в складывающейся обновленной системе международных отношений и мирового порядка. Между тем важность России для Сирии, как и Сирии для России объективно сохраняла свою высокую значимость.

Несмотря на «новую философию» во внешней политике России, на практике географические и стратегические параметры российско-сирийских связей не могли быть безусловно и однозначно сняты. Российские войска в государствах СНГ охраняли наши южные рубежи, и новая Россия, как и прежде, нуждалась в стратегических союзниках на Ближнем Востоке. Тем более, что другой наш традиционный стратегический партнер в регионе – Ирак оказался полностью изолирован и «выключен» из сферы российского влияния в результате

блокады и жесткого режима санкций. Йемен был занят внутренними «разборками» и решением пограничных вопросов. ООП готовилась к реализации сепаратных договоренностей с Израилем при активном посредничестве Запада. Афганистан все глубже погружался в пучину гражданской войны, Иран «отходил» от последствий длительной и кровопролитной войны с Ираком. Отношения с Израилем только набирали темп. Поиск новых стратегических партнеров в арабских монархиях Персидского Залива не приносил быстрых и желанных результатов. Очень скоро России пришлось обслуживать кредит равный 500 млн. долл., предоставленный Саудовской Аравией СССР в начале 90-х годов, а предпринимавшиеся российскими государственными и коммерческими организациями попытки утвердиться на емких «заливных» рынках оружия и потребительских товаров успешно и эффективно пресекались западными фирмами и компаниями.

Подобный геополитический расклад не мог также полностью устроить и Сирию. Существенно смягчив свою позицию по БВУ и проведя серию двусторонних переговоров и встреч с израильянами при посредничестве американцев, сирийцы так и не смогли решить своей основной задачи – освобождения Голанских высот. Все явственнее проступающие контуры нового мирового порядка, создаваемого США для Ближнего Востока, ставили Дамаск перед нелегкой дилеммой. Изменить систему власти в стране со всеми вытекающими последствиями и стать составной частью этого порядка, либо найти не столь радикальный и разрушительный алгоритм для более или менее мирного сосуществования с новой реальностью. В условиях перехода нашей страны на новые, коммерческие принципы оказания военной помощи САР и установления высоких цен на современные образцы российских вооружений сирийское руководство осуществляло поиск альтернативных партнеров в области ВТС. Отмена государствами Западной Европы в 1994 г. жесткого эмбарго на военные поставки в САР не повлияла существенным образом на расширение связей этих государств с Дамаском в оборонной сфере из-за сохраняющейся напряженности в сирийско-израильских отношениях.

Сотрудничество ограничивалось в основном продажей небольших партий техники двойного назначения, в основном средств связи и транспорта, а также закупкой запчастей к уже поставленным вооружениям. Исключение составляла Франция, президент которой накануне своего визита в Дамаск осенью 1996 г. выразил готовность положительно рассмотреть возможные заявки сирийцев на приобретение самолетов типа «Мираж-2000». Не получили существенного развития и военные связи Сирии с государствами Восточной Европы. После приобретения в одной из этих стран в начале 90-х годов некоторых видов ВВТ, которые имели серьезные технические недостатки, сирийцы с осторожностью относятся к новым предложениям восточноевропейских партнеров. Контакты в военной области с бывшими

советскими республиками Арменией, Украиной, Белоруссией, Грузией, Казахстаном, Азербайджаном и Узбекистаном носили преимущественно характер разовых сделок, поскольку в условиях отсутствия в этих странах надлежащего государственного контроля за военными поставками и кризисного состояния военно-промышленного комплекса эти поставки осуществлялись главным образом через представителей частных компаний, научно-производственных объединений и заводов-изготовителей. С определенными трудностями сталкивалось военное сотрудничество с КНДР и Китаем. Отказ Пекина поставлять Сирии наступательные виды оружия, высокая стоимость предлагаемых образцов военной техники при их относительно невысоком качестве тормозили военное сотрудничество с Китаем.

В то же время, учитывая сохраняющуюся неопределенность в вопросах мира с Израилем и некоторые трения в отношениях Дамаска с другими своими соседями, военно-политическое руководство Сирии уделяло постоянное внимание повышению боеспособности национальных вооруженных сил, рассматривая их как один из важнейших факторов противостояния Израилю, необходимый элемент при решении региональных политических проблем, а также основную опору правящего режима внутри страны. С этой точки зрения сирийцы всегда рассматривали Россию в качестве своего основного партнера по ВТС, источника для приобретения современных видов вооружений.

Несмотря на то, что начиная с 1992 г. российско-сирийское торгово-экономическое и техническое сотрудничество, как отмечалось, сталкивалось с трудностями, обусловленными, главным образом, нерешенностью вопросов, связанных с погашением советских кредитов и прекращением государственной поддержки российского экспорта в Сирию, Россия сохраняла свою значимость для САР в качестве потенциально важного экономического партнера. При содействии российских организаций в Сирии завершалось строительство гидроузла «Тишрин» на реке Евфрат, продолжалось проектирование, ирригационное строительство и освоение земель на массиве Мескене и в районе Халеба, оказывалось содействие в нефтедобыче и по ряду других объектов. Созданные и эксплуатируемые при российском содействии объекты сотрудничества играли важную роль в экономике Сирии. В середине 90-х годов они обеспечивали выработку 1/3 электроэнергии в стране, добычу около 30% нефти, орошение свыше 50 тыс. га засушливых земель в Западном Мескене и в прибрежной зоне.

После 1995 г. российское руководство предприняло ряд активных политико-дипломатических действий с тем, чтобы восстановить прежние позиции России в ближневосточном регионе. Прежде всего, Россия стремилась укрепить свой статус коспонсора мирного процесса в регионе. В декабре 1996 г. она выступила с предложением организовать встречу глав государств с участием Израиля, палестинцев и арабских стран с тем, чтобы оживить мадридскую формулу вообще и

возобновить многосторонние переговоры, в частности. Это было особенно важно для России с точки зрения обеспечения ее участия и учета российских государственных интересов в ходе формирования новых геополитических реалий в регионе. К тому же многосторонние переговоры представляют собой уникальный в своем роде механизм, где при российском сопредседательстве было начато обсуждение проблем региональной безопасности на Ближнем Востоке.

В 1996–1997 гг. российский министр иностранных дел провел серию переговоров с руководством ряда арабских государств, Израиля и ПНА. В октябре 1997 г. Е.М.Примаков выступил посредником в обмене посланиями между премьер-министром Израиля Нетаньягу и президентом САР Х.Асадом. В ответ на просьбу израильтян глава российского внешнеполитического ведомства даже согласился скорректировать программу своего визита и вернулся в Дамаск для того, чтобы передать специальное послание израильского руководства Х.Асаду. В мае 1997 г. российская дипломатия прилагала усилия по созданию благоприятного климата в арабо-израильских переговорах, пытаясь убедить Сирию и Иран оказать соответствующее давление на радикальные движения и группировки в регионе, стремившиеся торпедировать палестино-израильское примирение. В результате Дамаск и Тегеран в принципе согласились с необходимостью бороться с терроризмом «в любой ситуации и при всех обстоятельствах».

В ноябре 1997 г. заместитель министра иностранных дел РФ В.В.Посувалюк был назначен спецпредставителем российского президента на арабо-израильских мирных переговорах со статусом и функциями, аналогичными американцу Д. Росу. Комментируя это назначение, Е.М.Примаков высказался в том духе, что Россия намерена проводить активную роль на Ближнем Востоке.

В рамках этих усилий российской дипломатией был сделан акцент на потенциальные выгоды для России от ее традиционно тесных связей с Сирией и палестинцами.

В 1997 г. Россия и Сирия возобновили переговоры об условиях выплаты Сирией задолженности российской стороне (около 11 млрд. долл.). В июне 1997 г. российский посол в САР дал понять, что Россия стремится урегулировать этот вопрос путем диалога, и он не должен стать преградой на пути развития двустороннего сотрудничества в различных областях. Действительно, неоправданно жесткие по сравнению с индийским (отсрочка на 40 лет) и иорданским (более 80% задолженности списано) прецедентами требования к сирийцам оборачивались, в конечном итоге, против самой России. Дамаск, судя по всему, уже фактически адаптировался к прохладным отношениям с Москвой и не испытывал острой необходимости в скорейшем урегулировании проблемы долгов. Россия же, помимо упущенной выгоды, несла прямые экономические потери. Росла просроченная задолженность (около 7 млрд. долл. на середину 1997 г.), что еще более

усложняло возможность выхода в перспективе на взаимоприемлемые условия по выплате долга¹¹.

В конце 1997 г. Россия инициировала сотрудничество между российским Минатомом и сирийской компанией по атомной энергии. Сирийская сторона проявила заинтересованность в проведении соответствующих переговоров для определения возможных направлений сотрудничества и подписания соответствующего меморандума. В опубликованном заявлении российского правительства говорилось о необходимости развития отношений в данной области.

Активизировалось и российско-сирийское ВТС. Весной 1992 г. в Дамаске прошли соответствующие переговоры делегации ГК «Росвооружение» с сирийской стороной по контрактам, заключенным в 1992 – 1993 гг. Летом этого же года в России побывала представительная военная сирийская делегация с целью подписания контрактов на изготовление и поставку в САР некоторых видов современных вооружений. В июне 1997 г. российский посол в Дамаске заявил о возобновлении поставок российского оружия в Сирию, а позднее в некоторые западные и арабские СМИ просочилась информация о состоявшихся в августе 1997 г. российско-сирийских переговорах о поставках в САР российских ВВТ на сумму в 3 млрд. долл. при финансовой поддержке Ирана¹². Особую заинтересованность сирийская сторона проявила к закупкам современных образцов ВВТ, в частности, самолетов МИГ-31, МИГ-29, Су-27, Су-22, вертолетов Ка-50, танков Т-90, комплексов ПВО С-300, средств связи и радиоэлектронной борьбы¹³.

Обвал российского рубля и дефолт по иностранным кредитам в августе 1998 г. существенно ослабили военную и экономическую составляющие российской внешней политики. Но ее общий вектор на сохранение и укрепление позиций России на Ближнем и Среднем Востоке оставался прежним.

Очевидно, данное обстоятельство было принято в расчет президентом Сирии Х.Асадом, который после 12-летнего перерыва посетил Россию с официальным визитом во главе представительной сирийской делегации летом 1999 г. Как представляется, Х.Асад не забыл того позитива, который имел Дамаск от особых отношений с Москвой, и верил в потенциал обновленной России. Сирийский президент хорошо понимал, что крепкие связи с Россией могут только помочь его преемнику в управлении страной в переходный период. Переговоры Х.Асада с российским руководством и предшествовавшие этому визиты в Москву министра иностранных дел САР Ф.Шараа и высокопоставленных сирийских военных делегаций придали новый импульс российско-сирийским отношениям, в том числе в сфере ВТС.

Действительно, Россия, как и прежде, является основным экспортером ВВТ в Сирию, а результаты последних российско-сирийских контактов в области торгово-экономических связей внушают надежду на то, что экономическая составляющая наших отношений может

значительно окрепнуть. В отличие от других стран, Россия, как и США, обладает законным статусом коспонсора мирного ближневосточного процесса, начатого в Мадриде, за соблюдение принципов которого ратует Дамаск. За последние несколько лет влияние Москвы на политику Израиля, где 20% населения говорят по-русски и являются выходцами из бывшего СССР, заметно усилилось.

Сегодня у сирийцев новый президент Башшар – сын Х.Асада, который, хотя и не обладает, по общему суждению, харизмой и авторитетом своего отца, но имеет весьма высокий рейтинг надежд и ожиданий в различных слоях сирийского общества. Перед ним стоят сложные вопросы – быть или не быть Сирии сильной и современной региональной державой в системе новых международных отношений, постепенно складывающихся на Ближнем Востоке, и что для этого нужно делать? За время, прошедшее со дня смерти Х.Асада в июне 2000 г., Башшар Асад на практике доказал свою «профпригодность» на посту сирийского президента и занял достойное место среди нового поколения арабских лидеров. Конечно, в окружении Б.Асада есть близкие соратники Х.Асада, прошедшие с ним, как принято говорить, огонь, воду и медные трубы и на деле доказавшие свою преданность сирийскому президенту и его преемнику. Однако практика кадровых назначений последних нескольких месяцев свидетельствует о том, что Башшар Асад делает основную ставку на молодое поколение сирийцев, которые, в конечном итоге, будут определять судьбы страны в обозримом будущем. Среди них есть сыновья, другие близкие родственники представителей так называемой старой гвардии Х.Асада. Например, одним из ближайших соратников Башшара Асада является его однокашник и однополчанин Мунаф Тлас – сын министра обороны САР Мустафы Тласа, имеющего в сирийской армии репутацию последовательного сторонника развития ВТС с Россией. Да и новый премьер-министр Сирии Мухаммад Миро также не понаслышке знаком с нашей страной, где он некоторое время учился и бывал в составе партийно-правительственных делегаций¹⁴.

Действительно, определенные перспективы для расширения двусторонних связей с САР все же имеются. В качестве важного «катализатора» российско-сирийских отношений в Дамаске рассматривают закупки в России современных видов вооружений. ВТС России и Сирии служит одним из немногих примеров, когда возобновление полномасштабного сотрудничества не нуждается в предварительных «смотринах», не требует обязательного тестирования на прочность партнерских отношений и долговременность интересов. В перспективе, при условии достижения конкретных положительных результатов на переговорах с Израилем политическое руководство САР неизбежно столкнется с необходимостью масштабной перестройки национальных вооруженных сил в плане их модернизации и качественного обновления, сокращения численности личного состава (по некоторым данным, на

80–100 тыс. человек) с соответствующими изменениями в их организационной структуре. С учетом того, что на сегодняшний день вооруженные силы САР более чем на 80% оснащены военной техникой российского производства, только Россия способна обеспечить предстоящую большую работу по обновлению имеющегося парка российского вооружения и военной техники в рамках оценки возможности продления их ресурса, проведения ремонта и модификации, обеспечения технологической преемственности и технической совместимости.

Для России расширение ВТС с Сирией имеет тем более важное значение, поскольку за последние годы Россия значительно ослабила позиции на ближневосточном рынке вооружений. Активизация сотрудничества с Сирией в военной области, помимо прямой экономической выгоды (в первой половине 90-х годов сирийцы передали российской стороне заявки на закупку ВВТ стоимостью до 5 млрд. долл.), могла бы способствовать возрождению на принципиально новой основе так называемых «офсетных» (компенсационных) программ по оказанию технического содействия в создании национальной промышленности и подготовке национальных кадров, которые в прежние годы в большей или меньшей степени традиционно являлись составной, зачастую «бесплатной» частью советского военного экспорта, что в свою очередь помогло бы активизировать двусторонние экономические связи. Оказание технического содействия предполагает, как правило, что участвующие в нем стороны объединены большим числом комплексных взаимных обязательств и, в отличие от ограниченных по времени отношений типа «покупатель-продавец», вынуждены выстраивать свои взаимоотношения на многолетний период, привлекая многочисленных специалистов, а так же большое число государственных коммерческих организаций. Необходимо подчеркнуть, что российско-сирийское ВТС не изменяет баланса сил на Ближнем Востоке и не создает угроз для соседей Сирии, так как речь идет в основном об удовлетворении оборонных потребностей Дамаска, ориентированных на оказание сдерживающего влияния на потенциального агрессора. Более того, ВТС России и Сирии может внести свой вклад в обеспечение стабильности в регионе и мире, повышение авторитета ООН, выполнение признанных международных режимов нераспространения, борьбу с международным терроризмом. Восстановление в полном объеме двустороннего ВТС с САР могло бы также принести России геополитические дивиденды в форме стабилизации российского присутствия на Ближнем Востоке¹⁵.

Так, с учетом особой роли офицерского корпуса в Сирии, определяющее влияние которого на развитие внутривосточных процессов в САР, судя по всему, сохранится и при Башшаре Асаде, развитие двустороннего ВТС могло бы заложить прочные стабилизирующие основы в наших двусторонних отношениях на длительную перспективу. Это позволило бы наполнить конкретным дополнительным

содержанием провозглашенный курс на сохранение за Россией статуса великой морской державы, тем более что средиземноморский интеграционный процесс в различных его формах и преломлениях развивается пока без видимого участия России. Кажущиеся абстрактными в сегодняшних условиях вопросы свободы прохода через проливы, гарантированный выход наших судов в Мировой океан через Средиземное море могут легко перейти в практическую плоскость при изменении конъюнктуры или «правил игры» в регионе. Тем более, когда миротворческие операции с участием сил НАТО «прошли обкатку», в том числе на территории бывшей Югославии, а ближневосточный регион с его проблемами явно «вписывается» в круг «нового поколения» забот руководителей блока. Ставшая ныне реальностью перспектива расширения блока НАТО за счет стран Центральной и Восточной Европы, активизировавшиеся в настоящее время попытки подключения арабских стран Средиземноморья к взаимодействию с натовскими структурами по отдельным вопросам безопасности, в частности, по совместной борьбе с международным терроризмом, планы распространения зоны ответственности атлантического союза в юго-восточном направлении непосредственно затрагивают жизненно важные военно-стратегические интересы России. Приближение инфраструктуры НАТО к нашим границам, в том числе и с южного направления, при неурегулированности острых международных конфликтов (Балканы, Кипрская проблема, арабо-израильский), а также в условиях перспективы расширения зоны нестабильности в южной и юго-восточной части Средиземноморья под влиянием «исламского фактора» объективно выводит на первый план для России проблему создания условий по предотвращению попыток отстранить ее от активного участия в качестве мировой державы в создании сбалансированной системы региональной безопасности в Средиземном море. В этих условиях особую значимость для России приобретает тот факт, что сирийский порт Тартус является единственным в Средиземном море пунктом базирования ВМФ РФ на безвалютной основе.

Серьезным тормозом для выравнивания всех сфер российско-сирийских отношений является упоминавшаяся неурегулированность проблемы сирийской задолженности России. Затягивание с решением этого вопроса не только играет на руку противникам российско-сирийских отношений, но может в конечном итоге, как было показано выше, привести к ситуации, когда Россия полностью утратит перспективу возвращения долга, в том числе на выгодных в целом для себя условиях (например, открытие валютной и товарных линий на сотни миллионов долларов ежегодно).

Судя по всему, решению именно этих насущных задач и был посвящен визит в Москву в конце января этого года сирийской экономической делегации¹⁶. Ранее в сентябре 2000 г. в ходе переговоров российской экономической делегации в Дамаске был подписан ряд согла-

шений в области торгово-экономического обмена, наиболее важным из которых является соглашение об избежании двойного налогообложения, открывающее широкие возможности для развития двусторонних торгово-экономических связей как по линии государственных, так и частнокоммерческих предприятий. Достиженные успехи нуждаются в закреплении и развитии конкретными делами. Для этого у обеих сторон имеются все объективные и субъективные предпосылки.

Понимая, что главная опасность для стабильности режима исходит сегодня не столько от его традиционных противников, сколько заключается в серьезных проблемах экономики*, Башшар Асад основательно укрепил новыми кадрами экономический блок властных структур и лично содействовал внесению важных изменений на законодательном уровне в валютно-финансовый, банковский, кредитно-инвестиционный, налоговый кодексы САР. Впервые после 1963 г. в Сирии открылись частные коммерческие банки. Принят новый закон о защите иностранных инвестиций¹⁷.

Это создает благоприятные условия для внешнеэкономической деятельности для российских организаций на сирийском рынке (участие в объявляемых международных торгах, создание смешанных предприятий и т.п.), а также открывает новые области сотрудничества с сирийцами в финансово-банковской, инвестиционно-кредитной сферах, туризме и других областях.

За годы сотрудничества при техническом содействии советских организаций в Сирии построено немало важных для ее экономики объектов, причем в базовых для сирийской экономики отраслях. Сегодня по разным причинам многие из этих объектов фактически бездействуют. Сооружение некоторых приостановлено, другие нуждаются в переоснащении и модернизации. Несмотря на то, что госсектор в Сирии постепенно утрачивает былые позиции, его роль в переходный для сирийской экономики период в качестве социального амортизатора и определенного средства подпитки национальной буржуазии остается весьма существенной. Поэтому было бы оправданным сегодня не только продолжить сотрудничество по строящимся и построенным государством объектам, но и принять участие в новых проектах в таких традиционных для российско-сирийского сотрудничества областях, как энергетика, нефтегазовая промышленность, разведочные и эксплуатационные буровые работы, строительство нефтепродуктопроводов, газопроводов, нефтехранилищ, металлургия, ирригационное и водохозяйственное строительство, освоение земель и т.п.

* Сегодня безработица в Сирии достигает 20% экономически активного населения (около 4,5 млн. чел.). Около половины безработных – молодежь в возрасте от 14 до 18 лет. Чтобы обеспечить создание 250–300 тыс. новых рабочих мест в год, необходимо добиться ежегодного 6%-го роста сирийской экономики.

Тем более, что в условиях, когда большинство западных, прежде всего американских, рынков может в ближайшее время оказаться закрытыми для экспорта продукции отечественной металлургии, российским промышленникам и предпринимателям стоило бы обратить более пристальное внимание на Ближний и Средний Восток, прежде всего на те страны, где при нашем содействии создавались отрасли «тяжелой» промышленности.

Однако ограничивать сферу нашего сотрудничества только традиционными отраслями было бы неверным. Сегодня в Сирии активно развиваются новые для этой страны производства и, прежде всего, в связи, телекоммуникациях, информатике. Новый сирийский лидер лично курирует это направление деятельности и не только потому, что он раньше возглавлял Сирийскую ассоциацию по информатике и компьютеризации, ряд руководящих членов которой сегодня занимает высокие посты в новом правительстве, но и, прежде всего, потому, что без развития этих отраслей серьезно говорить о безопасности Сирии в XXI веке вряд ли возможно¹⁸.

С учетом имеющихся в России оригинальных ноу-хау в этой сфере, которые не уступают западным аналогам, а по некоторым параметрам даже превосходят их, соответствующие российские организации могли бы принять более активное участие в продвижении своих проектов на сирийский рынок.

Еще одной важной сферой приложения совместных усилий является сотрудничество в гуманитарной области. Это обучение и подготовка сирийских специалистов (в больших, нежели сегодня, объемах) в российских вузах, которые, если верить прогнозам отечественных демографов, могут уже в ближайшие несколько лет испытывать нехватку студентов, создание совместных научных центров и ассоциаций, проведение научных симпозиумов и конференций, издание рекламно-книжной продукции по актуальным проблемам двусторонних отношений и положения в регионе. Некоторые из указанных проектов могут оказаться весьма выгодными. Будучи малозатратными, с финансовой точки зрения, они, тем не менее, могут сыграть важную роль в информационно-рекламном обеспечении как российского, так и сирийского бизнеса, без чего в принципе невозможно налаживание продуктивных деловых связей.

Сотрудничество двух стран – это дорога с двусторонним движением. От того, насколько серьезно и динамично обе стороны подойдут к использованию открывающихся возможностей, будут во многом зависеть перспективы наших отношений.

Судя по всему, пришло время адаптировать советско-сирийский договор о дружбе 1980 г. к новым международным реалиям и задачам двустороннего российско-сирийского сотрудничества с тем, чтобы создать юридическую основу развития наших отношений и их вывода на качественно новый уровень в условиях меняющегося мира.

¹ B.Saunders. The United States and Arab Nationalism: the Syrian Case, 1953–1960. – L. 1996. – С. 15; A. Rathmell. Secret War in the Middle East: The Covert Struggle for Syria 1949–1961. – L. 1995. – С. 36–37.

² Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966 гг.). – М. 1978.

³ P.Ramet. The Soviet-Syrian Relationship since 1955: A Troubled Alliance. Boulder: Westview Press. 1990. – С. 95–96.

⁴ E.Karsh. The Soviet Union and Syria, The Asad Years. – L. 1988. – С. 5–8, 12–13; P.Ramet. *Ibid.*, с. 96.

⁵ A.Drysdale and R.Hinnebusch. Syria and the Middle East Peace Process. – N.Y., 1991. – С. 135–156; International Relations, vol., № 1, April 1996. – С. 54; The Middle East in Global Perspective. Boulder: Westview Press, 1991. – С. 192.

⁶ Ахмедов В.М. Современная Сирия. – М. 1991.

⁷ J. Hannah. At Arms Length: Soviet Syrian Relations in the Gorbachev Era. – Washington, 1989. – С. 21.

⁸ G.Golan. The Soviet Union and the Palestine Liberation Organization: An Uneasy Alliance. – N.Y., 1980. – С. 187; H. Cobban. The Superpowers and the Syrian-Israeli Conflict: Beyond Crisis Management. – L., 1991. – С. 234.

⁹ V.Yorke. Domestic Politics and Regional Security: Jordan, Syria and Israel. The End of an Era? – Aldershot: Gower, 1988. – С. 142–43; N.Chomsky. The Fateful Triangle: The United States, Israel and the Palestinians. Boston. С. 13–17.

¹⁰ Middle East International, № 404, 13.09.1991. – С. 3–4.

¹¹ A.H.Cordesman. Israel and Syria: The New Strategic and Military Realities after the Death of Hafez Assad. CSIS. – Wash. 2000. – С. 12–14.

¹² Там же, с. 6.

¹³ Аль-Васат, 11.08.1997. – С. 10–13.

¹⁴ Аль-Хаят, 08.03.2000; Liberation, 15.03.2000.

¹⁵ Ахмедов В.М. Некоторые аспекты политики России на Ближнем Востоке. Ближний Восток и современность. Вып. 8. – М., 1999. – С. 30–32.

¹⁶ Дипкурьер НГ. 15.02.2001. – С. 15.

¹⁷ Radio «Monte Carlo». 28.08.2000.06–15 GMT; 02.10.2001.05–10 GMT.

¹⁸ Аль-Мухаррир, № 138, 28.09.1998; MEIB, v. 2, № 3.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ ПРОЕКТ «СЕВЕР-ЮГ»
– МОСТ ИЗ РОССИИ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК**

Одним из проявлений процесса глобализации мировой экономической системы можно считать многократное увеличение мировых грузопотоков, основная часть которых, по прогнозам на долгосрочную перспективу, будет концентрироваться в треугольнике США – Азиатско-Тихоокеанский регион – (АТР) – Европа. Процесс глобализации сопровождается углублением межрегионального сотрудничества крупнейших мировых политических и экономических центров.

Что касается Евразийского континента, то речь идет о начале тесной межрегиональной интеграции Европы со странами АТР и Персидского залива. Это регионы, где располагаются такие крупные государства, как Германия, Великобритания, Франция и 12 западноевропейских государств, объединенных в ЕС, с одной стороны, и КНР, Япония, Индия, Саудовская Аравия, ОАЭ – с другой.

Встает вопрос о создании эффективной интегрированной транспортной системы в Евразии, и роль России как связующего звена по линии Азия-Европа существенно возрастает. В этих условиях Россия, занимая важное геостратегическое положение на Евразийском континенте, объективно играет роль геополитического и геоэкономического моста между Европой и Азией. Через ее территорию проходят кратчайшие сухопутные, морские, внутренние водные и воздушные пути между Западной Европой и АТР, а также между Северной Европой и странами Ближнего и Среднего Востока. Движение грузопотоков через российскую территорию не только по направлению Восток – Запад (с использованием Транссибирской магистрали), но и по направлению Север – Юг (т.е. из Западной Европы в страны Персидского залива и Южной Азии) будет осуществлено быстрее и эффективнее.

В современных условиях важной задачей транспортной политики России стало активное участие в международных транспортных проектах с целью переориентации транзитных грузопотоков на российскую территорию. Что касается направления Восток – Запад, то при наличии ряда проектов в этом направлении в обход территории России (проект ТРАСЕКА, проект СПЕКА, новый «шелковый» путь) основная задача России – реализация северного коридора через Транссиб и соответственно переориентация основных транзитных грузов на территорию России. Для этого необходимо с учетом всех преимуществ Транссибир-

ской магистрали перед альтернативными проектами (отсутствие недостроенных участков, высокая степень электрификации, улаженность таможенных вопросов) сделать эту транспортную артерию эффективной и действующей. Так, расстояние по трансокеанскому маршруту от Японии до крупнейших западноевропейских портов почти в 2 раза длиннее, чем по маршруту, пролегающему через Транссибирскую магистраль¹.

Направление Север-Юг осваивается сравнительно недавно, но уже сейчас очевидны преимущества этого маршрута. С экономической точки зрения он является оптимальным коридором, способным связать крупнейшие государства Западной Европы с экономическими центрами Персидского залива (ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Иран) и Южной Азии (Индия, Пакистан). Роль России в данном проекте преимущественно сводится к обеспечению транзита через свою территорию, что сулит огромные экономические прибыли. Что касается доли российских товаров в перевозках Север-Юг, то она будет не столь значительной. Политическое (и геополитическое) значение данного коридора для России также трудно переоценить.

Таким образом, в данных условиях был разработан проект формирования международного транспортного коридора «Север-Юг». Начало реализации этого проекта положила программа действий по созданию международного транспортного коридора «Север-Юг», разработанная совместно МПС и Минтранс России. На II Евроазиатской конференции по транспорту, проходившей 12 сентября 2000 г. в Санкт-Петербурге, было подписано Соглашение о международном транспортном проекте «Север-Юг», проходящем по транспортным путям от границ России с Финляндией до иранских портов (Бендер-Аббас) на Персидском заливе. Соглашение подписали Россия, Иран, Индия, Оман, и оно открыто и для других стран, желающих участвовать в этом проекте. Депозитарием Соглашения с согласия всех его сторон стал Иран. В рамках Соглашения создается Координационный совет, который станет постоянно действующим органом, регулирующим такие вопросы, как согласование тарифной политики, таможенных процедур, визового режима для пассажиров и т.д.)².

Разработкой проекта международного транспортного коридора «Север-Юг» занимаются международный консорциум «НОСТРАК» (NOSTRAC – North-South transport corridor) и российская компания «Трансконтинентальные линии» с 1996 г. Инвестиционный проект «НОСТРАК» разрабатывается в рамках межправительственного Соглашения (Россия, Индия, Иран, Оман), а также под патронажем Центра ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) в России. Координатором по всем аспектам проектирования и дальнейшей эксплуатации проекта «НОСТРАК» на основании контракта с консорциумом является консалтинговая компания GIBB Ltd (Великобритания).

Проект «Север-Юг» ставит своей главной целью создание международного транспортного коридора для перевозки грузов из стран Персид-

ского залива и Южной Азии через Каспийское море и территорию России в страны Западной Европы. Составными частями коридора «Север-Юг» станут международные транспортные коридоры №9 (Финляндия – Санкт-Петербург – Москва с ответвлениями на Астрахань и Новороссийск) и №2 (Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород – Екатеринбург), транспортная инфраструктура Волги и Дона, в том числе Волго-Балтийский и Волго-Донский каналы, российские порты на Каспии³.

Ключевое звено коридора – налаживание транспортных маршрутов в регионе Каспийского бассейна, так как в настоящее время железнодорожная сеть Ирана не соединена напрямую с сетью железных дорог России. Причем возможно несколько вариантов создания этого ключевого звена:

1) организация паромного сообщения из пункта Лагань или астраханского порта Оля (Россия) в порты Энзели и Амир-Абад (Иран);

2) железнодорожное сообщение по восточному побережью Каспийского моря со строительством соединительного участка между железными дорогами Казахстана и Туркменистана с последующим выходом на железнодорожную сеть Ирана;

3) железнодорожное сообщение по западному побережью Каспийского моря со строительством соединительного участка между Ираном и Азербайджаном с последующим выходом на железнодорожную сеть Ирана.

С учетом проведенных экспертами «НОСТРАК» исследований, а также географических, геополитических и экономических факторов третий вариант – наиболее привлекателен. Паромные переправы требуют не только строительства фактически заново современных портов со всей инфраструктурой, но и огромных затрат для создания дорогостоящих паромных судов, способных перевозить контейнеры с грузами. Что касается воссоздания железнодорожного сообщения, то третий вариант – наиболее реальный. Действовавшая в советские годы железнодорожная сеть, соединяющая Россию и Иран через пограничную станцию Джульфа, имела грузооборот до 3,7 млн. т. В результате распада СССР, разрушения единой транспортной системы и обострения военно-политической ситуации в Закавказье и на Северном Кавказе этот маршрут прекратил свое существование. Сейчас речь идет о восстановлении транспортного сообщения между Россией и Ираном через Азербайджан, поскольку очевидна привлекательность сухопутного маршрута для транспортировки грузов из Индии и Персидского залива в Западную Европу через Иран и Россию. При этом ставится цель достигнуть грузооборота до 10–20 млн. т в год, с учетом потенциала и экономической мощи стран ЕС, Индии и арабских государств Персидского залива. Преимущества данного маршрута для его участников следующие:

– сокращение времени перевозок в 3 раза по сравнению с существующими морскими маршрутами;

– возможность интенсивного развития транзита, в первую очередь для России и Ирана;

– сокращение стоимости грузоперевозок и снижение издержек.

Так, сочетание высокоскоростных качеств паромных судов и отсутствие погрузки/выгрузки из вагонов/цистерн позволит обеспечить следующие сроки доставки грузов по коридору:

– Гамбург – Калькутта – 12 дней (обычный морской путь – 24 дня),

– Хельсинки – Дубай – 8 дней (обычный путь – 20 дней). Также планируется предоставление прямой железнодорожной пассажирской связи между маршрутами: Исламабад – Эр-Риад, Москва – Тегеран – Эр-Риад.

В настоящее время около 90% грузоперевозок между Европой и Азией осуществляется морским путем⁴. Здесь уже давно сложились устойчивые связи между операторами и агентами в портах, осуществляется доставка грузов «от двери к двери», имеется сильная монополия и протекция крупнейших судоходных компаний, получающих огромные прибыли от этих перевозок. Но с учетом явных преимуществ сухопутного маршрута (время и стоимость доставки), а также явной перегруженности Суэцкого канала, через который проходят грузы из стран Ближнего Востока и Южной Азии в европейские порты Гамбург, Роттердам и т.д., у проекта «Север-Юг» появляются отличные возможности в полной мере реализовать себя. Для эффективной реализации проекта необходимо создание коридора для **мультимодальных перевозок**, управляемого единым оператором. Грузы будут перемещаться по коридору в железнодорожных вагонах, цистернах, контейнерах (включая рефрижераторные), а также на автотрейлерах.

Мультимодальные транспортные системы (коридоры) – наиболее высокая форма организации перевозок. Она позволяет операторам интегрированно использовать все наилучшие преимущества каждого вида транспорта и предложить потребителям продукцию высокого качества и приемлемые цены.

Таким образом, в условиях, когда основные международные транспортные проекты с участием России, соединяющие АТР и Западную Европу (проекты по линии «Восток–Запад»), пока не реализованы на практике, проект «Север–Юг» является весьма привлекательным и перспективным как для инвесторов, так и для других государств, желающих присоединиться к этому проекту. О своем намерении присоединиться к Соглашению «Север-Юг» уже заявили Казахстан и Бахрейн. Среди возможных кандидатов на участие в нем рассматриваются также арабские страны Персидского залива – Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ. Реализация проекта может привести к значительному росту грузопотоков через территорию России и соответственно обеспечению прибыли от транзита.

Проект «Север-Юг», помимо очевидной экономической выгоды, несет в себе и ряд политических плюсов для Российской Федерации.

Если транспортная артерия «Север-Юг» заработает, то Россия получает прямой геостратегический выход на Ближний Восток через Иран, Саудовскую Аравию, Оман, ОАЭ, т.е. наиболее динамично развивающиеся арабские страны Персидского залива. В данном случае реальные экономические интересы России и стран Ближнего Востока смогут способствовать налаживанию тесных политических контактов. Совместное желание развивать международную торговлю по маршруту «Север-Юг» и создавать на этом направлении соответствующую инфраструктуру приведет к развитию политических контактов на различных уровнях. Важнейшим фактором установления таких тесных контактов будет служить обоюдная выгода от реализации проекта, реальные национальные интересы всех стран-участниц, прагматизм и рациональность в осуществлении своих целей. Кроме того, Россия укрепит политические и экономические отношения со своим непосредственным соседом – Ираном, который будет служить мостом, связывающим Россию со странами Персидского залива. Следует подчеркнуть, что эти отношения в последнее время, особенно после первого в истории российско-иранских отношений официального визита в Россию президента Ирана М.Хатами, развиваются по нарастающей.

Таким образом, эффективная транспортная политика России в направлении «Север-Юг» позволит избежать создания в обход территории России альтернативных евроазиатских транспортных проектов, в частности создаваемых под эгидой США и ЕС проектов ТРАСЕКА, ОПЕКА и новый «шелковый» путь. Более того, реализация проекта будет способствовать налаживанию тесных контактов на правительственном и неправительственном уровнях между Россией, с одной стороны, и странами Ближнего Востока и Южной Азии, – с другой. В результате развитие межрегиональной интеграции между Россией и странами Ближнего Востока на примере реализации проекта «Север-Юг» будет способствовать укреплению экономических и политических позиций России, которая, будучи евроазиатской державой, служит естественным мостом, соединяющим Азию с Европой и обеспечивающим межрегиональные связи Западной Европы со странами Ближнего и Среднего Востока.

¹ Известия. 10.04.2001. Специальное приложение «Транспорт».

² Соглашение о международном транспортном коридоре «Север-Юг» подписано 12 сентября 2000 г. в Санкт-Петербурге на II Евроазиатской конференции по транспорту.

³ European conference of ministers of transport. Declaration adopted by 2-nd international euro-asian conference on transport, St Petersburg, 12–13 September 2000.

⁴ International corridors: a perspective from the eyes of a journalist. Francois Batisse IRJ Regional Editor, prepared for UIC-RAI MAPS seminar, Tehran, 29–31 January 2001.

**90-е ГОДЫ – ДЕКАДА ЗАСТОЯ В РОССИЙСКО-АРАБСКИХ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ. ЧТО ДАЛЬШЕ?**

Согласно новейшим данным, опубликованным межгосударственным статистическим комитетом СНГ в конце 90-х годов (1997–1998 гг.), на арабские страны приходилось 1,3% и 1,7% всего экспорта России, 0,2% и 0,5% – ее импорта, тогда как доля этих стран в российском внешнеторговом обороте составила в 1997 г. 0,9%, а в 1998 г. – 1,2%*.

Такие скромные, а, точнее, – мизерные итоги не могут не означать, что в истекшую уже последнюю декаду XX века арабские страны практически не представляли для России какого-либо экономического интереса, а Россия – для арабских стран. С большей частью из них (с 10 из 19) торгово-экономические связи не поддерживались совсем. В Азии это были Бахрейн, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Оман, Палестинская автономия, в Африке – Ливия и Судан. Причем некоторые из них в предыдущие декады были нашими активными торгово-экономическими партнерами.

Если перейти от совокупных показателей объемов внешне-экономических связей к данным по отдельным арабским странам, то результаты внешнеторговых операций будут выглядеть еще скромнее. Так, импорт России из Ливана в 1997 г. составил 3,2 млн. долл., а в 1996 г. – 3,1 млн. долл., импорт из Саудовской Аравии и в том и в другом году равнялся 1,5 млн. долл., из Мавритании – соответственно 2,1 и 2,8 млн. долл., из Туниса – 2,7 и 3,8 млн. долл. Для сравнения отметим, например, что цена 1 породистого скакуна на мировом рынке может достигать одного млн. долл. и более. Если использовать такой критерий, то нетрудно подсчитать, сколько арабских скакунов можно закупить для наших ипподромов и конезаводов.

Признание неудовлетворительного состояния российско-арабских экономических связей в 90-е годы содержится и в выступлениях российских официальных лиц. Так, заместитель министра иностранных дел РФ В.Средин в одном из интервью заявил: «... В неполитических областях они (отношения – *В.Г.*) пока не вышли на уровень, соответствующий имеющемуся потенциалу ... Пока мы не

* Рассчитано по: Внешняя торговля стран СНГ. Статистический сборник. – М., 2000. – С. 297. См. таблицу 1.

удовлетворены положением в торгово-экономической сфере наших отношений, в частности, показателями товарооборота России с членами ССАГПЗ. В целом он составляет около 450 млн. долл. в год. Рассчитываем, что эта цифра будет расти, подтягиваясь к уровню отношений, достигнутому в политической области. То ж самое относится и к сфере инвестиционного сотрудничества, где до сих пор реализованы лишь единичные проекты с участием саудовского, эмиратского, катарского капитала»¹.

В мае 2000 г. в Госдуме состоялась встреча с послами арабских стран. Ее инициатором выступил Комитет по международным делам. Главными темами на встрече были проблемы экономического сотрудничества и ближневосточного урегулирования. По словам Д.Рогозина, «арабский мир был незаслуженно забыт в плане сотрудничества, несмотря на то, что Россия всегда была заинтересована в расширении отношений с этим важнейшим регионом мира»².

Таблица 1

**Товарооборот России с арабскими странами
в 1997–1998 гг. (млн. долл. США)***

№ № пп	Страна	1997 г.		1998 г.	
		экспорт	импорт	экспорт	импорт
1	Ливан	36,2	3,2	33,4	3,1
2	ОАЭ	169,9	45,5	353,8	27,6
3	Саудовская Аравия	189,8	1,5	85,3	1,5
4	Сирия	58,5	11,5	159,6	10,0
5	Алжир	75,4	7,1	99,4	83,8
6	Египет	438,8	34,6	399,2	16,6
7	Мавритания	9,5	2,1	5,3	2,8
8	Марокко	55,5	26,7	48,4	67,4
9	Тунис	61,7	2,7	38,0	3,8
	Всего	1095,3	134,9	1222,4	216,6
	Товарооборот	1230,2		1439,0	
	Мир	86589,0	53615,0	73281,0	45429,4
	Товарооборот	140204,0		118710,4	
	Доля араб. стран (%)	1,3	0,2	1,7	0,5
	В товарообороте	0,9		1,2	

* Составлено по: Внешняя торговля стран СНГ. Статистический сборник. М., 2000. – С. 297–298

А начинались 90-е годы весьма обнадеживающе для россиян. Те из них, кто имел отношение к внешним экономическим связям и инвестиционной деятельности, либо был связан иным образом с арабски-

ми странами, полагали, что после крушения тоталитаризма в нашей стране и снятия ограничительных барьеров арабские нефтедоллары бурным потоком устремятся в российскую экономику.

Некоторые основания для таких надежд имелись. В частности, исходили из того, что доля арабских стран в советском импорте превышала в 1988–1989 гг. 3% (см. таблицу 2). А на экспорт в арабские страны работали многие заводы в разных республиках тогдашнего Советского Союза. Другие предприятия перерабатывали промышленное и сельскохозяйственное сырье и полуфабрикаты, поступавшие из арабских стран. Эти группы формировались из нефти и нефтепродуктов, хлопка-волокна, шерсти, хлопчатобумажной пряжи и тканей, семян кунжута, арахиса, фосфорных удобрений. Предполагалось, что сырье будет расти, и это даст возможность выгодно сбывать арабам продукцию российских производителей и иметь в ответ стабильные поставки из региона. Однако по известным причинам этого не произошло, и расчеты не оправдались.

Таблица 2

Товарооборот СССР с арабскими странами в 1988–1989 гг.
(млн. инв. руб.)*

№ № пп	Страна	1988 г.		1989 г.	
		экспорт	импорт	экспорт	импорт
1	Ирак	309,1	961,4	255,4	975,9
2	ЙАР	12,1	0	12,2	0
3	Ливан	25,7	23,1	29,5	24,2
4	НДРЙ	162,8	2,8	226,1	6,0
5	Саудовская Аравия	12,8	12,6	10,5	0
6	Сирия	170,5	239,1	207,9	704,6
7	Алжир	145,4	223,5	188,6	98,9
8	Египет	271,2	314,2	306,0	329,3
9	Ливия	20,6	459	33,6	93,5
10	Марокко	57,7	5,0	74,7	6,0
11	Судан	3,2	3,5	3,1	0,1
12	Тунис	22,3	17,4	37,3	12,8
	Всего	1213,4	2261,8	1384,9	2251,3
	Товарооборот	34757,2		3636,2	
	Мир	67115,4	65040,1	68741,6	72137,0
	Товарооборот	132155,5		140878,6	
	Доля араб. стран (%)	1,8	3,4	2,0	3,1
	в товарообороте	2,6		2,6	

* Составлено по: Внешние экономические связи СССР в 1989 г. Статистический сборник. – М., 1990. – С. 12–14.

Другим основанием для надежд на расцвет уже российско-арабских экономических связей были упования на то, что теперь-то вот арабские государства начнут быстро погашать свои долги новой России, остро нуждающейся в средствах и инвестициях на очередном переломном рубеже своей сложной истории. Данные об этих долгах были впервые рассекречены и опубликованы весной 1990 г. по запросу группы народных депутатов СССР³. Долги арабских стран к этому времени составляли 19,7 млрд. инвалютных рублей (см. таблицу 3), или 32,8 млрд. долл. при тогдашнем курсе 0,6 инв. рубля за 1 доллар США. При суммарной задолженности Советскому Союзу тогдашних 49-ти социалистических и развивающихся стран в размере 85,8 млрд. инвалютных рублей арабская доля составила 22,9%.

Таблица 3

**Задолженность арабских государств Советскому Союзу
по состоянию на 1 ноября 1989 г.
(млн. инвалютных рублей)***

№ № пп	Страны	Задолженность на 1.XI.1989 г.		Списано на 1.XI.1989 г (включая %%)	Отсроче- но 1988– 1989 гг. (включая %%)
		Всего	В т.ч. основ- ной долг		
1	Алжир	2519,3	2447,7	-	560,0
2	Египет	1711,3	1711,3	-	8,2
3	Иордания	369,0	355,8	-	99,5
4	Ирак	3795,6	3514,5	-	1414,8
5	ЙАР	979,6	955,6	-	285,1
6	Ливия	1707,3	1584,6	-	360,1
7	Марокко	2,2	2,0	-	-
8	НДРЙ	1847,6	1835,7	0,8	581,2
9	Сирия	6742,6	6514,6	1,7	992,7
10	Судан	3,8	3,2	-	-
11	Тунис	17,7	17,7		
	Всего:	19696,0	18942,7	2,5	4301,6
	Общая задолженность социалистических и развивающихся стран СССР	85845,6	83089,9	545,1	17398,2
	Доля арабских стран в общей задолженности (%)	22,9	22,8	0,4	24,7

* Составлено по данным газеты «Известия» 1.03.1990.

За первую половину 90-х годов ряд арабских стран сумел сократить свою указанную выше задолженность России, а ряд других, наоборот, увеличил. Так, в 1994 г. долг Сирии России составил (в млрд. долл.) – 11; Ирака – 5,5; Египта – 3; Ливии и Йемена – по 2,5⁴. Причем основная часть этих сумм приходилась на неоплаченные поставки вооружений из бывшего СССР, который только на протяжении 1983–1990 гг. поставил в арабские страны вооружений на сумму более 55 млрд. долл., из которых на Ирак пришлось около 24 млрд.; Сирию – 11; Ливию – 7 млрд. и т.д. За счет этих поставок Сирия и НДРЙ удовлетворяли 100% своих потребностей в вооружениях, Ирак – на 50% и т.д. Это оружие поставлялось в дар либо по льготным долгосрочным кредитам⁵ и было важнейшим фактором воздействия на политическую и военно-стратегическую обстановку на Ближнем Востоке. Согласно более поздним данным, всего СССР доставил в Ирак вооружений на 30,5 млрд. долл.⁶

Теперь же, когда 90-е годы завершились, можно определенно говорить о том, что надежды на расцвет российско-арабских экономических связей и возврат нам арабских долгов совершенно не оправдались. Вместе с тем следует напомнить, что с российской стороны для реализации этих надежд прилагались значительные усилия на самых различных уровнях как государственными, так и общественными организациями. Среди мероприятий, проведенных этими организациями и призванных активизировать российско-арабские торгово-экономические связи, следует выделить конгрессы «Арабские бизнесмены в Москве», которые состоялись в 1992 и 1993 гг.

Эти конгрессы проводила международная общественная организация под названием «Арабский культурно-деловой клуб» (АКДК). Перед конгрессами его организаторы ставили следующие цели: поиск областей взаимовыгодного сотрудничества, сфер приложения капиталов и интересов, а также установление в этих целях эффективных прямых контактов между арабскими предпринимателями и их российскими партнерами; изучение возможностей развития бизнеса и предпринимательства с участием арабского капитала в России и государствах СНГ в новых условиях хозяйствования и связанных с этим правовых, экономических и других аспектов деловых связей; определение форм участия арабских предпринимателей в реализации социально-экономических программ России и государств СНГ; создание совместных бизнес-структур, отвечающих требованиям мировой хозяйственной системы (банки со смешанным капиталом, акционерные общества, арабский информационный центр, торговые дома, российско-арабская торговая палата) и др.

Как видно даже из краткого перечисления, цели конгрессов были полезны обеим сторонам и актуальны. Однако на обоих конгрессах российских участников было во много раз больше, чем арабских. Если в первом конгрессе официально было зарегистрировано 18 фирм-

участниц из Алжира, Бахрейна, Иордании, Йемена, Ливана и Сирии, то во втором участвовали представители компаний и банков Египта, Катара, ОАЭ, а также сотрудники посольства Египта и Судана в Москве (всего около 10 человек).

Таким образом, на каждом из конгрессов были представлены деловые круги разных арабских стран. С одной стороны, это свидетельствует о расширении географии деловых связей АҚДК, но, с другой, – об утрате интереса к его мероприятиям со стороны компаний тех стран, которые уже были представлены на первом конгрессе.

Почти все лица сменились и с российской стороны. Если на первом конгрессе преобладали представители ведомств, то на втором в большинстве были представители частных и акционерных фирм, НИИ и заводов, сами предлагавшие свою продукцию и услуги для продажи в арабском регионе. На общем фоне выделялись представители оборонного комплекса, рекламировавшие вчерашнюю секретную и совсекретную продукцию своих СКБ, новейшие технологии, далеко опережающие мировой уровень в соответствующих областях, а нередко вообще не имеющие аналогов.

На первом конгрессе И.Д.Малей – государственный советник РФ и одновременно представитель Удмуртии в Москве в тот период в своем выступлении отметил отчетливо проявившуюся, по его словам, тенденцию смещения центров деловой активности из Москвы на периферию. Сегодня там можно быстрее решать вопросы развития бизнеса. Он отметил, что в результате конверсии в России ныне пустуют огромные производственные площади и не используются возможности и научно-технический потенциал бывшего союзного военно-промышленного комплекса. А масштабы его были огромны. Если в среднем по стране удельный вес ВПК в производстве составлял, по его данным, 60%, то в некоторых городах, например, в Санкт-Петербурге – 70%, в Удмуртии – 80%.

ВПК наряду с военной продукцией выпускает товары мирного назначения, которые могут пользоваться большим спросом и на арабском рынке. В их числе, например, электробур для бурения на глубину до 1,5 км, погружные электродвигатели для нефтяной промышленности, приборы для очистки воды и многое другое. Наряду с этим Россия остается и на рынке вооружений, ко многим видам которых уже привыкли армии ряда арабских стран. Арабские бизнесмены, сталкивавшиеся ранее с неповоротливыми советскими внешнеэкономическими организациями, теперь, казалось бы, могут оперативно действовать в нашей стране через деловые круги и частный сектор.

Как заинтересованное лицо, И.Д.Малей приглашал арабский капитал в Удмуртию, банковская система которой, по его словам, похожа на швейцарскую. Иностраный капитал сможет в этой республике с высоким уровнем производства вооружений участвовать в процессе изготовления разных их видов.

Однако на втором конгрессе не было сообщений о том, что хотя бы один арабский бизнесмен инвестировал свои капиталы в ВПК в Удмуртии.

Другим аспектом работы конгрессов были выступления представителей отдельных регионов и Москвы. Поскольку новый закон об иностранных инвестициях позволяет зарубежным компаниям владеть 100% акций предприятий, правительством Москвы была разработана программа привлечения иностранных инвестиций в гостиницы, магазины, рестораны, казино, объекты здравоохранения и в незавершенное строительство. Для товаров и услуг в городе существует обширный незаполненный рынок.

У арабского бизнеса в Москве и России есть не только будущее, но и настоящее. На конгрессе были приведены данные, согласно которым, только в Москве в 1992 г. действовали 24 совместных предприятия с участием капитала из Египта, Иордании, Ливана и Сирии. Однако из общего числа 1172 СП, действовавших в Москве в тот период, это немного. А если сравнить совместный уставной капитал этих 24 российско-арабских СП, то в 1991 г. он составлял всего 0,54% общей суммы уставного капитала всех СП, действовавших в Москве. В 1993 г. в столице открылся торговый центр «Сфинкс», учредителями которого стали 26 крупнейших египетских фирм. Аналогичные торговые дома открыты или предполагаются к открытию в некоторых других городах, в частности, в Тюмени, Уфе, Одессе.

Арабских инвесторов приглашали вкладывать капиталы в Башкирии в разработку и внедрение безотходной технологии подъема и переработки мореной древесины (бревен топляка), в очистку донных родников естественных озер от сапропеля, в разработку безотходной биотехнологии переработки органических отходов сельского хозяйства и в ряд других отраслей.

Арабский и совместный российско-арабский капитал мог бы направляться в отрасли, предприятия которых либо работают не на полную мощность, либо остановлены*. Например, из-за разрыва хозяйственных связей резко упало производство текстильных изделий, в частности, из арабских тканей. Российско-арабские СП и арабские компании могли бы использовать появившуюся возможность восстановить уровень производства и даже превзойти его в новых условиях.

Зазывающий тон многих выступавших от ведомств, отраслей, регионов и предприятий мог невольно создать у присутствующих на конгрессах впечатление, что без арабского капитала Россия сегодня просто не сможет преодолеть тяжелый кризис. Однако это не так. В стране уже действуют не только мелкие, но и средние и крупные

* По данным на середину 1994 г., т.е. в канун предполагавшегося третьего конгресса, всего по России к этому моменту было остановлено 400 предприятий военно-промышленного комплекса (см. «Известия», 4.07.1994 г.).

частные предприятия и бизнесмены. Их отношение к сотрудничеству с арабскими коллегами неоднозначно.

Средний отечественный бизнес стремится в основном на Запад, в Японию, Тайвань, Сингапур, Южную Корею. На вопрос о том, почему бы не торговать и сотрудничать с арабским миром, приходилось слышать примерно такой ответ: «Ну, вот, начнется опять «кинш'Алла» (если будет на то воля Аллаха – араб.)». В этом ответе слышался опыт людей, еще недавно сотрудничавших с арабами по линии государственных внешнеторговых и внешнеэкономических организаций бывшего СССР. Это были хорошо подготовленные профессионалы-чиновники, выполнявшие волю вышестоящих инстанций. Поэтому та или иная задержка платежей или поставок арабской стороной «по воле Аллаха» была не по личному карману, а по карману общенародному, о чем весь советский народ вряд ли тогда догадывался. Но теперь, в новых условиях «воля Аллаха» может ударить уже по своему карману. Поэтому, по мнению предпринимателей, лучше уж направлять туда, где такая присказка не употребляется.

Однако в целом для средних российских компаний арабский регион может сулить широкие перспективы в торговле и крупные коммерческие выгоды. Тем не менее выборочные опросы показали, что арабскими проблемами, даже экономическими, от участия в решении которых могла бы быть получена выгода, большинство российских участников не интересуется.

Представители же крупного российского бизнеса считают, что для них Арабские Восток – пройденный этап, что без арабского капитала вполне можно обойтись, и предпочитают сотрудничать только с компаниями Западной Европы и Северной Америки. Поэтому предложение Судана о разработке его лесных ресурсов не представляет для них интереса по многим причинам, в том числе из-за сложной политической и социально-экономической обстановки в этой стране, продолжающейся там уже 10 лет гражданской войны, а также по коммерческим причинам.

В свою очередь и арабы сомневались во взаимном сотрудничестве с Россией в свете отсутствия у нее свода законов, регламентирующих иностранные капиталовложения, а также общепринятых льгот инвесторам. По российским правилам, особые льготы в области налогообложения предоставляются только инвесторам, вложившим средства в сферу материального производства. В частности, инвесторы в сельское хозяйство освобождаются от налогов сроком на 5 лет. Между тем в Саудовской Аравии инвесторы в сельское хозяйство освобождаются от налогов на 20-летний срок, а в Сирии в отдельных случаях они вообще не платят налогов.

Проблемы защиты зарубежных инвесторов в России остались в своем большинстве нерешенными и к моменту проведения второго конгресса. Связанные с этим факты хорошо известны за пределами

нашей страны. Поэтому арабы приезжают не для заключения сделок, а для того, чтобы ознакомиться с положением на российском рынке и в стране в целом, не проявляя интереса к реальным контактам.

Оба конгресса в целом показали, что с учетом современной ситуации в РФ и на Арабском Востоке арабский бизнес в России имеет относительно немного шансов.

Основная масса потенциальных арабских инвесторов хотела бы работать в рамках четкого и ясного закона об иностранных капиталовложениях и в контакте с Русско-арабским банком, который мог бы эти инвестиции гарантировать. Однако такого не существует, и вопрос о его создании стоит чисто теоретически. Да и вообще банковская активность крайне ограничена, несмотря на то, что на протяжении 90-х годов определенные усилия для развития российско-арабских экономических отношений предпринимались по государственной линии, по межбанковским каналам, по линии крупных и средних частных компаний. Так, например, в регионе Персидского залива, начиная с 1994 г., работали три крупных российских коммерческих банка: Межкомбанк, Российский кредит и СБС-Агро. Однако в связи с банковским кризисом и дефолтом 1998 г. эти банки были вынуждены свернуть деятельность своих представительств в регионе.

К середине 90-х годов выявились и сформировались новые приоритеты в экономических связях постсоветской России с арабским миром. Если в годы СССР это были в основном страны, придерживавшиеся «социалистической ориентации», то сегодня – это нефтяные монархии Персидского залива. Но что в сегодняшних условиях Россия может предложить нефтяным монархиям? Реально это лишь новейшие виды вооружений и некоторые высокие технологии. Ведь по сей день в странах Залива и других государствах Ближнего Востока оседает 40% всех мировых закупок вооружений. Нефтяные же монархии опасаются новой агрессии Ирака и не исключают агрессии со стороны Ирана. Поэтому для самообороны им нужны вооружения. Поездка в регион правительственной делегации РФ в ноябре 1994 г. имела целью заинтересовать нефтяные монархии в закупках российских вооружений и в инвестициях в нашу экономику.

В Кувейте, долг РФ которому к началу 1995 г. составлял 1,1 млрд. долл., делегацией были подписаны контракты на поставку военной техники из России на сумму 760 млн. долл., соглашения о торговле, обмене информацией и о сотрудничестве в области культуры. В ОАЭ, долг которым РФ к этому времени составлял 550 млн. долл., были подписаны соглашения о военно-техническом сотрудничестве, включая совместное производство истребителей Су-37 на сумму около 3 млрд. долл.⁸ В ходе визита были подписаны также соглашения о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве с Саудовской Аравией, должником которой Россия также является, но официальные данные о сумме нашего долга в настоящее время не опублико-

ваны. В любом случае, Россия не входит в число основных торговых партнеров Саудовской Аравии⁹.

Очевидна трансформация нашего государства из кредитора одних арабских стран в должника других. Реально преодолеть эту неблагоприятную тенденцию могут сегодня, видимо, лишь поставки новейших российских вооружений нефтяным монархиям.

Как же могут развиваться российско-арабские экономические связи в обозримом будущем, т.е. в начале XXI века? Здесь мнения аналитиков и специалистов расходятся.

Часть из них считает, что уже в ближайшие годы неминуем неизбежный расцвет российско-арабских экономических связей. Поскольку, по их мнению, преобладающему, например, в Российском промышленно-инвестиционном фонде (РПИФ), одной из приоритетных задач российской внешней политики на Ближнем Востоке в современных условиях является восстановление и укрепление позиций России в этом регионе. Встречи Президента РФ с высокопоставленными официальными представителями Ирака, Ливии, Палестины в Москве летом 2000 г., его переговоры с руководителями ряда арабских стран в ходе саммита тысячелетия в Нью-Йорке, а также предстоящие визиты В.В.Путина в Ливию и Египет свидетельствуют о серьезном стремлении высшего российского руководства придать новую динамику отношениям России с арабскими странами, включая и Персидский залив. Именно страны Залива являются сегодня торгово-финансовым центром Ближнего Востока и крупнейшим международным центром реэкспортной торговли. Они располагают большим экономическим и финансовым потенциалом, что делает их рынки перспективными. Кроме того, эти страны являются высокоплатежеспособными и располагают значительным частным и корпоративным инвестиционным потенциалом. Не случайно поэтому в последние годы крупнейшие мировые компании и банки усиливают внимание к активизации деятельности в данном регионе. Известно, например, что только за последние четыре года в Дубае открылись представительства более 700 известных международных компаний.

В последние годы в российские торговые представительства в арабских странах регулярно приходят коммерческие запросы на поставку российских товаров, оборудования и технологий. Однако эти запросы остаются в основном нереализованными, так как существовавшая во времена СССР государственная система поставок нашей продукции через внешнеторговые объединения сломана, а новая, которая взяла бы на себя функции маркетинга и поддержки экспорта российских товаров и технологий в этот регион, а также поставок в Россию необходимых товаров и привлечения инвестиций, не сложилась. Очевидно, что в этих условиях России необходимо создавать новую систему поддержки экспорта российских товаров и выхода предприятий на зарубежные рынки в условиях обостряющейся конкуренции.

В последнее время в РПИФ обращается большое число российских предприятий из регионов с просьбой оказать практическое содействие в выходе на внешние рынки и привлечении дополнительных инвестиций. Это подвигло РПИФ изучить возможность открытия своего представительства в регионе Персидского залива и создания на его основе Центра делового сотрудничества. В основу создания подобной структуры может быть положен принцип некоммерческого партнерства и объединения ресурсов и активов участвующих компаний, предприятий и регионов. При этом РПИФ исходит из необходимости совместных действий российских государственных, промышленных, торговых и банковских структур.

По некоторым оценкам, благодаря либеральному налоговому и банковскому режиму на Бахрейне эта страна может стать прочной стартовой базой для развития российского бизнеса в регионе. Существует заинтересованность местных деловых кругов в инвестировании капиталов в российские проекты. Имеются возможности для создания СП по производству алюминиевого проката, арматуры, жидкого кислорода и азота, а также промышленных СП с использованием российских передовых технологий, строительных СП в таких отраслях, как машиностроение, нефтегазодобыча, энергетика, экология. Открываются большие перспективы для российского экспорта в эти страны продукции машиностроения, лесоматериалов, пресной и минеральной воды. Речь может также идти о привлечении и использовании квалифицированной российской рабочей силы в некоторых арабских странах. Учитывая, что во многих аравийских монархиях от половины до двух третей рабочей силы составляют иностранцы, наши граждане могли бы занять достойное место в качестве квалифицированной рабочей силы и работать учителями, инженерами, преподавателями, врачами, тренерами.

Такую позицию нельзя не признать отвечающей не только интересам общероссийским, но и интересам отдельных государственных и частных компаний, предприятий и других структур. Но внешнеэкономические связи, как и любые межгосударственные отношения, зависят не только от одной стороны, от ее желаний и возможностей. Во всех случаях необходимы обоюдные желания и потребности развивать такие отношения.

И вот здесь оптимистам противостоят пессимисты. В суммированном виде позиция пессимистов обобщена в статье «Нужен ли России Ближний Восток? Ее роль и влияние в регионе практически сведены к нулю» («Независимая газета» 6.04.2000). Статья эта написана в нарочито провокативной манере, многие аспекты ее сильно акцентированы и основной вопрос ставится с вызовом таким образом, что арабы России не нужны, отношения с ними – пройденный этап. Однако пафос статьи в том, что Арабский Восток – наш единственный партнер, и отказываться от него мы не имеем права ради наших

национальных интересов. Но для кого-то истинный смысл статьи оказался непонятным, и эти некто считают этот материал концентрированным выражением пессимизма в том, что касается необходимости восстановления российско-арабских отношений. Но статья лишь по внешнему признаку может быть расценена как отражение технической позиции, на самом деле не являясь таковой.

Тем не менее реалии выглядят малоутешительными. Приведем в этой связи лишь одно сопоставление. Если в 1991 г. совокупный ВВП арабских стран составлял 61,2% от ВВП СССР, то в 1994 г. ВВП России составил 60,1% от ВВП арабского мира*. Потенциал и возможности России оказались несравненно слабее, чем прежнего СССР. Экономическая ситуация изменилась кардинальным образом и вызвала принципиальные изменения в российско-арабских отношениях. Российское присутствие в регионе практически сведено к нулю, а арабские рынки, как пишет автор упомянутой статьи, «уже давно и основательно поделены, причем без нашего участия. И пробиться туда чрезвычайно трудно. Аналогично обстоит дело и с рынками оружия. Надежды на наше внедрение в нефтедобывающую отрасль арабских стран нагляднее всего опровергает пример Ливии, которая после снятия с нее санкций, за отмену которых в первых рядах сражалась Россия, предпочитает налаживать экономическое сотрудничество не с ней, а с Западной Европой»¹⁰.

Далее автор проводит аналогию с ситуацией в Ираке: «Даже, если случится так, что Ирак выполнит данное им «Лукойлу» обещание допустить его в добычу нефти, то, насколько известно, это будет только в тех районах, куда отказались идти европейцы, и на гораздо менее выгодных, чем для последних условиях.

Вот и спрашивается после этого, а нужен ли России Ближний Восток?»¹¹.

Чтобы попытаться в какой-то мере ответить на вопрос о будущем российско-арабских хозяйственных связей, можно использовать такой объективный показатель, как доля машин и оборудования в экспорте (см. таблицу 4). По этому показателю арабский мир в конце XX века выглядел следующим образом. Менее 1% стоимости всего экспорта составляли машины и оборудование в экспорте Алжира (0,4% в 1996 г.), Египта (0,4% в 1996 г.), Саудовской Аравии (0,5% в 1996 г.), Сирии (0,8% в 1995 г.). От 1 до 5% они составляли в экспорте Бахрейна (1,7% в 1994 г.), Иордании (4,6% в 1995 г.), Кувейта (0,3% в 1996 г.), Марокко (2,9% в 1996 г.) от 9 до 10% в Омане (9,2% в 1996 г.) и в Тунисе (9,8% в 1996 г.). Такие страны, как Йемен, Катар, Ливия и Мавритания, машины и оборудование не экспортировали вообще. Для

* Рассчитано по данным: Handbook of International Trade and Development Statistics UN, 1992, New-York and Geneva, 1993, с. 432; Hand book of International Trade and Development Statistics, UN, 1995 New-York and Geneva, 1997, с. 281–283.

сравнения отметим, что машины и оборудование в 1996 г. составили по стоимости около 30% экспорта Израиля, около 43% экспорта Испании и 7% экспорта России.

Таблица 4

**Доля машин и оборудования в экспорте арабских стран
в 1995–96 гг. (%)***

№№ пп	Страна	1995 г.	1996 г.
1	Алжир	0,4	0,4
2	Бахрейн	1,7 (1994 г.)	
3	Египет	0,6	0,4
4	Иордания	4,6	
5	Ирак	0,8 (1992 г.)	
6	Йемен	-	-
7	Катар	-(1994 г.)	-
8	Кувейт	1,5	1,3
9	Ливан		
10	Ливия	-(1992 г.)	-
11	Мавритания	0,2 (1992 г.)	
12	Марокко	3,2	2,9
13	ОАЭ	3,1 (1992 г.)	
14	Оман	9,6	9,2
15	Саудовская Аравия	0,5	0,5
16	Сирия	0,8	
17	Судан	1,1 (1992 г.)	
18	Тунис	9,4	9,8

* Handbook International Trade and Development Statistics 1996/1997, New York, Geneva, 1999, с. 114–136.

Из этого сопоставления вытекает, что Тунис и Оман по приведенному показателю обгоняют Россию, которая по большинству и других социально-экономических индикаторов гораздо ближе к развивающимся странам, чем к промышленно развитым. Особенно это относится к такому показателю, как ВВП на душу населения. По данным международной статистики, ВВП на душу населения России в 1995 г. (2331 долл.) был примерно равен душевому доходу среднестатистического тунисца (2003 долл.)¹². А первое место в арабском мире по этому показателю в 1995 г. занимали ОАЭ (17693 долл.), сохраняющие за собой лидерство на протяжении уже многих лет, второе место – Кувейт (15731 долл.), третье – Катар (13888 долл.)¹³. От лидеров арабского мира, таким образом, Россия отстает по этому показателю в 6–8 раз. Кроме того, как Россия, так и арабские страны являются экспортерами прежде

всего сырья, а именно нефти и газа, их экономики не дополняют друг друга, а выступают конкурентами на мировых рынках одних и тех же товаров и видов продукции.

Чего практически нет в арабских странах, так это разработки новейших видов вооружений и предприятий по их производству, хотя в некоторых из них и имеются оборонные заводы, производящие простейшие виды вооружений. Вот здесь заложена реальная основа для возможного сотрудничества между Россией и арабскими странами, особенно Персидского залива, разумеется, при соблюдении многих условий, часть которых сейчас кажется трудновыполнимой для России.

Инвестиций арабских капиталов в значимых масштабах в российскую промышленность также ожидать не приходится по двум причинам.

Во-первых, этого не произойдет до тех пор, пока в России не наступит стабильность, причем не политическая, а экономическая, обеспеченная четкими и действующими законами. Во-вторых, препятствием для инвестиций служит традиция арабов вкладывать свои деньги преимущественно в торговлю, строительство и банки. Поэтому если арабский капитал и пойдет в Россию, по экономическим соображениям это могут быть банки и торговля.

Определенную перспективу может иметь и такая форма хозяйственных связей, как туризм. На Арабском Востоке места для отдыха россиян располагались главным образом в ОАЭ, Тунисе и Египте. Причем российский туризм в эти страны, как и во многие другие, подразделяется на коммерческий и собственно туризм. В 1993 г., например, 250 тыс. россиян посетили ОАЭ и израсходовали там 1 млрд. долл.¹⁴ Это значит, что каждый шоп-турист тратил в среднем 4 тыс. долл. главным образом на закупку товаров широкого потребления для перепродажи в России.

В отличие от ОАЭ, в Тунис россияне едут главным образом на отдых. По опубликованным данным, ежегодно Тунис посещают 30–40 тыс. туристов из России и других стран СНГ. Всего же эту страну каждый год посещают свыше 4 млн. туристов¹⁵. Это означает, что россияне и граждане других стран СНГ составляют менее 1% в общем потоке иностранцев, отдыхающих в Тунисе. Аналогичная картина складывается и по другим арабским странам.

Некоторым препятствием на пути дальнейшего развития российско-арабского сотрудничества стала публикация в июле 2000 г. Государственной Думой так называемого черного списка стран, не рекомендованной россиянам по понятным причинам для посещения. В этом списке из 28 стран три арабские – Алжир, Судан и Йемен, с которыми на протяжении предшествующих десятилетий экономические связи активно поддерживались. Исходя из развития событий в арабском мире, нельзя исключать, что еще некоторые страны этого региона могут быть в будущем включены в такой список.

В целом, несмотря на обстоятельства, можно считать, что определенные предпосылки для активизации российско-арабских экономических связей тем не менее имеются с обеих сторон. Но для их претворения в жизнь необходимы прежде всего политическая воля и объективные экономические потребности, рельефно просматривающиеся с обеих сторон. Но даже при условии стабильного развития на формирование обоюдного интереса и создание мотивации, возможно, потребуется не одно десятилетие.

¹ Арабский Мир и Евразия. – 2000. – № 1. – С. 17.

² Там же, с. 21.

³ Там же.

⁴ Известия, 1.03.1990.

⁵ Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1997. – С. 35

⁶ Там же, с. 34.

⁷ Сегодня, 17.02.1999.

⁸ Арабские страны Западной Азии и Северной Африки, с. 38, 39.

⁹ Закария М.Г., Яковлев А.И. Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в. – М., 1998. – С. 109.

¹⁰ Независимая газета. 6.04.2000.

¹¹ Там же.

¹² Handbook of International Trade and Development Statistics 1996/97, UN New-York and Geneva, с. 319–323.

¹³ Там же.

¹⁴ Россия и Азия: состояние и перспективы сотрудничества. – М., 1995. – С. 108.

¹⁵ Арабский мир и Евразия. – 2000. – № 1. – С. 11.

РОССИЯ И АРАБСКИЕ СТРАНЫ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Развал Советского Союза и, как следствие, утрата Россией статуса сверхдержавы, вызвали в нашем обществе потребность в определении приоритетов российской внешней политики, которые могли бы способствовать России полнокровно участвовать в новом мировом порядке. Понятно, что этот процесс поиска «своего места под солнцем» требовал от российского руководства скорейшего определения направлений социально-экономического развития страны, выявления наиболее приоритетных зарубежных партнеров, отношения с которыми могли бы содействовать скорейшему преодолению кризисной ситуации, в которой оказалась страна в начале 90-х годов.

На первом этапе, когда особенно остро стояла необходимость выживания в новых условиях, российская политическая элита, в пожарном порядке рекрутированная из бывших партаппаратчиков и слегка разбавленная теми, кого в дальнейшем стали называть «гарвардскими мальчиками», сумела убедить общество в том, что западная экономическая помощь быстро поможет России занять достойное место в мировом сообществе. При этом совершенно не обращалось внимания на аргументы оппонентов, главным из которых был тот, что Западу не нужна экономически сильная Россия, могущая составить ему конкуренцию на мировом рынке.

Опыт показал справедливость такого рода аргументации, поскольку фактически все предпринимавшиеся Западом применительно к новой России шаги ограничились почти исключительно его собственными политическими и экономическими интересами. Можно даже сказать, что материальная и техническая помощь развитых государств выглядела скорее мерой, направленной на то, чтобы не допустить в России югославского варианта развития событий. При этом для них наша страна оставалась интересной лишь как источник сырьевых ресурсов и поставщик некоторых ранее «закрытых» технологий советского ВПК. В середине 90-х годов западные государства увидели в России также источник получения значительных финансовых ресурсов, оседавших в их банках вследствие незаконного вывоза капитала.

На этом фоне российское общество стало постепенно осознавать тот факт, что для России на Западе перспектив не так уж много, поскольку западные экономики с большим отрывом ушли вперед, формируя информационное общество, ставящее перед собой совер-

шенно иные задачи, чем Россия, остающаяся в индустриальном, к тому же регрессирующем обществе. Претензии России на равноправное вхождение в число ведущих западных государств базируются, пожалуй, лишь на наличии у нее ядерного потенциала и сохранении научно-технического потенциала для его воспроизводства.

Неудивительно поэтому, что в России, начиная со второй половины 90-х годов, все громче стали звучать призывы развернуть вектор внешнеполитической направленности на Восток, аргументируя это положение тем, что Россия, в силу уникальности геополитического положения занимающая огромное пространство евроазиатского континента, должна стать евразийской региональной державой. К тому же ряд восточных стран, значимость отношений с которыми для России велика была традиционно, стал ареной активных действий по перестройке экономической сферы, глубоко втянулся в борьбу за достойное место в системе современного международного разделения труда, накопил значительный опыт в контактах с развитыми западными государствами.

Не мог не привлечь внимания России опыт перехода некоторых восточных стран к моделям развития, доказавшим свои жизнеспособность и универсальность в разных социополитических системах. Например, в этот период ряд арабских стран стал осуществлять переход к гражданскому обществу, создавая различные представительские учреждения в виде парламентов и местных органов управления. Особое место в жизни этих стран заняли вопросы реформирования экономического пространства. С этой целью они приступили к либерализации своих экономических систем, в которых основное место заняли проблемы разгосударствления и приватизации собственности, создания современных финансовых инструментов, свойственных рыночным экономикам, применения новых подходов к экономическому менеджменту, подбора современных управленческих методик в хозяйственной жизни.

Все это в известной мере было соотносимо с тем, что происходило в России. Схожесть процессов, вызванная необходимостью структурной перестройки экономики, преодоления экономического кризиса, реформирования системы общественного устройства, заставляла Россию более внимательно присматриваться к опыту восточных стран, особенно в тех его сегментах, где успех достигался при относительно слабом финансовом обеспечении реформенных процессов, наличии серьезных пережитков политического авторитаризма, скрытого недовольства действиями властей и традиционалистского типа общественного сознания.

Фактически была сделана попытка предложить Востоку альтернативу Западу в лице России, избегая при этом политического противостояния с последним, свойственного периоду «холодной войны». В частности, Россия стала проводить в отношении восточных стран более гибкую политику, не разделяя последние на «прогрессивные» и «консервативные» в угоду политическим принципам и убеждениям.

Об этом, например, свидетельствует укрепление и развитие отношений России с арабскими странами Персидского залива, которые ранее рассматривались почти исключительно как «зоны империалистического влияния». Кроме того, Россия стала продавать арабским странам оружие, а не поставлять его, как это делал СССР, в долг под неведомые условия и сроки оплаты. На второй план стало отходить российско-арабское сотрудничество в создании добывающей промышленности и в инфраструктурном строительстве. Это было связано, во-первых, с ограниченными возможностями в этих сферах самой России, во-вторых, с положением дел во многих арабских странах, где уже были созданы крупные добывающие мощности и инфраструктурные объекты, рассчитанные на перспективу, в третьих, с активной деятельностью в этих сферах иностранного, прежде всего западного, капитала, конкурирующего с российскими возможностями.

Следует заметить, что выстраивание российской модели внешней политики, которая была бы равноудалена как от Запада, так и от Востока, нашло понимание и у нового российского руководства, пришедшего к власти в конце XX века. Об этом, в частности, свидетельствуют слова президента В.Путина на встрече с руководством российского МИДа, что у России не может быть «ни западного, ни восточного крена. Реальность в том, что у держав с таким геополитическим положением, как Россия, национальные интересы есть везде»*.

Надо признать, что такого рода политика была бы для России оптимальной. Запад необходим России не только и не столько как источник получения займов и кредитов, а скорее, как поставщик современных технологий, инвестиций производственного назначения и довольно широкого круга продовольственных и потребительских товаров. Другими словами, здесь задействованы в большей мере тактические моменты. Восток же характерен тем, что здесь действуют объективные долговременные факторы, тесно связанные с осуществлением стратегических российских интересов.

Дело в том, что реализуемая с начала 90-х годов структура экспортного обеспечения импорта и погашения внешнего долга на деле продолжает воспроизводить прежнюю (советскую) модель внешнеэкономических связей, в основе которой лежит экспорт сырья. Сохранение такой структуры экспорта в ближайшие 15–20 лет становится довольно проблематичным из-за возможных неблагоприятных изменений конъюнктуры мирового рынка сырьевых товаров, неизбежного роста ограниченности пропускной способности сухопутных коммуникаций (включая нефте- и газопроводы) на европейской части России, необходимости оплаты транзита по территории бывших советских республик и стран Восточной Европы. К тому же российские экспортные товары производственного и потребительского назначения в сво-

* «Независимая газета», 27.01.2001.

ем подавляющем большинстве, как показывает опыт, не выдерживают конкуренции на европейском рынке. Поэтому можно прогнозировать крайне медленно протекающий и выборочный характер допуска российских товаров и услуг на рынки европейских стран.

В этих условиях логично переосмыслить и оценить возможности других географических направлений российского экспорта, в том числе арабского, невзирая на аргументацию противников развития такого варианта, сводящуюся, как правило, во-первых, к низкой или проблематичной платежеспособности ряда арабских стран, во-вторых, к существованию неблагоприятных политических факторов (например, действию международных санкций), способных осложнить отношения России с Западом, в-третьих, к противодействию сильных конкурентов в лице западных фирм и компаний, уже довольно прочно обосновавшихся на рынке арабского региона.

В этой связи хотелось бы указать на весьма высокую степень взаимодополняемости потребностей рынков арабских стран и возможностью экономического потенциала России, сравнительно высокую конкурентоспособность российских товаров и услуг на рынках этих государств, наличие инфраструктуры внешнеэкономических связей и опыта работы в этих странах, имеющиеся значительные долговые обязательства последних перед Россией и возможности перевода этих долгов во внутренние инвестиции. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов действие таких факторов, как потребность в присутствии России, испытываемая рядом арабских государств, для создания противовеса американо-западноевропейскому влиянию и сохранения баланса сил в регионе. Ведь Россия рассматривается многими арабскими странами в историческом и цивилизационном плане не как чисто европейское государство с гегемонистскими намерениями, а как страна со значительной мусульманской составляющей, которая никогда не занималась колонизацией арабского региона, а напротив, делала все возможное, чтобы помочь ему добиться политической независимости. С этой точки зрения рациональное использование идеи исламской солидарности и сотрудничества может стать весьма перспективным направлением в создании условий, благоприятствующих реализации российских внешнеполитических, экономических и национальных интересов в арабском регионе.

К тому же процессы преодоления общей социально-экономической отсталости и слабость собственного научно-технического потенциала на фоне высокой динамики демографических процессов в арабском регионе позволяют говорить об его растущих потребностях в наиболее доступных для освоения технологиях среднего уровня и в подготовке квалифицированных кадров. Это регион расходует значительные по масштабам «третьего мира» средства, что было бы невозможным без сравнительно высокого уровня кредитоспособности, имея в виду как способность валютно-платежного, так и экспортного

обеспечения. Россия же, традиционно сильная именно на этом направлении сотрудничества, даже в ее нынешнем состоянии может обеспечить успех подобных проектов.

Дополнительными факторами, способными помочь России в развитии ее экономических и иных связей с арабскими странами, служат также наличие в этих последних значительной материально-технической базы, созданной за годы советско-арабского сотрудничества, которая нуждается в запасных частях, компонентах, техническом обслуживании и т.п., а также в большом контингенте местных специалистов со знанием русского языка, получивших образование в советских ВУЗах или работавших на объектах, соорудившихся при советском содействии.

Вообще создается впечатление, что в исторически сложившихся обстоятельствах российская и арабская экономики занимают в целом место в примерно одной технологической «нише». Так, значительная часть производства и у нас в стране, и в арабском регионе основывается не на самых сложных с точки зрения высокоразвитых государств технологиях, отличаясь повышенной трудоемкостью, невысокой производительностью и малой наукоемкостью. К тому же арабские экономики в ряде случаев «привязаны» к российской из-за использования оборудования, технологий и запчастей советского образца. Арабские страны вследствие особенностей местной рабочей силы нуждаются в инвестиционных товарах, обладающих большим запасом прочности, долговечных, относительно простых и в то же время достаточно эффективных с производственной точки зрения, т. е. сравнимых по параметрам с теми, что используются российскими товаропроизводителями. Потребители оборудования и технологий в арабских странах в целом нетребовательны к их экологическим характеристикам, что совпадает с российской практикой. Арабские партнеры заинтересованы в относительно низких ценах на импортируемое оборудование, причем цена часто является решающим фактором при заключении сделки, что может обеспечить российским товарам конкурентоспособность по сравнению с западными аналогами. Ряд арабских стран реально заинтересован в активном появлении российских хозяйственных структур на местных рынках в качестве противовеса западному экономическому присутствию, поскольку это даст им большую возможность для маневрирования. В свою очередь, данное обстоятельство объективно содействует реализации российских торгово-экономических интересов в арабском регионе.

Российской стороне торгово-экономическое сотрудничество с арабским регионом также выгодно, поскольку оно даст возможность восстановить политические и хозяйственные позиции, во многом утраченные в силу резко прозападной ориентации, которая была характерна для России в первые годы после распада СССР. Это означает, что у России есть все возможности не только для возвращения на емкий арабский рынок, который был вполне ею освоен в советский

период, но поддержать к своей выгоде достаточно влиятельные силы в арабском регионе, связанные с нашей страной экономически, которые смогли создать весьма крупные капиталы именно на советско-арабском экономическом сотрудничестве и которые и в настоящее время выражают готовность взаимодействовать с нашей страной, особенно с крупным российским частным бизнесом, отмежевавшимся от бюрократизированного государства.

Несмотря на весь вышеперечисленный список обстоятельств, теоретически благоприятствующих налаживанию российско-арабских экономических связей, время, прошедшее с момента краха СССР, так и не стало новой вехой в развитии этих отношений. Более того, в ряде случаев их база выглядит все более размытой, осложняя динамику российско-арабского хозяйственного сотрудничества в будущем.

Ныне заметно упали объемы этого сотрудничества. Например, если в советский период торговля и технико-экономические связи с арабскими странами оценивались ежегодно не менее чем в 6,5–7 млрд. долл., не считая сотрудничества по военной линии, то в 90-е годы они резко сократились и не превышали 2,5 млрд. долл. в год* и только в 2000 г., согласно предварительным данным, вышли на уровень в 5 млрд. долл. Практически ничего не было сделано по вопросам компенсации России арабских долгов, оценивающихся более чем в 30 млрд. долл.** Стала возрастать напряженность в российско-арабских отношениях из-за конфликта в Чечне, невнятной позиции России в ближневосточном конфликте, которая до сих пор не смогла ничего противопоставить ни прочеченской пропаганде в арабском регионе, ни предложить своего четко обрисованного плана урегулирования палестино-израильских отношений.

Пассивная позиция России привела также к тому, что все чаще на построенных при советском содействии промышленных и инфраструктурных объектах начали появляться западные компании. Например, в Сирии основная часть перспективных нефтеносных районов оказалась в распоряжении американских компаний «Пектен» и «Маратон», в южной части Йемена обнаруженные советскими геологами нефтяные запасы стали разрабатывать американские «Хант Ойл» и «Экссон», а также южнокорейская «Юконг», турбины для Асуанской ГЭС были поставлены американцами, наиболее выгодные контракты, предложенные Ливией после снятия с нее санкций ООН, достались западноевропейским компаниям, а мобильную связь в Сирии стала ставить «Сименс», выигравшая торги, в которых российские компании даже не приняли участия.

Во многом это было связано с тем, что российские частные структуры, сумевшие аккумулировать значительные денежные сред-

* Ближний Восток и современность. Вып. 1. – М., 1995. – С. 19–20; оценка авторов.

** Там же, с. 20.

ства и ставшие обладателями серьезных материальных ресурсов, еще не накопили опыта успешной работы на внешних рынках. Часто они даже не обладают информацией о потенциальных партнерах в арабском регионе, не имеют представления о специфике работы в арабских странах. Кроме того, «избалованные» высокими прибылями, получаемыми от коммерческих операций на постсоветском пространстве, российские бизнесмены искренне не понимают, что прибыль, скажем, в размере 10% является высокой по международным, а не только по арабским понятиям. Значительной части нашего бизнеса еще предстоит учиться ведению цивилизационных коммерческих операций, ориентируясь на массу, а не на норму прибыли. К тому же нерациональная организация внутрироссийского экономического пространства ограничивает и желание арабских предпринимателей внедряться в наши воспроизводственные механизмы. Все это сужает объемы российско-арабских экономических связей.

В этом же направлении работает и недостаточность организационно-технических усилий, в результате чего в 90-е годы имело место заметное снижение дееспособности российских органов управления внешнеэкономическими связями, произошло резкое сокращение, а, порой, и ликвидация аппаратов торговых представительств России в некоторых арабских регионах, стали вымываться квалифицированные кадры арабистов из государственных служб и организаций, что не замедлило сказаться на качестве работы всего механизма внешнеторгового обмена и технического сотрудничества с арабскими странами.

Свой вклад в негативное развитие событий в этой сфере внесли и продолжают вносить нестабильность налоговой и тарифной систем страны, продолжающиеся уже несколько лет дискуссии о законах о недрах и разделе продукции, что отражается на инвестиционном рейтинге России.

Весьма быстрыми темпами идет также процесс ослабления российского влияния в сфере культуры и образования, так как те коммерческие условия получения высшего образования иностранцами, которые были приняты в России, оказались на деле запретительными для подавляющего большинства претендентов на получение образования в России из числа арабов. Многие из них стали направлять своих детей на учебу, во-первых, в западноевропейские страны, в которых имеются специальные недорогие программы обучения студентов из государств «третьего мира», во-вторых, в страны Восточной Европы и те азиатские государства (Ливан, Индия, КНР, Ю.Корея, Иордания и др.), где есть ВУЗы, пользующиеся высоким авторитетом. Понятно, что уже в недалеком будущем влияние России в арабском регионе будет ослабевать еще и за счет того, что по мере замещения отцов сыновьями, получившими высшее образование за пределами России, от активного участия в бизнесе и в политике будут отстраняться большие контингенты людей, для которых Россия и россий-

ская культура сыграла большую роль в становлении их личности, мировоззрений и симпатий.

Все это ведет, естественно, к дальнейшему упадку российского влияния в арабском регионе, делает возвращение России в регион в качестве влиятельной политической и экономической силы все более и более проблематичным. Чтобы хотя бы затормозить столь негативное для России развитие событий, представляется необходимым предпринять следующие меры:

- учитывая естественную смену политических элит в арабском регионе, которая уже произошла, например, в Иордании, Марокко, Сирии, а в недалеком будущем может иметь место и в некоторых других странах региона, а также приход к власти нового руководства в России, целесообразно организовать обмен официальными визитами на самом высоком, т. е. президентском уровне, в ходе которых можно было бы предложить обоснованную программу политического и экономического сотрудничества с учетом специфики каждой конкретной арабской страны;

- предложить российскую программу урегулирования палестино-израильских отношений, подтвердив тем самым на деле высокую ответственность России за события в регионе, как коспонсора мирного процесса;

- укрепить арабистическими кадрами аппарат российских торгпредств в арабских странах, превратив их на практике в своеобразные информационные центры, призванные сообщать (возможно, за четко установленный процент) данные о потенциальных партнерах, возможных коммерческих сделках, условиях торгов и подрядов и т.п.;

- рассмотреть возможность обучения в России арабских студентов и аспирантов на основе безвалютного обмена и выделения специальных квот, оплату которых могла бы взять на себя российская сторона;

- с целью большей конкурентоспособности российско-арабского торгового обмена установить преференциальные тарифы на перевозки товаров в рамках осуществления заключенных между Россией и некоторыми арабскими странами контрактов, как это практикует, например, ЕС в его связях с последними;

- начать разработку механизма возврата арабских долгов, исключив при этом возможность их использования как объекта финансовых спекуляций;

- создать совместную государственно-частную финансовую корпорацию, способную не только кредитовать отдельные, наиболее важные проекты сотрудничества, но и быть гарантом инвестиций российско-арабского экономического сотрудничества;

- организовать российско-арабский экономический форум, работу которого сделать регулярной (например, раз в два года), призванный вырабатывать рекомендации по использованию совместных сил и средств на определенных направлениях сотрудничества.

ТУРЦИЯ – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРТНЕР И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОПЕРНИК РОССИИ В ЕВРАЗИИ

Последнее десятилетие XX в. коренным образом преобразило характер российско-турецких отношений. После распада СССР они приобрели новую значимость, содержание самих отношений качественно изменилось: Россия – уже не сверхдержава масштабов СССР, а Турция убеждает, и весьма успешно, весь мир в том, что наряду с Россией она со своим 65-миллионным населением и относительно развитой экономикой по многим показателям – также крупнейшая держава евразийского региона. «Два центра тяжести формируются вокруг оси Россия-Турция в процессе геополитического движения Евразии в XXI век... Пусть евразийство и не некий новый идеал для России и Турции, но повод для оптимизма он создает»¹.

Политические лидеры Турции не забывают постоянно напоминать о своем статусе региональной державы не только в самой стране, но и на международных форумах. Эти заявления особенно убедительно звучали перед начавшейся в 1998 г. полосой экономических кризисов, возникших по разным причинам и сохранявшихся в начале 2001 г. Оптимизм и высокая самооценка – характерные черты высказываний представителей элиты того предкризисного времени. Признаки такой самооценки можно было еще увидеть в положениях ежегодного доклада председателя самой крупной организации частного сектора – Союза промышленных, торговых палат и бирж Турции по итогам 1999 г. В нем, в частности, подчеркивалось: «Турция превратилась в региональную силу на пространстве Балкан, Ближнего Востока и Евразии, ее геополитическое и геостратегическое значение во всем мире постепенно возрастает. Очевидные свидетельства этой истины – наше участие в новом форуме G-20; соглашения, достигнутые в Стамбуле на встрече в верхах АГИТ относительно сооружения трубопроводов для транспортировки нефти и природного газа Каспийского бассейна в Турцию и через нее на внешние рынки; принятие на совещании в Хельсинки без предварительных условий нашей кандидатуры на полное членство в ЕС... Вступая в XXI век, мы сталкиваемся не только с серьезными трудностями, но и обладаем важными преимуществами и возможностями. Поэтому я глубоко убежден, что в наши дни, когда с головокружительной быстротой развиваются наука и информатика, Турция,

используя свою высококонкурентную экономическую структуру, поощряя личную инициативу, высокую производительность, защиту окружающей среды и экспорториентацию, сумеет и у себя развивать информационные технологии, расширять использование Интернета, станет еще более активным участником глобальных перемен во всем мире»². Следует однако, отметить, что возникшие в последующие два-три года неблагоприятные явления в экономике и финансах, о чем ниже будет сказано, так и не дали возможности турецким экспертам окончательно решить, насколько стабильны и необратимы экономические достижения страны, не является ли преждевременно завышенной оценка успехов страны на начало XXI в.

Продолжая евразийскую тему, отметим, что распад СССР вызвал к жизни третьего совокупного и независимого участника сотрудничества и диалога в Евразии – новые государства в Восточной Европе, Центральной Азии и Закавказье. Они также стали самостоятельными участниками в этом диалоге с различной степенью заинтересованности и ориентированности на Россию либо Турцию. Более того, они неизбежно оказались объектом соперничества и России, и Турции, и это составляет отдельную тему евразийских отношений. Характерны в этом смысле недавние предновогодние высказывания украинского посла в Турции, приводимые в газете «Джумхуриет»: «Турция для нас – очень важный партнер, о чем свидетельствует и объем украинско-турецкой торговли, достигающий 1,5 млрд. долл. Контролируя самую протяженную полосу черноморского побережья, обе наши страны имеют чрезвычайно широкие возможности сотрудничества. Украина и Турция – ключевые страны в деле упрочения мира и стабильности в регионе и Европе». Особую значимость для сотрудничества двух стран, по мнению посла, приобретают такие сферы, как рыболовство и поставки украинского вооружения в Турцию, например танка Т-84.

Несомненно, крупнейшее и наиболее влиятельное евразийское объединение – Содружество Независимых Государств (СНГ). В Астане в октябре 2000 г. официально объявлено о создании главами России, Казахстана, Белоруссии, Киргизстана и Таджикистана Евразийского экономического сообщества с официальным языком – русским, центрами – Москва, Алма-Ата, Санкт-Петербург, Минск³. При активном участии Турции возникла Организация черноморского экономического сотрудничества, как представляется, – самое крупное по числу участников региональное экономическое объединение. Развитием идеи черноморского сотрудничества стали, несомненно, переговоры и затем подписание в Стамбуле в начале апреля 2001 г. соглашения между Грузией, Болгарией, Россией, Румынией, Турцией и Украиной о создании со штаб-квартирой в Стамбуле группы оперативного взаимодействия ВМС шести стран «Черноморская сила» с целью проведения в Черном море совместных спасательных работ,

обнаружения мин и других мер. Сообщая о переговорах по этой теме, турецкие СМИ обращали внимание на то, что при этом обсуждалась и проблема возникновения экологической угрозы при прохождении через Проливы танкеров, при эксплуатации морского участка газопровода Голубой поток. Сообщалось также о стремлении Греции и США вступить в эту организацию⁴. Также возникли экономические объединения различных статусов между государствами Центральной Азии.

Как ныне понимается евразийский регион – географически и цивилизационно?

Концепция евразийства в трактовке российских историков и философов не нова – известна целая плеяда российских евразийцев, выступавших с этой концепцией в Европе особенно активно в 20-е годы XX в. Речь шла о тогдашней России, как о «семье народов» и именно к варианту евразийского союза на такого рода принципах сводятся все модификации российского евразийства, включая современные. Эти идеи исходят из исторических реалий – формирования на протяжении нескольких веков цивилизационного тигля, в котором задействованы весьма различные европейские и азиатские языки, религиозные конфессии и культуры. В советский период идея евразийства, сохранив свой объединительный, центростремительный характер, была облечена в оболочку *пролетарского интернационализма*.

Османская империя представляла собою другую историческую экспериментальную базу для иной, южной, модели евразийства, хотя об этом, как о собственно евразийстве речь не велась ни до, ни после развала этой империи по причине преобладания центроблужных сил. Почему османизм не смог стать фактором достаточно длительного евразийского многостороннего сотрудничества и интеграции – этому посвящено немало исследований османистов. Некоторые из них объясняют такой итог цивилизационными особенностями османизма. Ныне, осознав себя региональной державой, Турция по-своему осмысливает свое прошлое, увязывая его с современностью; ссылаясь на исторические связи, она также обратилась к идеям евразийства, трактуя их, разумеется, по-своему. Как нам представляется (об этом сказано ниже), в основе предлагаемого ныне турецкими идеологами варианта евразийства заложена принципиально иная, в известном смысле противоположная объединительная идея – объединение (в различных вариантах) только «своих» – на фундаментальной идее тюркской самобытности, при этом, как правило, признается обращение прежде всего к одной культуре – исламской.

Можно ограничиться тем, что евразийские связи, сотрудничество – не более чем географическое понятие, остальное же, т.е. разговоры о синтезе, сплаве культур и пр. – виртуальные картины, умозрительные заключения, далекие от реального осуществления. Но нельзя уклониться от той истины, что не только евразийское географическое пространство – реальность; многовековое сосущество-

вание народов – тоже реальность, синтез их культур – реальность. В одной из своих работ исследователь евразийских цивилизационных проблем Б.С.Ерасов высказывается, как нам представляется, достаточно убедительно: «Обращение к природным факторам социального бытия было отнюдь не единственным компонентом в обосновании евразийства. По сути дела, обращение к этим факторам выявляло условия формирования культурно-исторической общности евразийских народов»⁵.

В предлагаемой статье будет сделана попытка лишь выборочно, кратко – из-за обширности темы – оценить тенденции развития российско-турецких отношений в контексте общерегиональных евразийских процессов, которые в их созидательном варианте призваны обеспечивать каждому субъекту системы евразийского взаимодействия мирное независимое развитие, рост благосостояния, и в конечном счете – приобщение к самому высокому уровню мировой цивилизации. Наша задача – определить: есть ли у элиты (экономической, политической, духовной) двух ведущих евразийских стран осознанное намерение, стремление к сближению в экономике, политике, культуре, духовной жизни? Насколько возможны экономическая, культурная, духовная интеграция, что мешает этому – экономическая конкуренция, политика, идеология?

Исторический опыт взаимодействия различных государств, обществ и культур свидетельствует, что взаимовыгодное экономическое сотрудничество – основной фундамент всех видов возможного партнерства, и краткосрочного, и, тем более, долгосрочного, включая стратегическое. Его основу составляет торговля. Российско-турецкие торговые отношения в 90-е годы XX в. имели явные признаки партнерства, хотя и приобрели свою определяющуюся конъюнктурой специфику. Стремительный переход России к рыночной экономике, открытие ее мировому рынку сопровождались глубоким кризисом национального производства, что вызвало небывалый спрос на зарубежные потребительские товары (продукты питания и одежду) и услуги (прежде всего туристические), причем получилось так, что специфика российского спроса (оптимальное сочетание цены, качества и моды) выявила Турцию в качестве одного из главных поставщиков этой продукции. Этому способствовало и то обстоятельство, что к этому времени в системе российско-турецкой торговли был освоен опыт относительно сбалансированного товарообмена на основе договорной модели – *природный газ из России, потребительские товары – из Турции*.

Важно отметить, что помимо официальных посредников – торговых фирм, активную роль в удовлетворении российского спроса на турецкие товары выполняют «челноки» – мелкие *компрадоры поневоле*, появившиеся в России в результате такого массового социального явления, как безработица. Обосновавшись в Стамбуле (главным

образом в районе Лалели), используя неформальные каналы торговли, они достаточно успешно и в целом в крупных объемах стали закупать на месте и поставлять в Россию турецкую потребительскую, в основном текстильную, продукцию.

До недавнего времени конкретные цифры турецко-российской торговли рассматриваемого десятилетия свидетельствовали о неизменном ее росте – особенно в 1992–1997 гг., когда увеличение турецкого экспорта в Россию по стоимости составило 366,7%, импорта – 96,9%, рост всего стоимостного объема торговли – 177%, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Россия во внешней торговле Турции (1993–1998)

Год	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Экспорт в Россию, млн. долл.	499	820	1238	1494	2049	1348
Доля в экспорте Турции, %	3,29	5,24	5,72	8,42	7,87	5,01
Место	8	6	4	3	2	5
Импорт из России, млн. долл.	1542	1045	2082	1900	2048	2155
Доля в импорте Турции, %	5,24	4,50	5,83	4,30	4,38	4,68
Место	8	7	4	6	6	6
Товарооборот, млн. долл.	2041	1865	3320	3394	4097	3503
Доля в товарообороте, %	4,55	4,50	5,78	5,15	5,63	4,81
Место	6	6	4	6	5	6

Источник: Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar ve çözümleri. İstanbul, TUSİAD, 1999, с. 116.

Как очевидно, речь идет о стремительном росте турецких поставок в Россию – за пятилетие (1993–1997) – в 4 раза, в итоге в 1997 г. российский рынок поглотил (по официально учитываемым каналам) турецких товаров более чем на 2 млрд. долл., за короткий срок Россия стала для Турции вторым по значению экспортным рынком. Основные товары турецкого экспорта в Россию – текстиль (ткани, готовая одежда, обувь), продукты питания, кожизделия, химические товары, бытовая техника. Напомним, что текстильная промышленность – наиболее развитая отрасль обрабатывающей промышленности страны, «локомотив» ее развития на протяжении всей истории республики. Турецкая одежда, белье, ткани в их качественном исполнении пользуются высоким спросом в странах Европейского сообщества. Максимально широкое российско-турецкое сотрудничество в этой сфере с перспективой преодоления рамок чисто торговых связей, перехода к совместному производству прежде всего хлопчатобумажной продукции – залог долгосрочного партнерства. Что же касается Турции, то для нее, как считают турецкие экономисты, очень важно обеспечить себе в России постоянный рынок сбыта этих товаров в готовом виде, благодаря которому «за последнее десятилетие в Тур-

цию поступило от 50 до 100 млрд. долл.». В ближайшие 10 лет задача, по их мнению, состоит в том, чтобы закрепить завоеванные позиции и, не снижая объемов неофициальной, «челночной» торговли, реорганизовать ее в обычную, с участием крупных фирм. Если это будет реализовано, «Турция превратится в одного из лидеров в сфере российского импорта».

При оценке значимости «челночной» торговли (она не учитывается в официальной статистике) необходимо, по мнению того же источника, принимать во внимание, что она выполняет не только экономические, но и «важные социальные функции». Ее годовой объем (по разным подсчетам) составлял от 5 млрд. до 15 млрд. долл., т.е. обеспечивал «не только поступление валюты в Турцию в крупных масштабах, но также занятость тысячам небольших цехов и мастерских». С другой стороны, и в России, «благодаря “челночной” торговле многие безработные граждане, зачастую с высшим образованием, накопили средства с тем, чтобы постепенно стать первыми свободными предпринимателями в этой стране»⁶. Уместно привести мнение самого заинтересованного в «челночной» торговле лица в Турции – президента Общества промышленников и деловых людей Лалели (ЛАСИАД) Айхана Карахана. Он также признает, что стремительный рост торгового значения стамбульского района Лалели отмечен после распада СССР. Если с 1993 по 1996 г. «челночная» торговля еще не заявила о себе в должной мере в бюджетных показателях, то с 1996 г. ее воздействие, осуществляемое через Лалели, все более сказывается на платежном балансе. Участие Лалели в этих операциях в 1996 г. оценивается в 8842 млн. долл., причем реальные итоги экспорта Лалели в 1996 г. намного выше⁷.

Что же касается турецкого импорта из России, его важнейшую долю составляет энергосырье, о чем свидетельствуют данные турецкой статистики по состоянию на 1998 г. (табл. 2 и 3).

Таблица 2

**Доля России
в импорте Турцией нефти и природного газа**

Год	Сырая нефть		Природный газ	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
1991	24,5	1,1	312,4	63,4
1992	32,5	1,3	282,7	54,9
1993	192,2	6,3	350,2	59,6
1994	41,9	1,5	371,6	59,1
1995	197,9	6,0	522,3	51,8
1996	178,6	4,5	521,0	40,6
1997	107,5	2,9	637,7	59,0
1998	60,5	2,9	503,6	57,0

Источник: Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar...

Таблица 3

Доля России в импорте Турцией каменного угля

Год	млн. долл.	%
1993	44,6	14,4
1994	31,8	8,4
1995	53,9	19,8
1996	160,1	28,3
1997	154,2	24,8

Источник: Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar

Согласно данным различных источников, за все последние годы в поставках российского энергосырья в Турцию основная статья – это природный газ (1997 г. – 637,7 млн. долл., 1999 г. – 609 млн.), затем следуют каменный уголь (1997 г. – 154,2 млн. долл., 1999 г. – 165 млн.) и нефтепродукты (1997 г. – 107,5 млн. долл., 1999 г. – 366,5 млн.). Другие крупные статьи – также сырьевые, прежде всего черные металлы (1997 г. – 386 млн. долл., 1999 г. – 311 млн.), химическая продукция (1997 г. – 111 млн. долл., 1999 г. – 131 млн.), семена подсолнечника, живой скот⁸.

Закупки Турцией российского природного газа растут успешнее всего, поскольку в этой стране стремительно растет спрос на энергию. По мнению упоминаемых авторов турецкого доклада ТЮСИАД, такая ситуация составляет фундамент долгосрочного сотрудничества в этой сфере торговых отношений. Если в 1996 г. в списке потребителей российского газа Турция находилась на 11-м месте, то в 1997 г. она передвинулась на 6-е место (6,7 млрд. куб. м), уступая Германии (32,5 млрд.), Италии (14,2 млрд.), Франции (10,9 млрд.), Чехии (8,4 млрд.), Словакии (7,0 млрд. куб. м). Авторы напоминают, что в дополнение к прежнему подписано российско-турецкое соглашение о расширении закупок Турцией природного газа по существующему газопроводу через Балканы, а также путем сооружения нового газопровода в Турцию через Северный Кавказ, по дну Черного моря. «Особенность Турции при этом состоит и в том, что территориально она обеспечивает возможность продления этой газовой трассы до Израиля, который в таком случае станет важным потребителем российского газа». О том, что «движущей силой российско-турецких отношений в каком-то смысле является энергетика», заявляет ныне и Исмаил Джем, министр иностранных дел Турции⁹.

По данным турецкого государственного холдинга БОТАШ, в ведении которого находятся закупки энергосырья, с 1990 по 1999 г. потребление природного газа в Турции возросло с 3,3 млрд. до 12 млрд. куб. м, т.е. почти в 3,5 раза, причем 64% из этого количества используется для выработки электроэнергии. Как было заявлено на энергетическом конгрессе в Стамбуле 16 ноября 2000 г., потребление природного газа в 2020 г. достигнет 82 млрд. куб. м в год. Турецкие планы в отношении природного газа не ограничиваются лишь внутренним его

использованием, в XXI в. Турция видит себя *евразийским энергетическим коридором*, по которому энергетическое сырье из стран Востока будет поступать в западные страны. Возможен и другой вариант – стать *энергетическим терминалом*, т.е. очевидно мыслится и переработка сырья с целью поставки в Европу сжиженного природного газа (LNG). В ближайших планах БОТАШ – создание Восточноанатолийской системы газопроводов с выходами к Адане и Измиру. Продажа газа внутри страны началась с 500 куб. м в 1987 г. для производства электричества, в 1999 г. было продано всего 12 млрд. куб. м. До 1994 г., когда начались закупки также и в Алжире, Россия была единственным поставщиком природного газа. В настоящее время подписано семь соглашений о поставках природного газа в Турцию из пяти источников. Всего оговорены на ближайшее будущее по различным соглашениям ежегодные поставки в объеме 61,1 млрд. куб. м. Выполняются четыре соглашения – два из них, уже упомянутых, предусматривают поставки из России 6 млрд. в год и 8 млрд. куб. м газа в год, два других – ежегодные поставки в виде LNG из Алжира – 4 млрд. и из Нигерии – 1,2 млрд. куб. м¹⁰.

Российско-турецкое соглашение «Голубой поток» подписано в декабре 1997 г. Оно предусматривает поставки из России в Турцию через Черное море ежегодно 16 млрд. куб. м газа в течение 25 лет, начиная с 2001 г. Российская часть реализации проекта – прокладка трассы до Самсуна, включая морской участок. Турция ответственна за сооружение участка в пределах Турции. Сухопутные участки сооружаются, прокладка морской трассы была намечена на первое полугодие 2001 г. Соглашение о поставках российского газа в соответствии с проектом «Голубой поток» периодически становится предметом политической борьбы во властной элите страны. Активисты Партии националистического действия упрекают некоторых политических лидеров, например Месута Йылмаза, лидера Партии отечества, в том, что они предпочли российский газопровод туркменскому, который следовало бы проложить в Турцию прежде всего – в рамках «особого», тюркского сотрудничества. В СМИ Турции время от времени высказываются сомнения относительно законности участия в контрактах по «Голубому потоку» некоторых подрядных турецких фирм, руководителей которых связывают с Месутом Йылмазом, а также с его сыном Явузом якобы дружеские отношения. Утверждается также, что турецко-российская фирма OES (с участием «Стройтрансгаз») допущена к строительству участка Самсун-Анкара без участия в торгах, а ее руководитель Вехби Озкоч, крупный подрядчик, – активист Партии отечества в Анкаре¹¹.

Турецкие власти заявляют о своей заинтересованности в том, чтобы обеспечить поставки природного газа также из Ирана (соглашение августа 1996 г.), они должны составлять ежегодно 10 млрд. куб. м год в течение 25 лет с 2001 г., и из Туркменистана (соглашение

мая 1999 г.) -16 млрд. куб. м в течение 30 лет с 2002 г. Особо подчеркивается, что реализация новых соглашений с другими странами позволит сократить зависимость от нынешнего поставщика – России¹².

Важная сфера партнерства – строительные-подрядные услуги турецких фирм в России. По состоянию на июль 1998 г. 138 турецких фирм работали над выполнением 533 строительных проектов общей стоимостью 9246 млн. долл., причем 22 проекта стоили каждый более чем 100 млн. долл., а 347 проектов – каждый свыше 10 млн. долл. В 1990–1997 гг. в России было осуществлено 42% всех зарубежных строительных подрядов Турции, Россия стала для нее рынком №1 в подрядном строительстве (%)¹³.

Страна	%
Россия	42,0
Ливия	13,0
Пакистан	5,9
Казахстан	5,3
Туркменистан	4,3
Германия	3,7
Азербайджан	3,7
Саудовская Аравия	3,6
Другие	18,5

Туризм. Самыми очевидными преимуществами стали для российских туристов в Турции невысокая стоимость дорожных расходов, визовые льготы, дешевый и качественный отдых. Турецкие эксперты уверены, что особенность туристов из России – их «спокойное отношение к политическим событиям». В отличие от туристов Германии либо других европейских стран кризисные ситуации или угрозы террористов не производят, по мнению турецких авторов, впечатления на россиян. Так, курдская ПКК «предпринимала различные меры, чтобы заставить русских отказаться от посещения Турции. Некоторые российские СМИ под влиянием ПКК стали представлять Турцию как страну, в которой жизни туристов грозит опасность. Предпринимались меры, чтобы побудить их отправляться в другие страны». Одновременно, чтобы привлечь российских туристов, много усилий было затрачено Грецией, Испанией, Италией, Францией. «Против турецкого туризма была развернута мощная контрпропаганда», несмотря на это, в 1997 г. 13,5% россиян, принимавших участие в иностранном туризме (1048 тыс. человек), предпочли Турцию¹⁴.

Что касается вопросов поощрения между двумя странами инвестиций, создания смешанных компаний, в том числе банков, развития автомобильных, воздушных и морских (в сочетании с речными) перевозок и др., то в целом эти сферы сотрудничества должного развития

пока не получили. В турецких источниках отмечается «очень ограниченная деятельность в Турции российского капитала» (легкая промышленность, рестораны, отели), его суммарный объем исчисляется всего в 8,5 млн. долл. Согласно же другим данным («Турецкого вестника»), российские фирмы вложили в турецкую экономику 2,3 млн. долл. Несколько активнее ведут себя турецкие инвесторы – на турецкие капиталы и при участии «Коч Холдинг» в Москве построены и успешно действуют пять супермаркетов и три торговых центра типа «Рамстор», наладили производство своей продукции турецкие филиалы компаний «Кока Кола», «Пильзен» («Эфес Пильзен») ¹⁵. Действует несколько российско-турецких банков. Однако поиск и согласование крупных совместных промышленных проектов и в России, и в Турции – дело будущего, экономические связи между двумя странами покоятся на традиционных основах прошлого века, т.е. на торговле, которая, как это очевидно, преподносит такие сюрпризы взлетов и падений, которые никак не могут вписываться в систему надежного и долгосрочного партнерства. И Россия, и Турция предпочитают видеть своими главными партнерами в различных сферах совместного бизнеса компании западных стран.

Воздействие экономического кризиса на российско-турецкую торговлю

Августовский кризис 1998 г. в России негативно сказался на своевременной оплате Турцией обязательств по различным соглашениям и контрактам. Упомянутый выше отчет Союза палат Турции свидетельствовал, что именно в это же время наряду с успехами Турция вступила в фазу экономических трудностей, уже к концу 1999 г. прекратился экономический рост, наблюдавшийся с 1995 г. По своим масштабам и воздействию на жизнь общества кризис квалифицировался как шестой за всю историю республики и первый после окончания Второй мировой войны. Здесь сказались рост задолженности госсектора и соответственно рост процента, сужение внутреннего спроса, падение объема капиталовложений, политическая неопределенность в преддверии очередных парламентских выборов 1999 г., последствия катастрофических землетрясений на западе страны, сокращение туризма. Снижение роста в 1999 г. по секторам составило: в сельском хозяйстве – на 4,6%, добывающей и обрабатывающей промышленности – на 5, в сфере услуг (строительство, торговля, коммуникации) – на 5,1%. В целом в 1999 г. ВВП снизился на 6,4%. Произошло падение потребления и сокращение инвестиций, сужение внешнего спроса. Объем внутреннего спроса сократился в госсекторе на 4,1%, в частном – на 19,6%. Использование промышленных мощностей снизилось с 76,5% в 1998 г. до 72,3% в 1999 г. Причем в частном секторе этот индекс составил 69,7% ¹⁶. Как обозначились самые первые проявления кризиса во внешней торговле, см. табл. 4.

Таблица 4

**Динамика внешней торговли Турции,
млрд. долл.**

Год	Импорт	Экспорт	Всего
1993	29,4	15,3	44,7
1994	23,3	18,1	41,4
1995	35,7	21,6	57,3
1996	43,6	23,2	66,8
1997	48,6	26,3	74,9
1998	45,9	27,0	72,9
1999	40,7	26,6	67,3

Источник: 1999 Ekonomik Rapor. Ankara, TOBB. Mayıs 2000, с. 97.

Разумеется, критическое состояние дел в стране не отменяет того очевидного факта, что Турция ныне – влиятельная региональная держава. И все же важно иметь в виду, что пришедшее к власти после выборов 1999 г. коалиционное правительство уже долгое время предпринимает шаги для прекращения кризиса, но, как признаются и на Западе, и в самой Турции, без заметного успеха. Все это неизбежно негативно сказывается на динамике российско-турецкого экономического партнерства прежде всего по причине сокращения источников его кредитования – например, в благоприятные годы «Эксимбанк» Турции имел возможность в заметных масштабах кредитовать свой экспорт в Россию. Турецкая экономика также и 2000 г. завершила банковским кризисом, в печати отмечалось, чтобы выполнить программу стабилизации, предложенную МВФ на 2000–2002 гг., потребуются продолжение политики *затягивания поясов*. В 2001 г. общество ожидает трудный год. Внутренний долг – 40 млрд. долл., внешний – 120 млрд. долл. В 2000 г. Турция по внешним долгам уплатила 10 044,6 млн. долл.¹⁷

На пресс-конференции, посвященной политике правительства в 2001 г., премьер-министр Турции заявил, что основными темами работы правительства остается экономика и социальная справедливость – страна пережила в ноябре и декабре еще один (очень тяжелый) экономический кризис. Благодаря срочной финансовой помощи МВФ в 10 млрд. долл. он, как считается, ликвидирован, правительство было намерено заняться поисками наиболее эффективного использования этой помощи, ускорить приватизацию, чтобы получить дополнительные средства в бюджет¹⁸. Вместе с тем орган Торговой палаты Стамбула предрекал воздействие в 2001 г. банковского кризиса на реальный сектор экономики, на рост цен.

По мнению автора одного экономического прогноза, «особые меры необходимы прежде всего для поощрения туризма, поскольку для Турции в ее нынешнем положении этот источник валюты наиболее важен и доступен для его активизации, именно он может поощрить

рост занятости и доходов». Автор рекомендует срочно расширить экспорт в Россию и Китай и даже в Ирак, Иран и Сирию. «Турции следует перестать считать, что невозможно установить торговые связи с ближним окружением. Даже в нынешней ситуации Турция свой экспорт товаров и услуг в Ирак, Иран, Сирию и Россию может в короткие сроки поднять до 15 млрд. долл.»¹⁹ Кризисные явления продолжали сотрясать турецкую экономику и в начале 2001 г. В турецкой печати даже поставлена под вопрос возможность сохранить с таким трудом приобретенный статус региональной державы. Обозреватель «Миллиет» в начале нового года вопрошал: «Почему плетемся в хвосте?» и называл причины – политическая и экономическая нестабильность, коррупция. «Если наше мышление не изменится, Турция станет обреченной на нищету второсортной страной Ближнего Востока»²⁰.

Оценивая динамику экономического развития за последние 50 лет, проф. Эрдоган Алкин подсчитал, что турецкая экономика росла ежегодно в среднем на 5%, причем были и взлеты, и падения, возникали серьезные валютные, финансовые трудности. «Достаточен или нет средний прирост в 5%? В принципе такой прирост можно считать немалым, даже успешным. Но дело в том, что наша стартовая позиция была слабой, нынешний уровень благосостояния не отвечает чаяниям народа... Поднять в короткие сроки эффективность экономики нелегко. Прежде всего следует изменить всю систему обучения, поспевать за развитием технологии, ограничить возможности государственного контроля над экономикой»²¹. О низком благосостоянии народа пишет и другой экономист – Шереф Огуз в журнале «Евразийский диалог»: «Нашу бедность даже сравнивать невозможно с европейской, это результат существующей системы... Глупо говорить об уровне модернизации общества, в котором 8 млн. человек находится за чертой бедности»²².

После того, как представители правительства Турции решили отказаться от одного из ключевых компонентов своей новой, согласованной с МВФ программы экономических реформ – контроля над лирой, ее курс на валютных биржах обвалился на 30–35%. Правда, отмечалось, что теперь национальная валюта Турции свободно котируется на мировых рынках. Фактически, как отмечают аналитики, можно говорить о девальвации лиры, что почти неминуемо ведет к потере ее покупательной способности на внутреннем рынке – и это после того, как темпы инфляции удалось снизить на протяжении всего 2000 г. Новая американская администрация уже выступила с предостережением, что МВФ не должен без конца финансировать страны, которые не в состоянии самостоятельно решать свои экономические проблемы, а напротив, сами же их и создают. Именно в этом обвиняется и турецкое правительство.

Обозреватель Метин Мюнир констатировал в журнале «Актюэль»: «Кризис в Турции постоянен, нормальное состояние – исключение». Он напоминает, что инфляцию намеревались с 2000 г. снижать,

об этом было сказано в согласованной с МВФ в конце 1999 г. трехлетней (2000 – 2002) программе экономической стабилизации. Однако в 2000 г. снижение так и не было обеспечено в размере 25%, как намечалось, инфляция составила 35%, когда же, через 14 месяцев после начала выполнения программы, курс лиры был выпущен в свободное плавание, пределы его колебаний стали буквально безграничны, произошла девальвация. Намеченные реформы не выполняются, приватизация сдерживается, государственные расходы не контролируются. «Через 14 месяцев после начала стабилизационной реформы народ Турции обнищал еще более, а экономика стала еще слабее... Ни в самой стране, ни вне ее доверия к правительству уже не осталось. Но без этого доверия источники кредита останутся закрытыми... Никто не говорит об этом громко, но очевидно, что Эджевит уже не в состоянии управлять кораблем, хотя всем известно, что турецкие политики славятся своим стремлением не уходить, а оставаться на капитанском мостике, поэтому вероятно, что экономический кризис перерастет в политический. Возможно, колебанию подвергнется уже не только курс, но и сама Турция»²³.

Кризис охватил и социальную сферу – в Турции отмечены случаи массовых демонстраций протеста населения против нищеты и коррупции, чего уже давно не наблюдалось. Многотысячные демонстрации протеста против политики правительства прошли в Стамбуле, в Бурсе протестовали тысячи мелких торговцев²⁴. Любопытно, что в складывающейся ситуации Девлет Бахчели, лидер Партии националистического действия (ПНД) – второй партии правительственной коалиции, – заявил о решимости ПНД остаться в правительстве, несмотря на появившиеся в партии предложения уйти из власти. На встрече с региональными руководителями ПНД он утверждал, что политическая ответственность за кризис действительно лежит на правительстве и в основе его – ущербность финансовой, банковской системы страны, но думать в условиях кризиса об уходе из правительства значит «предавать родину и нацию»²⁵.

Как явствует из вышеизложенного, стабильность экономик России и Турции на исходе XX в. была далека от идеальной, что затрудняет определение возможностей и масштабов экономического партнерства в долгосрочном плане. Экспорт Турции в Россию в 1999 г. сократился по сравнению с 1997 г. до 587 млн. долл., т.е. почти в 3,5 раза. В этот период произошло резкое снижение поставок в Россию основных экспортных товаров из Турции: тканей (с 166 млн. долл. до 57 млн.), готовой одежды (с 693 млн. долл. до 164 млн.), обуви (с 117 млн. долл. до 22 млн.). В эти же годы началось снижение «челночной» торговли. В 1997 г. оно составило 35% и уменьшилось до 5849 млн. долл., в 1998 г. сокращение составило 37% – до 3689 млн., а в 1999 г. – на 40%, т.е. до 2255 млн. долл.²⁶ Отмеченный ранее стремительный рост определялся, как уже сказано, частично временными трудностями, связанными с

перестройкой российской промышленности, и еще предстоит выяснить, какая продукция из Турции в стабильных условиях станет приемлемой константой на российском рынке.

В известной мере то же можно сказать и о перспективах импорта российского энергетического сырья. Пока турецкий импорт из России сохраняет тенденцию роста, в 1999 г. он достиг максимума – 2372 млн. долл., увеличив дефицит турецко-российской торговли до 1785 млн. долл.²⁷ Но промышленная перестройка в России будет неизбежно сопровождаться ростом внутреннего спроса на энергосырье, в том числе и в целях его качественной переработки для последующего экспорта, например, в виде LNG. Российская сторона будет стремиться изменить структуру своего экспорта в Турцию, вернуться к тем дням, когда строила в Турции промышленные объекты, поставляла в значительных объемах машины и оборудование, она заявляет о желании продавать Турции также вооружение, высокие технологии. Но, как представляется, российские планы о поставках вооружений, например вертолетов, проваливаются – на этом рынке господствуют американские, германские, израильские фирмы. Кстати говоря, и Исмаил Джем также признает, что оборонная промышленность имеет не меньший потенциал для сотрудничества, нежели энергетика²⁸. Последним свидетельством российских намерений продолжать свои усилия и далее стала первая за последние восемь лет выставка в Стамбуле в ноябре 2000 г. – «Экспортные возможности России-2000», в которой приняли участие более 100 российских фирм и свыше 200 деловых людей из Москвы, Татарстана, Башкортостана, Северной Осетии, Санкт-Петербурга и других регионов России. Представлен «Газпром», Российское космическое агентство, Камов, Миноатом, «Уралтрансгаз» и др.²⁹

Кризис вызвал также сокращение притока российских туристов в Турцию, однако турецкие эксперты считают, что в условиях, когда их страна оказалась «самым дешевым центром туризма», ожидается, что российские туристы вновь и вновь в массовом числе будут отправляться в Турцию, «Турция останется наиболее посещаемой российскими туристами страной». Здесь уместно заметить, что постоянно высказываемую турецкой стороной уверенность в том, что благодаря дешевизне их туров терроризм никогда не испугает российских туристов и «челноков», поколебали события марта 2001 г., связанные с угоном чеченскими террористами в Саудовскую Аравию самолета с российскими «челноками», вылетевшего из Стамбула в Москву. При освещении этого события СМИ Турции больше занимали действия саудовских командос во время освобождения пассажиров, единогласно осужденные как грубые и непрофессиональные. Такая оценка близка, очевидно, к истине, о чем свидетельствует непреднамеренное убийство этими командос российской бортпроводницы и турецкого пассажира. Однако в турецких СМИ должным образом не был об-

сужден другой вопрос – как террористы оказались на борту с оружием, почему вольготно они ведут себя в Турции, ставя под угрозу жизни и будущее российско-турецкого сотрудничества в этой области. Одна из газет даже приводит, без всякого осуждения, заявление перед журналистами некоего Рахмана Душуева, названного ею представителем масхадовского руководства в Турции и на Ближнем Востоке. В заявлении утверждается, что «чеченская сторона осуждает терроризм в любой форме и что произошедшее – дело рук российских спецслужб, использовавших чеченцев, а Россия использует это событие, чтобы ослабить поддержку чеченцев турками». Другой чеченец, «генеральный секретарь при президенте Чечни» Халит Хюсейн утверждал, что цель России – представить миру чеченцев как террористов и ассимилировать их³⁰.

Практически оказалась замороженной после августа 1998 г. строительная деятельность турецких фирм в России. Однако, как сообщает «Турецкий вестник», турецкие подрядчики не покинули рынок, а предпочли сократить объемы строительства и переждать кризис. Намерение «переждать кризис» с помощью Запада, определиться с проблемой вступления в ЕС и только после этого реально оценить перспективы развития российско-турецких экономических связей характерно для нынешних турецких экспертов. Главной, даже единственной надеждой страны остается западная помощь, причем, как выше отмечено, с каждым годом, каждым месяцем возникают все новые и новые трудности, неизбежно влияющие на экономические отношения Турции в Евразии, торговлю с Россией.

Проблемы политического и идеологического соперничества.

Власти Турции, многие предприниматели в 90-е годы заявляли о намерении улучшать также и политические отношения с Россией и предпринимали соответствующие шаги, например важным шагом стало Соглашение о совместной борьбе с терроризмом, подписанное в ноябре 1999 г. во время визита Эджевита в Москву. В конце марта 2001 г., в ходе встречи в Москве в Госдуме РФ российских и турецких парламентариев участники встречи заявили, что Россия и Турция имеют большие возможности для развития культурных связей и туризма³¹. В первых номерах «Турецкого вестника», изданных посольством Турции в Москве в начале 2001 г., высказано желание турецких властей улучшать сотрудничество и в экономике, и в политике, и в культуре. В других изданиях, например в упоминаемом подробном докладе-исследовании ТЮСИАД в 1999 г., Россия также признается партнером для сотрудничества, разумеется, при сохранении определенных условий: «Несмотря на борьбу за сферы влияния, уже нет какой-либо темы, которая может негативно воздействовать на процесс развития между нами политических отношений...Россия, до тех пор, пока она не окажется в хаосе, пока не прибегнет к радикальным изменениям в своей внешнеполитической ориентации, не будет пред-

ставлять угрозу для Турции. Если же это произойдет, НАТО, членом которого мы являемся с 1952 г., выполнит свои обязательства, предусмотренные статьей пятой Вашингтонского Договора от 1949 г.»

В цитируемом докладе также подчеркивается, что, будучи одним из пяти постоянных членов СБ ООН, Россия обладает правом голоса при рассмотрении многих проблем, затрагивающих интересы Турции, и прежде всего кипрской проблемы. «Несмотря на ослабление своей мощи по сравнению с западным союзом, Россия остается ядерной державой, которую в стратегических расчетах и поныне необходимо принимать во внимание». Более того, пишут авторы, «отношения Турции с Российской Федерацией способствуют обеспечению баланса интересов Турции в ее отношениях с Европой и США. Как известно, интересы Турции не всегда совпадают с интересами ее союзников. Так, Анкара вынуждена поддерживать политику США в северном Ираке. Время от времени в своих отношениях с другими соседями Турция неизбежно испытывает воздействие США. Отношения с Россией, основанные на все возрастающем доверии, будут способствовать сбалансированию такого рода воздействия». Но что самое главное – «создание прочной основы политических отношений между Россией и Турцией будет способствовать устойчивому развитию экономических отношений». В Турции, признают авторы доклада ТЮСИАД, «весьма обширная часть общества обеспечивает себе существование за счет этих отношений. Сегодня очень многие в Турции – от владельцев грузовиков до ремесленников Лялели, от строительных подрядчиков до руководителей крупных фирм – зависят от состояния отношений между Россией и Турцией»³².

Проливы. Стабильность политических отношений России с Турцией на протяжении многих лет зависит от состояния проблемы проливов Босфор и Дарданеллы. Подписанная в 1936 г. в Монтре Конвенция о режиме Проливов в целом позволяла и России, и Турции соблюдать баланс интересов, за исключением тех редких случаев, когда возникали проблемы с правилами прохода военных кораблей. Но в 90-е годы между двумя странами проблемой оказалась и тема свободного, как это было раньше, прохода через Проливы российских торговых судов. Турецкая сторона сочла трудности России, вызванные распадом СССР, удобным временем для ограничения, вопреки положениям упомянутой конвенции, прохода через Босфор и Дарданеллы крупнотоннажных судов, танкеров. В 1994 г. турецкие власти опубликовали соответствующую инструкцию об измененном, ограничительном порядке мореходства через упомянутые Проливы под предлогом экологической защиты зоны Проливов. Было очевидно, что ограничения увязываются с планируемым сооружением нефтепровода Баку-Джейхан, который должен был составить конкуренцию нефтепроводу Баку-Новороссийск, а в дальнейшем вообще ограничить транспортировку нефти из Новороссийска через Проливы в Сре-

диземное море. Как нам представляется, такими односторонними действиями Турция искажила дух первого абзаца ст. 4-й Конвенции 1936 г., определяющего переход к турецкому правительству функций международной комиссии по Проливам, образованной в соответствии с Лозаннскими соглашениями 1923 г. Упомянутая комиссия была уполномочена защищать интересы других стран, пользующихся международными водами Проливов, и передача этих защитительных полномочий турецкой стороне не означала отказа от их исполнения во имя реализации Турцией собственных интересов, но означала ликвидацию международного статуса вод Проливов. Эти действия были опротестованы российской стороной, после продолжительных дискуссий турецкая сторона вынуждена была пойти на частичную отмену введенных ограничений. Это было сделано также с учетом изменившихся в лучшую сторону условий торгового сотрудничества.

6 ноября 1998 г. вошла в силу новая турецкая инструкция о порядке мореходства в Проливах. Ее содержание, считают авторы доклада ТЮСИАД, «коренным образом отличается от Инструкции 1994 г. и прежде всего тем, что в юридическом смысле он основан на международном праве». По их мнению, новая инструкция свидетельствует, что Турция «отказалась от намерения использовать Проливы как козырь, главной задачей для себя она считает обеспечение безопасности Проливов и прохода судов. Вместе с тем невозможно утверждать, что борьба вокруг режима Проливов закончилась»³³. Это признание подтверждается, турецкие журналисты и политики в один голос продолжают писать и заявлять, что транспортировка нефти через Проливы подвергает опасности Стамбул. Уже в первом номере вышедшего в апреле 2000 г. на турецком и русском языках журнале «Евразийский диалог» об этом пишет журналист Кадир Дикбаш, отмечая, что через Босфор ежегодно проходит 51 тыс. судов, из них – 4,3 тыс. с опасным грузом³⁴. В декабре 2000 г., когда Организация экологов Турции провела в одном из парков на берегу Босфора митинг, напомнивший живые цепи стамбульцев на мостах через Босфор в те годы, когда требовалось поддержать Инструкцию 1994 г. Участники и на этот раз заявляли о чрезвычайной интенсивности судоходства в Проливах, о том, что ежегодно через Проливы проходит 60 тыс. судов и 6 тыс. из них перевозят «опасный груз». Их лозунг – немедленное обеспечение Проливам безопасности. Президент этой организации З.Четинташ заявил, что новое руководство США намерено отозвать проект Баку-Джейхан, и, таким образом, по-прежнему вся нефть будет транспортироваться через Проливы, а с вводом в строй трассы Казахстан-Новороссийск ежедневно по Черному морю будет перевозиться 1,2 млн. баррелей нефти. С февраля 2001 г. должно резко возрасти движение танкеров, поэтому Четинташ призвал правительство и граждан не быть безучастными к этой, как видим, сохраняющей остроту, проблеме³⁵. К сожалению, в турецких

СМИ фактически нет материалов, повествующих о том, как местные власти защищают экологию Проливов другим способом – путем создания современной электронной системы контроля и безопасной проводки судов.

Из сказанного выше очевидно, что вопрос о **трубопроводе Баку-Джейхан** стал политической проблемой в российско-турецких отношениях, хотя речь, казалось бы, идет об экономике и прежде всего о рентабельности проектируемого нефтепровода. В упомянутом докладе ТЮСИАД приведены расчеты Министерства экономики США, согласно которым, на 1 января 1998 г. нефтяные запасы Азербайджана составляли 1,2 млрд. баррелей, а Казахстана – 5,4 млрд. баррелей, т.е. они не столь велики, чтобы безоговорочно приступить к строительству названного нефтепровода, сохраняя уверенность в его рентабельности. Эти цифры намного ниже показателей по каждой из ближневосточных нефтедобывающих стран, например, запасы Ирака в этих же расчетах составляют 112,5 млрд. баррелей, Кувейта – 96,5 млрд., Саудовской Аравии – 261,5 млрд. баррелей. При определении рентабельности нефтепровода Баку-Джейхан всегда будет возникать необходимость учитывать и мировые цены на добываемую нефть.

Все тот же доклад ТЮСИАД констатирует: «Лишь частично справедливо мнение о том, что благодаря трассе Баку-Джейхан снизится загруженность Проливов. Транспортировка 45 млн. т нефти не через черноморские порты, а по трубопроводу до Джейхана облегчает нагрузку на Проливы, однако если даже он и будет введен в действие, к Черному морю, помимо планируемой маломощной трассы до Батуми, нефтепроводами Баку-Новороссийск, Баку-Супса и Тенгиз-Новорос-сийск будет дополнительно транспортироваться ежегодно 100 млн. т нефти. В случае, если эта нефть не сможет быть продана в портах Черного моря, она будет отправлена на мировые рынки альтернативными путями (если они будут проложены), но, вероятнее всего, через Проливы». Обращая внимание на то, что нефтяные компании сразу выступили против строительства трассы Баку-Джейхан, авторы доклада ТЮСИАД высказали убежденность, что эти компании «будут против до тех пор, пока заметно не поднимутся цены на нефть и пока Турция не предоставит им эффективных экономических гарантий... 17 марта 1999 г. президент АЮС Дэвид Вудворд выступил с заявлением о том, что, принимая во внимание имеющиеся производственные мощности, до 2005 г. нужды в нефтепроводе Баку-Джейхан нет, и будет достаточно лишь увеличить мощности нефтепроводов Баку-Новороссийск и Баку-Супса»³⁶.

Однако, испытывая давление турецкой стороны, несмотря на приведенные расчеты, и одновременно заявляя о необходимости учитывать принцип прибыльности, администрация Клинтона поддержала проект на встрече в верхах в Стамбуле в конце 1999 г. Это еще раз подтвердил новый посол США в Анкаре Р. Пирсон на ежегодной

ассамблее турецко-американских ассоциаций 1 декабря 2000 г., отметив, что американцы проявляют интерес к турецкой энергетике, имея в виду развитие ее в самой стране, а в будущем имея в виду нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, который «должен быть построен в 2004 г.». Посол представил нефтепровод как один из элементов будущего громадного комплекса сооружений в Турции, предназначенного сыграть роль энергетического и транспортного моста, соединяющего Центральную Азию с Европой. По его мнению, активно задействован будет в этом комплексе Стамбул с Проливами: «По текущему пятилетнему плану Стамбул предполагается превратить в финансовый и торговый центр Юго-Восточной Европы, причерноморских стран, Кавказа, Центральной Азии, Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока»³⁷.

Даже в начале 2001 г., когда уже были подписаны все необходимые соглашения по трубопроводу Баку-Джейхан и объявлено о поддержке проекта властями США, у специалистов сохранялись сомнения в экономической рентабельности проекта. Свидетельство этому – дискуссия в январе 2001 г. на радиостанции Свобода с участием известных западных политологов и экономистов. Дискуссия говорит о сохранении серьезной политической составляющей проекта. Рональд Хэтчетт, директор Центра Международных исследований при тexasком Университете Св.Томаса, объясняет причину американской поддержки указанного нефтепровода тем, что США предпочитают транспортировку каспийской нефти через Россию или через Турцию, но решительно возражают против трубопровода через иранскую территорию. Примерно об этом же говорит и Патоик Клаусен: «Американская поддержка экспортного трубопровода Баку-Джейхан отчасти обусловлена желанием уменьшить экспортные возможности Ирана, а также стремлением поддержать страны каспийского региона». Еще один участник дискуссии, Рональд Хэтчетт, соглашается, что «Турция – наш сильный союзник, и мы хотели бы, чтобы у нее был надежный источник энергоносителей. Вопрос только в экономической целесообразности этого проекта... Представители многих американских нефтяных компаний говорили мне, что проблема состоит в том, что надо строить огромное количество насосных станций для перекачки этой нефти в Турцию, и это может сделать стоимость проекта слишком высокой, а сам проект – нерентабельным. И если только цены на нефть не поднимутся еще больше, то не будет смысла вкладывать такие огромные суммы, какие требует этот проект».

В то же время профессор Университета штата Кентукки Роберт Олсен уверен, что Европа, США, Турция и Израиль будут настаивать на проекте «Баку-Тбилиси-Джейхан» хотя бы уже потому, что проект очень важен и для Израиля. «Некоторые забывают об этом важном обстоятельстве. Израиль также хочет иметь надежные источники снабжения энергоносителями». Р.Олсен признает высокую стоимость

проекта, она равна 3,5–4 млрд. долл. Компании, участвующие в финансировании, «поначалу высказывали крайнюю осторожность, считая, что стоимость строительства трубы неоправданно высока в сравнении с количеством нефти, которую можно по ней перекачать... Рост цен на нефть побудил европейские и американские компании более внимательно заняться этим проектом и его финансированием». По мнению Р.Олсена, Россия против нефтепровода:

«Одной из причин войны является недовольство России поведением международных нефтяных компаний – как европейских, так и американских, которые стремятся завоевать центральноазиатский и каспийский нефтяной рынок и прибрать к рукам пути транспортировки каспийских и центральноазиатских нефти и газа. И жесткая война в Чечне – это сигнал России странам региона, США, Турции и, может быть, Израилю, что Россия готова постоять за свои интересы и сохранить контроль за пролегающими в регионе главными путями транспортировки нефти и газа»³⁸.

Как видим, в формировании модели партнерства с Россией Турция не обойтись без согласия своих главных стратегических партнеров – и США, и европейцев. Особенно очевидно это теперь, когда они согласились помочь Турции преодолеть тяжелые последствия и финансовых кризисов, и землетрясений путем предоставления новых миллиардных кредитов. Для них Турция – основной агент влияния и проводник их политики в Евразии. Не будет преувеличением считать, что Турция не свободна определять и характер, и масштабы сотрудничества с Россией – хотя бы уже потому, что Россия не готова в трудной ситуации оказать какую-либо существенную финансовую помощь Турции. Не следует забывать, что упомянутые выше усилия Турции закрепиться на российском рынке сопровождались кредитованием ею самой этих усилий – на общую сумму более 1 млрд. долл.

Идеология. Не только и не столько западные союзники «должным» образом корректируют политику Турции в Евразии в отношении России. В самой Турции, наряду со сторонниками расширения многосторонних партнерских отношений с Россией, представленных также влиятельными предпринимательскими кругами, наличествует мощный фронт политического противостояния России в Евразии и навязывания в этом регионе третьей стороне, т.е. новым государствам, странам СНГ антироссийских, а часто – антирусских настроений. Идеологическая составляющая этого фронта многообразна, соотнобразуется с конкретным регионом, что касается Кавказа, Центральной Азии, некоторых районов России – здесь преобладает крайний тюркизм, адресуемый не только тюркским новым государствам, но и в не меньшей степени тюркам России; здесь и исламизм, здесь, наконец, и различные варианты «синтезирования» тюркизма-исламизма. Носители этой идеологии – не только турки, но и осевшие в стране тура-

нисты и исламисты из тюркских республик и автономий, переселенцы с Северного Кавказа.

В некоторых СМИ, книжных публикациях, на съездах, встречах, конференциях, на которых нередко представлены и государственные чиновники, политические лидеры, парламентарии Турции, провозглашается и навязывается читателям, слушателям, участникам, делегатам, всему мировому сообществу тезис о том, что тюркский мир – объект особых, буквально кровных интересов Турции в Евразии. В официальной государственной статистике появилась даже необычная для мировой статистики рубрика, выделяющая государства по единому этническому признаку – *сотрудничество Турции с тюркскими/турецкими государствами. Создана Ассамблея предпринимателей тюркских республик*. Второй ее конгресс состоялся в ноябре 2000 г., первый – в декабре 1997 г. Постоянно повторяется идея о едином турецком народе. Вместо устоявшегося понятия в англоязычной литературе – *Turkic Republics* – все чаще используется для обозначения тюркских республик другой термин – *Turkish Republics*, т.е. турецкие республики. Термин *Turkic* исчез из некоторых публикуемых в Турции изданий на английском языке, остался *Turkish*. То же самое касается турецкого языка. Уже нет тюркских языков, а есть единый турецкий язык со своими наречиями. Ныне перед читателем подчас возникают даже трудности при работе с текстами турецкого происхождения – как теперь правильно перевести с турецкого или английского изданные в Турции материалы, где встречаются термины: *Türk Cumhuriyetleri, Turkish Republics*. Самый свежий и характерный пример – заголовком статьи из номера журнала «Eurasian Studies», издаваемого агентством ТИКА при МИДе Турции: *Main Obstructions in Front of the Integration between Turkey and Independent Turkish Republics...*³⁹

В названных публикациях просматривается новая концепция евразийства, стремление ограничить многонациональное евразийское цивилизационное взаимодействие распространением лишь турецкой культуры, при необходимости направить интерес населения и к крайним, исламистским движениям в регионах, республиках Евразии, особенно на Кавказе, где, помимо тюркских народов, проживают и мусульмане-нетюрки. Нередки высказывания в духе ксенофобии, призывы к мирному выдавливанию русских из тюркских республик, замене русского языка на турецкий, английский через сеть турецких учебных заведений всех ступеней. Особенно поощряется крайний национализм и крайний исламизм, поддерживаются чеченские боевики, они находят приют в турецких городах. В этих целях используются СМИ, школы, бизнесмены, Интернет, турецкие спутники, исламистские организации Турции и республик.

Уместно напомнить, что ныне вторая по величине партия в меджлисе – тюркешистская Партия националистического действия, некоторые приверженцы которой в не столь давнем прошлом пресле-

довались за совершение тяжких преступлений, террористических актов в стране против участников левых движений и до сих пор отбывают длительные сроки тюремного заключения. Добившись крупного успеха на выборах 1999 г., ПНД заявляет, что она стала общенациональной партией и не имеет отношения к террористическим вылазкам в стране. Более осторожными после смерти Тюркеша стали заявления руководства ПНД в отношении тюркизма и туранизма, однако в этих заявлениях нет свидетельств, что она окончательно рассталась с идеологией пантюркизма. Выступая 5 апреля 1999 г., перед парламентскими выборами, новый лидер ПНД Девлет Бахчели следующим образом охарактеризовал позицию своей партии в отношении тюркизма, в частности к тюркским республикам: «Турция должна срочно развивать экономические, культурные и социальные связи с турецкими республиками, не упустить шанс, предоставленный историей. В этих рамках наша конечная задача – превратить систему наших связей с турецкими республиками в прочные и постоянные узы. Достижение в XXI в. истинного мира и стабильности зависит от того, станет ли Евразия островом спокойствия, стабильности и сотрудничества. Этого можно добиться лишь при сотрудничестве и благополучии в Турецком мире. Чтобы все это обеспечить самым эффективным образом, будет создано министерство турецкого сообщества, и контакты с турецким сообществом будут координироваться и осуществляться через единую инстанцию... С целью развития и эффективного осуществления экономических связей с турецкими республиками мы должны будем провести в жизнь наш проект Общего Рынка Турецкого мира»⁴⁰.

Спустя год после успеха на выборах, уже представляя свою партию в правительственной коалиции, Д.Бахчели выступил 5 ноября 2000 г. на конгрессе ПНД с оценкой перемен в мире, стране и партии. Упомянув такие глобальные события в мире, как «крах коммунизма в начале 90-х годов и окончание эпохи холодной войны», он одновременно признал, что «оказалось невозможным непосредственно заняться и установить многосторонние связи с Турецким миром, который в эти же годы начал продвижение к независимости. К сожалению, наши отношения с турецкими республиками не достигли того уровня, который был бы желателен, истина состоит в том, что за десять лет установления независимости Турецкого мира серьезного продвижения в наших отношениях с ним добиться не удалось. Эта тема должна стать стратегической и национальной проблемой, обязанность каждого – эти отношения расширять и укреплять»⁴¹.

Как бы выполняя рекомендацию расширять и укреплять «особые» связи Турции с тюркским миром, Мехмет Эрол – преподаватель International Turkmen Turkish University, Ashkabad, судя по фамилии – не туркмен, а турок, пишет в упомянутом выше журнале, издаваемом под эгидой турецкого МИДа: «Новые государства СНГ этнически еди-

ные с Турцией, близкие ей по истории, религии и языку, стали участниками международной политики в Центральной Азии и на Кавказе. В такой ситуации Турция, как представляется, приобретает геостратегические возможности и обязанности, которые она утратила, когда русские в 1522 г. разгромили Казанское татарское ханство». Упомянутые утраченные, по мнению автора, почти пять веков назад стратегические обязанности Турции в отношении тюркского мира, он неожиданно выступает против национализма. Какого? Оказывается, государственного, т.е., наверное, узбекского, казахского и других, он против формулы – *нация-государство*. Автор считает, что «самая фундаментальная и самая важная обструкция, составляющая потенциальную угрозу тенденциям интеграции этих стран – концепция *государство-нация*»... Турция должна предостеречь эти страны прежде всего от этнического национализма, от конфликтных аспектов системы *нация-государство*, она против межреспубликанских конфликтов и даже возможных сепаратных действий и пограничных конфликтов между республиками... Атмосфера единства, основанная на секулярном исламе, должна быть создана в этих республиках под руководством Турции, это должно составлять фундамент политики Турции здесь»⁴².

Как можно понять из высказываний некоторых профессоров-националистов в Турции, например руководителей Фонда исследований по тюркскому (турецкому) миру, открытие турецких школ в том виде, как они существуют, использовано не только экстремистами от ислама, но и экстремистами-националистами; среди задач этих школ – «замена в тюркском мире русского языка на язык Турции – турецкий», убедить весь тюркский мир, например, тюрок Узбекистана, что они «не отдельные нации», а принадлежность «единого корня»⁴³. Любопытно, что в данном номере журнала в статье об узбеках ее автор, Борибай Ахмедов, ни словом не касается тех проблем, которые буквально навязывает читателю турецкий профессор (Туран Язган). Первый ясно дает понять, что узбеки – это отдельный народ со своей богатой историей, причем не стремится и противопоставить его другим тюркам. Приводимая в статье библиография содержит также и труды русских ученых, в частности, Якубовского. Получается, что отныне все эти работы будут заменяться трудами турецких ученых и на турецком языке.

Не только русский язык, но и сами русские раздражают некоторых турецких авторов. Так, Локман Узель, «специалист по турецким языкам и культуре», в статье о Туве пишет, что она долго оставалась «под тяжелым, мучительным гнетом русских», что «и сегодня еще она находится в тени у русских». Отмечается, что из-за экономических неурядиц «русские сегодня не в состоянии должным образом позаботиться как о тувинцах, алтайцах, якутах, так и о других турецких племенах, эти северные турецкие республики сегодня не в состоянии

воспользоваться тем вниманием, которое проявляют к ним мир, мусульмане, другие турки, а также Турция»⁴⁴. Внушается, что турки – чужие в России, им следует уйти из этого государства, высказывается намек на то, что их ждет Турецкий Союз.

В последние годы в качестве активного инструмента распространения националистической, пантюркистской идеологии, которая, как уже отмечено, ныне становится вариантом новейшего турецкого евразийства, стал **Интернет**. Тема эта требует отдельного рассмотрения исследователями, в нашей статье мы коснемся ее в общих чертах – ради постановки вопроса. Турколог, выходящий в сеть Интернет, будет удивлен обилием националистических и пантюркистских материалов, базой и источником существования которых в сети является Турция. Главный объект критики, развенчания, преследования на просторах евразийской тематики – Российская Федерация, которая обвиняется в империализме и гегемонизме.

Так, на сайте *Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı* (Фонд по изучению Турецкого мира) прежде всего приводится в виде эпиграфа высказывание, якобы принадлежащее Ататюрку: «Сегодня Советский Союз наш друг, сосед, союзник. Мы нуждаемся в таком друге. Однако никто не может предугадать, что будет завтра. СССР может развалиться подобно Османской империи или Австро-Венгрии... Турция должна думать, что в таком случае следует делать. Под властью нашего друга находятся наши братья по языку и вере. Мы должны быть готовы к тому, чтобы принять их... Не нужно ждать, пока они станут с нами сближаться, это следует сделать нам самим». Любопытно, что этот фонд зарегистрирован 20 июля 1980 г. по решению правительства Турции как «общественно полезный» фонд. В его ведении – вопросы культуры, связи с *турецкими странами*, приглашение *турецких лидеров* в Турцию для ознакомления со страной, организация преподавания *турецкого языка*, поддержка *искусства в Турецком мире – музыки, рисования, театра*, организация *всевозможных конференций*, взаимное ознакомление *турок от Балкан до Якутии*, развитие в *турецких странах языка, идей, идеалов единства*, организация *женских конгрессов, торжеств по поводу обрезания* – словом повсюду упоминать о существовании *Турецкого мира*. При этом используются самые различные и технические средства – литература, кассеты, календари, компакт-диски, а также учебная сеть, включая университеты – как Турции, так и создаваемая в тюркских республиках – Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Туркменистане, Татарстане и Чувашии. В созданных лицах преподаются язык, культура религии, турецкая культура, турецкая история, лучшие учащиеся приезжают за счет фонда в Турцию, знакомятся с ее историей и культурой, мечетями, убеждаясь, что Турция – это не грязная и отсталая страна⁴⁵.

На том же сайте помещен материал под заглавием «Предраспадные схватки в России», в котором предрекается в недалеком будущем

распад России и высказываются рекомендации лидерам тюркских республик России – как вести себя в такой ситуации. «Республики», «автономные области», пишет автор, начали отдаляться от центра, от Москвы; «после Калмыкии Татарстан требует отделения от центральной власти, предоставления большей независимости. Как известно, ранее лишь Чеченистан смог отделиться от Российской Федерации согласно договору от августа 1996 г. после 20 месяцев войны. Заявления калмыцкого и татарского лидеров свидетельствуют, что от политической власти Москвы почти ничего не осталось... Истина состоит в том, что в начале XXI в. стало неизбежным появление на политической карте мира новых государств и новых границ. Российская Федерация вступила в процесс распада». Однако, советует автор, «будет более правильным, если этот распад произойдет поэтапно, поскольку и Калмыкия, и Татарстан, и Саха, и Республика Алтай, и Тува еще не достигли такой стадии, когда они независимо от Москвы могут проводить экономическую политику. Не имея еще военной и политической силы, способной обеспечить собственную безопасность, этим республикам надлежит сейчас разделять на равных власть с Москвой, проводя во всех сферах подготовительную работу по переходу к независимости. В связи с этим особая ответственность ложится на власти, гражданские органы, предпринимателей Турецкой Республики. Не привлекая внимания Москвы, следует в этих автономных регионах, не теряя времени, осуществлять экономические, политические и культурные инвестиции. Ибо эти регионы – жизненные сферы турка». О ведущей и организующей роли созданного в Турции Фонда Евразия говорится на другом сайте – «Аврасья досьясы» («Евразийское досье»). Фонд призван финансировать усилия по «упрочению связей языка Турции – турецкого – с другими тюркскими наречиями, а затем добиться, чтобы турецкий стал официальным языком ООН»⁴⁶.

На множестве других сайтов, названных Turan, bilginet, turkmens, bozkurt и др., объединенных на информационном вебсайт-центре *Тюрк дюньясы*, главная тема все та же – пантюркизм, *тюрки всех стран, соединяйтесь под лидерством Турции*. На отдельном сайте *Просветительский и культурный фонд очагов идеалистов* пропагандирует творчество своих приверженцев, идеалы и высказывания Тюркеша и т.д.⁴⁷

На другом сайте *Национальные движения в Турецком мире* представлен материал от имени Джана Маджита (Измир). Сообщается, что в *турецких республиках и регионах* действуют организации, *ведущие борьбу за национализм и свободу*. Помимо таких организаций в Азербайджане, Узбекистане, Казахстане, Туркменистане, Киргизии, есть и те, утверждает автор, которые действуют в России – в Татарстане *Озерк*, в Чувашии – *Калкынма*, упоминается и *Ассамблея турецких народов*, *Союз молодежи турецкого мира*, *Балкарья тере*, а также на Украине – *Кырым милли иттифак*. Сообщается также, что турецкая

нация – одна из тех, кто разделяет принцип независимого проживания и предпочитает умереть, если нет возможности жить независимо... Представители Турецкого мира при всяком удобном случае свидетельствуют, что они разделяют эти чувства. Чтобы спастись от русского гнета, они боролись, невзирая на угрозу смерти, но не смогли добиться своего. По мнению автора, после 90-х годов турецкие народы смогли создать Союз, т.е. идеал ТУРАН. Сегодня, считает автор, определенные условия созданы, но нужен Союз. При нынешних условиях невозможно предполагать политические действия. Союз следует реализовывать через культурную и просветительскую деятельность – и в идеях, и в работе. Следует участвовать в реализации идеала Туран, стремиться добиться независимости. Это стремление – общее для всех национальных движений⁴⁸. На сайте *Ötökel* также высказана твердая уверенность, что «Турецкий союз обязательно будет создан. Вождь Альпарслан Тюркеш перед 3000 студентов Сельджукского университета в Конье заявил на конференции по теме «Турецкий мир»: «Турецкий союз обязательно будет создан. Ибо в турецкой истории есть уроки, которые следует усвоить. Очень важно, чтобы по всем вопросам в новых турецких государствах Средней Азии присутствовало лидерство Турции».

Несмотря на все эти призывы, даже очень серьезные турецкие ученые отвергают обвинения в адрес части турецких интеллектуалов в том, что они не расстались с идеями пантюркизма. К ним принадлежит крупный историк Кемаль Карпат, давно натурализовавшийся в США, но и поныне участвующий в дискуссиях в Турции, в частности по вопросам тюркизма. В упоминаемом уже журнале «Евразийский диалог» он поместил пространную статью по данной теме, в которой приветствует идею евразийского сотрудничества, но отвергает указанные упреки в адрес турецких националистов. «Некоторые русские писатели утверждают, что сейчас Турция стремится создать пантюркистский, пантуранистский союз, однако нет ничего, что подтверждало бы эти утверждения. История свидетельствует, что панславянский союз так и не смог осуществиться, несмотря на поддержку царского правительства. Равным образом пантюркистский союз – не более чем простая утопия... Сегодняшнее население Турции во многих отношениях евразийского происхождения, но несмотря на эту историческую истину, подавляющее большинство населения отвергает пантюркизм и пантуранизм»⁴⁹. Но кто не знает даже из совсем недавней истории Европы, что «простые утопии» были причиной гибели сотен тысяч и миллионов людей во имя реализации этих утопий. Пантюркистская утопия при попытках ее претворения в жизнь приведет к массовым кровавым конфликтам в Евразии на этнической почве.

• •

Подводя итоги, можно сказать, что формирование прочного фундамента для всестороннего развития российско-турецких отношений достаточно успешно может осуществляться не на основе ксенофобии, разделения народов Евразии на свои и чужие. Евразийские цивилизационные ценности, прежде всего духовные, будут востребованы и станут объединительным фактором в результате создания прочного экономического сотрудничества и интеграции, синтеза культур, равноправного взаимодействия конфессий и народов. Поэтому идея евразийства представляется как тема, приемлемая для полезного обмена мнениями, углубления взаимопонимания между народами Евразии, учета их интересов, снятия противоречий и отказа от крайностей в области национальных отношений, религий и т.п. На *тюркизме*, *славизме* и других *измах* мирную высокоразвитую Евразию не построишь.

¹ DA. Diyalog Avrasya. – İstanbul, 2000. – № 1. – С. 29.

² 1999 Ekonomik Rapor. Ankara, TOBB. Mayıs 2000. – С. III.

³ Маяк. 10.10.2000.

⁴ Radikal. 26.12.2000; Маяк. 02.04.2001.

⁵ *Ерасов Б.С.* Цивилизационная теория и евразийские исследования: Научный альманах // Цивилизации и культуры. Вып. 3. – М., 1996. – С. 24.

⁶ Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar ve çözüm önerileri. – İstanbul: TÜSIAD, 1999. – С. 122–126.

⁷ İstanbul Ticaret. 6.10.2000.

⁸ <http://www.foreintrade.aov.tr/ead/SEKTOR/ulkeler/rusvafed>

⁹ Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar..., с. 132–140; Турецкий вестник. Издание Посольства Турецкой Республики в Москве. Февраль 2001, № 2, с. 3.

¹⁰ http://www.botas.gov.tr/tr/k_f/turkiog_gvardim.html

¹¹ Hürriyet. 18.01.2001.

¹² http://www.botas.gov.tr/tr/k_f/turkiog_gvardim.html

¹³ Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar..., с. 126–129.

¹⁴ Там же, с. 129–132.

¹⁵ Там же, с. 243–244; Турецкий вестник, .. 2001, № 2, с. 2, 6.

¹⁶ 1999. Ekonomik Rapor. Ankara, TOBB. Mayıs 2000, с. 6.

¹⁷ Milliyet. 30.12.2000; İstanbul Ticaret, 12.01.2001.

¹⁸ Cumhuriyet. 26.12.2000.

¹⁹ İstanbul Ticaret. 12.01.2001.

²⁰ Milliyet. 18.01. 2001.

²¹ İstanbul Ticaret. 12.01.2001.

²² DA. Diyalog Avrasya. – 2000. – № 1. – С. 4.

²³ Aktüel. 01.03.2001.

²⁴ P\с Свобода. 02.04.2001.

²⁵ Milliyet. 08.03.2001.

- ²⁶ İstanbul Ticaret. 06.10.2000.
- ²⁷ Турецкий вестник. – 2001. – № 1. – С. 2.
- ²⁸ Турецкий Вестник. – 2001. – № 2. – С. 3.
- ²⁹ Турецкий вестник. – 2001. – № 1. – С. 2.
- ³⁰ Radikal. 18.03.2001.
- ³¹ Независимая газета. 31.03.2001.
- ³² Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar, с. 173–174.
- ³³ Там же, с. 54–55, 169.
- ³⁴ DA. Diyalog Avrasya. – 2000. – № 1. – С. 15.
- ³⁵ Hürriyet. 18.12.2000.
- ³⁶ Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar, с. 171.
- ³⁷ <http://www.usis-ankara.org.t/main.htm>
- ³⁸ PС Свобода. 19.01.2001.
- ³⁹ Eurasian Studies. Ankara, 2000, № 18.
- ⁴⁰ <http://www.mhp.org.tr/secim/iller/secim99.htm>
- ⁴¹ <http://www.mhp.org.tr/f-ink-3.html>
- ⁴² Eurasian Studies. – 2000. – № 18. – С. 74, 89.
- ⁴³ Türk Dünyası. Tarih Dergisi. – İstanbul, temmuz 1997. – С. 2.
- ⁴⁴ Türk Dünyası. Tarih Dergisi. – Mayıs 1997. – С. 33.
- ⁴⁵ Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı <http://www.turan.org/>
- ⁴⁶ <http://www.avrasyavakfi.org.tr>
- ⁴⁷ <http://www.3hilal.8k.com>
- ⁴⁸ <http://www.geocities.com/islamkerimov/3.html>
- ⁴⁹ DA. Diyalog Avrasya. – 2000. – № 1. – С.41–42.

РОССИЯ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АРАБСКИЙ МИР:
К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И российское общественное мнение, и элита страны убеждены сегодня в необходимости восстановления позиций России в арабском мире. Выражаемые в этой связи точки зрения, несмотря на кажущуюся порой несовместимость высказывающих их политических сил, достаточно близки друг к другу и, по сути дела, могли бы быть резюмированы как утверждение о том, что обе стороны – Россия и арабский мир – исторически предрасположены к взаимному тяготению, к тесным союзническим отношениям, к, наконец, взаимодействию в качестве естественных противовесов сегодняшней тенденции возникновения монополярного мира. Расхождения во взглядах российских политиков на будущее собственной страны и ее место в современном мире (теперь уже менее значительное, чем в начале 90-х годов) не мешают им, однако, одинаково успешно доказывать важность восстановления российского присутствия в арабском регионе. Этой идее придается характер предельно актуальной как с помощью ссылок на высокий уровень отношений между Советским Союзом и арабскими государствами, так и доказательств значимости для арабского мира дипломатических представительств и религиозных миссий эпохи Российской империи. Более того, в Москве постоянно ссылаются на существование собственных, особых интересов в пределах арабского геополитического пространства, требующих, по сути дела, отмены международных санкций в отношении Ирака и их дальнейшего смягчения в отношении Ливии. Наконец, время новой *интифады*, резкая общеарабская реакция на события в Палестинской автономии, итогом которой стало ощутимое снижение уровня интенсивности арабо-израильского урегулирования, а также оказавшиеся, в конечном итоге, безуспешными попытки США содействовать достижению палестино-израильского примирения придали новый импульс распространению заявлений о необходимости расширения позиций России и в масштабе Ближнего Востока, и арабского мира.

Но эпоха постсоветского развития российского государства продемонстрировала и очевидную тенденцию эволюции позиции всех его политических сил в отношении Израиля. Восстановление дипломатических отношений с этой страной, совпавшее по времени с завершающим этапом существования СССР и воспринимавшееся тогда, как

успех политиков, квалифицировавшихся на общенациональном уровне в качестве «демократов», давно уже стало данностью, приемлемой и для их формальных противников. Ссылки на израильский опыт обороны, абсорбции иммигрантов или, используя пример актуальных ныне для российского общества дискуссий, землепользования стали естественны и для оппозиции. Во всяком случае, воспоминания о многочисленности студентов из арабских стран (конечно же, как это обычно подчеркивается, ставших квалифицированными специалистами, содействовавшими развитию своих государств) в высших учебных заведениях СССР, как и о советском участии в строительстве мощных объектов инфраструктуры в арабском мире, параллельные и внутренне идентичные рассуждениям о значительности прослойки выходцев из бывшего СССР в Израиле, могут рассматриваться как средство легитимации не только идеи восстановления российско-арабских отношений, но и поддержания высокого уровня связи с еврейским государством.

Разумеется, это вовсе не означает, что израильская позиция не может осуждаться представителями тех или иных групп российской оппозиции и в этой связи (что, тем не менее, вытекает из обстоятельств все еще продолжающегося процесса формирования элиты современной России, в ходе которого антисемитизм как орудие политической борьбы сохраняет свою эффективность) интерпретироваться ими как достаточный повод для развития контактов только с одной из сторон ближневосточного конфликта. Акцент, ставящийся ими на необходимости углубления контактов лишь с его арабскими участниками, в равной мере вытекает и из сохранения высокого уровня израильско-американских отношений или негативной оценки возникающих в ближне- и средневосточном регионах прагматичных межгосударственных союзов, в частности израильско-турецкого стратегического альянса. Тем не менее эти обстоятельства становятся фактором лишь внутрироссийской политической речи и основанного на ней внутрироссийского действия, отнюдь не предполагающих внесения сколько-нибудь существенных перемен в официальный внешний курс России, хотя и содействующих сохранению в нем элементов настоятельности в отношении еврейского государства.

Впрочем, и в рамках очевидной устремленности к развитию взаимодействия с арабскими странами российская общественность может быть в немалой степени селективна. Эта селективность становится во многом аналогом ее настоятельности в отношении Израиля. Российское общественное мнение сосредотачивает свое внимание, в первую очередь, на важности контактов с теми, кого инерция прошлого безоговорочно относит к недавним союзникам (едва ли не сателлитам ушедшей в небытие державы) Советского Союза. Ими, безусловно, выступают Сирия и Ирак. В свою очередь, страны Персидского залива и Аравийского полуострова, прежде всего Саудовская

Аравия, продолжают подсознательно восприниматься этим мнением как зона влияния США. Это восприятие, налагаясь на события внутрироссийского мусульманского возрождения, создает вокруг этих стран ауру негативности и определенной доли неприятия в качестве действительно естественных российских региональных партнеров. Все та же селективность ни в коей мере не ограничивается только этой группой членов арабского геополитического сообщества.

Западная постановка вопроса о правах человека в России или в регионах, которые Москва рассматривает (в частности, Балканы) в качестве зоны собственных интересов, может негативно влиять на уровень российских контактов с Египтом, все еще во многом воспринимаемым через призму действий предшествовавшего президента этой страны, или Тунисом и Марокко как странами, следующими в фарватере Франции. Но все же, в первую очередь, внутрироссийские события могут сужать или, напротив, расширять сферу этой селективности. И здесь речь идет, прежде всего, о чеченском ирредентизме и *ваххабитском* пуризме в мусульманской среде России, обычно рассматриваемыми как одно из проявлений «международного терроризма». Палестинская *интифада*, активными участниками которой выступают не только мусульманские радикалы, но и апеллирующие к марксистскому дискурсу националисты, бывшие в недавнем прошлом очевидными сторонниками советского ближневосточного присутствия, сегодня далека от того, чтобы стать объектом безусловной общероссийской поддержки. Та же внутренняя угроза целостности российской территории (ее реальность или мнимость здесь не принципиальна) может смягчать настороженность по отношению к Израилю, но одновременно расширять сферу селективности подходов к арабскому миру, объективно сокращая возможности сотрудничества с близкими контрагентами бывшего СССР – Алжиром, Ливией или Йеменом (южной частью этого ныне единого государственного образования). Наконец, ощущение этой угрозы едва ли не навсегда исключает из числа даже потенциальных российских партнеров воспринимаемый в качестве интегрального Судан.

I

Колебания в отношении российского общественного мнения и к арабскому геополитическому сообществу, и Израилю, как и порой вторичное, опосредованное внешними и внутренними обстоятельствами восприятие тех или иных элементов арабской и ближневосточной систем межгосударственных отношений понятны. Они вытекают из еще далеко не закончившегося процесса строительства современной российской государственности, испытывающего воздействие не только новой ситуации в возникающем миропорядке, но и воспоминаний (как и определяемой ими риторики и практики действий) о прежней международной роли страны. Этот процесс активно

формирует множество российских «групп влияния», представляющих как государственные структуры (включая и их региональные ответвления), частные экономические объединения, так и порой тесно связанные с интересами обеих сторон общественные, конфессиональные и политические партии и движения. Пропагандируя идею «возвращения на Восток» (арабский мир и Ближний Восток в этом случае не более чем один из его регионов) и делая это порой в карикатурной форме, российская элита и общественность в немалой степени воскрешают одну из тенденций внешней политики страны, не раз становившуюся реальностью и в эпоху дореволюционной России, и Советского Союза.

Неудачи в развитии контактов с Западом (каждый из двух этапов предшествовавшей российской истории предлагал собственное понимание «Запад» и «Восток») заставляли страну уделять больше внимания Востоку, подчеркивать «евразийскую» суть ее цивилизации, уникальность ее географического и геополитического положения, специфику не только православия как христианства «восточного толка», но и всего «содружества» населяющих ее национальных и религиозных общин. Но при этом устремленность российской стороны к контактам с Востоком (впрочем, в равной мере это применимо и к связям с Западом) и ее подчеркнутое декларирование собственной «особенной» сущности порой означают, что, развивая отношения с этим Востоком, Россия всего лишь защищает себя от его достаточно часто ощущаемого как пагубное воздействия.

Акценты, которые представители политической элиты страны ставят на присутствии «арабского фактора» (одного из проявлений «фундаментализма и международного терроризма») в политических процессах, протекающих в непосредственной близости от границ российского государства или в регионах, которые рассматриваются как сфера его непосредственных интересов (Афганистан, Босния, Косово, Центральная Азия), а также на территории самой Российской Федерации (Северный Кавказ, в частности Чечня, мусульманские анклав в Поволжье и на Урале), становятся тому едва ли не наиболее ярким подтверждением. В свою очередь, эти акценты принципиально тождественны заявлениям о «сионистской опасности» для России, высказываемым деятелями, которые отнюдь не всегда могут рассматриваться в качестве политических маргиналов. Развитие отношений со странами арабского мира и Ближнего Востока как своеобразная форма нанесения «упреждающего удара»?

Внутренняя противоречивость позиций, подходов и лозунгов – это всего лишь, тем не менее, производное от того образа, который Россия настойчиво пытается создать и представить собственному обществу и миру. Этот образ еще очень далек от своего завершения, его черты пока представляют собой разрозненное и едва ли не хаотичное нагромождение многих составляющих, но, скорее всего,

наследия прошлого, спешно декорируемого по «демократическому» образцу (этого требует окружающий Россию мир), становится сегодня среди них ведущим. Буквальное прочтение одного из официальных документов – утвержденной нынешним президентом страны «Концепции внешней политики Российской Федерации»¹ – становится тому едва ли не самым весомым подтверждением.

Этот документ отталкивается, конечно же, от заявления о том, что «высшим приоритетом внешнеполитического курса России является защита интересов личности, общества и государства», подтверждая тем самым устремленность российской элиты к решению задач демократического переустройства страны, призванного содействовать «позитивному восприятию Российской Федерации в мире». Но вместе с тем «Концепция» подспудно несет в себе признание утраты страной ею прежнего статуса или, используя терминологию самого документа, «одного из влиятельных центров современного мира» (провозглашение «Концепцией» первоочередным приоритетом российской политики «стратегическое партнерство со всеми государствами – участниками СНГ» понижает статус России до уровня, прежде всего, региональной державы) и значительного падения «политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала» нынешнего правопреемника Советского Союза.

Разумеется, российская внешняя политика направлена на то, чтобы способствовать «созданию благоприятных внешних условий для поступательного развития» страны, которые должны стать фактором «подъема ее экономики, повышения уровня жизни населения» и, наконец, «укрепления основ» существующего в ней «конституционного строя». Однако возникновение этих условий предполагает, как считает российская элита, противостояние, прежде всего, важнейшей угрозе национальным интересам Российской Федерации, суть которой заключается в усилении «тенденции к созданию однополярной структуры мира». В этой связи региональные приоритеты российской внешней политики (по сути дела, лишь повторяющие основные направления советского внешнеполитического курса, но с одной поправкой – страны Содружества Независимых Государств заняли место государств Восточной Европы) оказываются всего лишь подчиненными задаче преодоления «экономического и силового доминирования» Соединенных Штатов.

В контексте приоритетов российской внешней политики арабское геополитическое сообщество и Ближний Восток, предшествующие лишь кратко упомянутым в этом документе Африке, Центральной и Южной Америке, оказываются оттесненными на периферию российских интересов, становятся маргинальными или, по крайней мере, менее значительными, чем это порой было даже в советскую эпоху. Разумеется, в тексте «Концепции» говорится о том, что важнейшей задачей российской внешней политики «на Ближнем Востоке, вклю-

чая зону Персидского залива и Северную Африку», – «богатом и важным» для российских интересов регионе, – является «восстановление и укрепление» ранее утраченных позиций, в первую очередь, «экономических». Однако базисной основой движения в этом направлении остается неурегулированность (отсутствие «стабилизации обстановки») региональной ситуации, предполагающая, по сути дела, более или менее длительное сохранение арабо-израильского противостояния и иных, органически (что очевидно прочитывается в тексте соответствующего раздела цитируемого документа) связанных с ним конфликтных ситуаций.

Эта основа негативна уже потому, что благодаря ей в ситуации сегодняшнего дня воспроизводится важнейшее политическое обстоятельство, определявшее присутствие предшественника нынешней России в арабском мире и на Ближнем Востоке. Им были элементы противостояния, в первую очередь, арабо-израильская конфронтация, как производное от формировавшейся в годы холодной войны и все еще далекой от своего завершения системы региональных межгосударственных отношений. В советское время итогом опоры на эту базисную основу выступала ярко выраженная ущербность проводившегося тогда курса. Ее наиболее существенным проявлением становилось длительное отсутствие прямых контактов с Израилем и отрицание сионизма как важнейшего инструмента легитимации еврейского государства, внутренне идентичного взглядам арабских националистов или религии в случае Саудовской Аравии. Опора на эту основу предполагала искусственное разделение арабских стран на «прогрессивные» и «реакционные», вытекавшее из местных межгосударственных отношений, как и значительное влияние союзников бывшей великой державы на ее внутриарабскую и ближневосточную политику.

В этой связи упоминаемый в документе статус России «как коопонсора мирного процесса» приобретает двусмысленный оттенок, тем более, что его дополнительно нюансирует мысль об «активном участии в нормализации обстановки в регионе после кризиса», по сути дела, активно воплощенная в практике, что проявилось в минимальных действиях России на Ближнем Востоке после начала палестинской *интифады*. Позитивный опыт прежнего присутствия страны в регионе, его (пусть ограниченный и противоречивый) экономический, научно-технический, культурный и, наконец, гуманитарный потенциал в цитируемом документе даже не упоминается.

Арабский мир и Ближний Восток оттесняются на периферию российской внешней политики не только с точки зрения концептуального перечисления ее приоритетных направлений, и не столько в силу провозглашения отдаленности перспективы активных действий в этом регионе. «Концепция внешней политики Российской Федерации» включает его в более широкое геополитическое образование – «Большое Средиземноморье», рассматриваемое как «связующий

узел» для «Ближнего Востока, Черноморского региона, Кавказа и бассейна Каспийского моря». Мысль последовательно эволюционирует, создавая новые, противостоящие современной мировой «монополярности» геополитические конструкции, призванные подчеркнуть значение основных направлений российской политики – сотрудничество с возникшими на развалинах Советского Союза новыми независимыми государствами, институтами Европейского Сообщества, балканскими странами и Ираном.

Однако в контексте этих конструкций арабский мир и Ближний Восток вновь маргинализируются, становясь для России не более чем объектом решения ее собственных прагматических задач, среди которых, в первую очередь, «продвижение российских экономических интересов», включая, в первую очередь, «вопрос выбора маршрутов прохождения важных потоков энергоносителей». Навязчивая идея государственной элиты и ее общественного мнения, уже резюмировавшаяся как «историческая предрасположенность» арабского мира (как и Израиля) к тяготению к союзу с вновь осознающим себя противником основанной на монополярности системе международных отношений российским государством, становится подспудным обоснованием теории его регионального поведения.

II

Справедливости ради следовало бы отметить, что и в арабском мире как на уровне общественного мнения, так и групп правящей элиты настойчиво подчеркивается важность развития отношений с Россией. И речь в этом случае не идет лишь о тех странах Арабского Востока, которые в советское время рассматривались в качестве безусловных партнеров Москвы. Более того, идентичная ситуация воспроизводится и в Израиле, где о важности расширения контактов с Россией говорят не только (хотя их голос, а также значение во внутриизраильском политическом процессе, конечно же, ощутимы) те группы политического действия, которые представлены его русскоязычными гражданами. Возникает, как это кажется на первый взгляд, симметричная ситуация, которая, конечно же, с точки зрения определенной оптики ее прочтения может провозглашаться как совпадение или, если того потребует практика действия, единство политических подходов обеих сторон.

Как и в России, в арабском мире и в Израиле говорят об исторически обусловленном взаимотяготении, важность которого приобретает особый смысл в условиях все более четко оформляющихся контуров монополярного мира. Это взаимотяготение отталкивается от мысли о существовании общеарабских региональных интересов или необходимости осуществления перемен в израильской системе распределения властных полномочий в пользу прибывших в страну членов *алии* из бывшего СССР. Актуализация этой мысли, вне зависимо-

сти от различий окрашивающих ее нюансов, в арабском мире достигается с помощью акцентов, поставленных на региональной политике Израиля, а также проблеме международных санкций в отношении Ливии и Ирака. Более того, идея полномасштабного восстановления связей с российской стороной легитимизируется и с помощью обращения к ситуации, существовавшей в советский период, и на основе специфической интерпретации, – что важно, в первую очередь, для государств восточной части арабского региона, – российско-арабских контактов досоветской эпохи и первых лет существования советского государства. Речь идет о сфере культуры как средства легитимации политических устремлений.

Многие политически активные группы местного населения всегда видели в русской культуре и в дальнейшем в политической практике Советского Союза достаточное обоснование для определения собственных подходов к модернизации своих территорий (в османское время и в эпоху англофранцузского мандатного управления), а после Второй мировой войны и национальных государств. «Мир социализма» предлагал этим государствам собственную версию модернизации. Географически он находился на Западе, виделся как принадлежащий к той цивилизации, в которую эти государства стремились вступить, но предлагал иные, более патриархальные, более приближенные к местным образцам стандарты жизненного поведения. Иными словами, этот мир был «не совсем Западом» и даже противостоял тому Западу, который в недавнем прошлом был угнетающей внешней силой. Более того, способы формирования политической элиты в СССР, который стал великой державой, были достаточным поводом для надежды на будущее у тех, кто в самих арабских странах использовал подобные же инструменты для своего выдвижения к вершине власти. Но и в Израиле аргументы, почерпнутые из сферы русской культуры, советской практики защиты национальной территории, путей становления групп политической элиты, становятся обоснованием идеи расширения сферы взаимодействия с современной Россией. И там же чеченский ирредентизм вполне естественно ассоциируется с палестинской *интифадой* и, как и в России, воспринимается в качестве угрозы существованию еврейского государства.

Но в равной мере и с идентичным основанием официальные круги многих арабских стран (и Саудовская Аравия, в частности, не может быть здесь исключением), на территории которых имеются значительные вкрапления инациональных, региональных и религиозных, включая и шиитские, меньшинств, могут видеть в нем достаточный повод для сближения с Россией. Наконец, как в Израиле, так и в арабских странах (речь не идет лишь о государственных образованиях зоны Персидского залива и Аравийского полуострова, но, в частности, и о Египте) наличие в России еврейской и мусульманских

национальных групп все еще оценивается, хотя и по разным причинам, как один из факторов сближения и развития сотрудничества.

Конечно же, стремление как России, так и государств арабского мира и Ближнего Востока к восстановлению отношений отталкивается, прежде всего, от внутренних или внутрирегиональных причин, для каждой из обеих сторон оно определяется собственным видением мира и происходящих в нем перемен. Иными словами, это стремление для каждой из сторон не идентично, хотя обе они чаще всего и оправдывают его с помощью апелляции к угрозе становления монополярного мира. В конечном итоге, для арабского мира (но также и Израиля) проблема восстановления широкомасштабных отношений с российской стороной приобретает ощутимо политические оттенки – Россия должна, в первую очередь, решать вопросы своего участия в ближневосточном мирном процессе, остальные же аспекты взаимоотношений становятся производными от этого вопроса. В свою очередь, Россия при всем значении ее международных обязательств, связанных с достижением мирного урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и, видимо, прежде всего, его израильско-палестинского аспекта, стремится к большему, выдвигая вперед свою заинтересованность в восстановлении существовавшего в прошлом широкого комплекса связей экономического, в том числе и военного, характера.

Апелляция к угрозе становления монополярного мира, казалось бы, является более естественной для тех стран арабского мира, которые в течение длительного времени выступали в качестве наиболее близких Советскому Союзу региональных партнеров. Быть может, в Сирии мысль об ущербности нынешних изменений в мире как следствия радикальной трансформации конца 80-х – начала 90-х годов бывшего СССР выражается наиболее метафорично. По словам нынешнего президента страны, «анализ итогов прошлых десятилетий показывает, что в развитии стран региона произошел значительный откат назад, сопровождавшийся появлением ... новых понятий и, прежде всего, «нового мирового порядка» и того, что некоторые называют «глобализацией»». Если, рассуждает далее Б. Асад, буквальное понимание термина «новый мировой порядок» предполагает «согласованное участие всех государств и, на этой основе, выбор отвечающего их всеобщим интересам, без каких-либо исключений, способа управления миром», то ситуация нынешнего дня, а также «то, что мы пережили в течение нескольких прошлых лет, показывает, что возник не «мировой порядок», а порядок, устанавливаемый одним или чрезвычайно малым числом государств». Далее, развивая свою мысль, он приходит к не оставляющему сомнений выводу: «Остальные же государства становятся пловцами в чужой для них системе. Кто-то из них с трудом удерживается на ее поверхности, постоянно демонстрируя добропорядочность, подчинение и дисциплину, но все время, остава-

ясь, тем не менее, виновным, от которого требуют покаяния в совершаемых грехах. Кто-то же едва ли не навсегда оказался на дне. Все, что соответствует ныне желаниям великой державы, оценивается как «демократия» и «справедливость», все, что отвечает ее интересам, рассматривается как «защита прав человека» и «общечеловеческой цивилизации»².

Тем не менее, идеи, сходные с теми, которые высказываются в Сирии, представляют собой реальность и для тех стран, которые традиционно не входили в число советских союзников на Арабском Востоке. Официальное саудовское издание может отчетливо заявлять, что исчезновение биполярной системы международных отношений «усиливает всегда существовавшую во внешней политике стран Европейского Сообщества тенденцию преимущественной поддержки Израиля в вопросах, связанных со справедливым решением палестинской проблемы». Это же обстоятельство, по мнению все того же издания, «создает условия для монополизации Соединенными Штатами поиска путей мирного решения палестино-израильского спора». И далее, как отмечает цитируемое издание, произраильский курс США вызывает «расхождения между точками зрения этой сегодняшней мировой державы и Саудовской Аравии, всегда поддерживавшей право палестинского народа на самоопределение и создание собственного государства на палестинской земле»³.

Не менее симптоматична и кувейтская постановка вопроса. В университетских кругах этой страны, вынужденной после ее освобождения пойти на более значительное расширение своих военнополитических контактов с США, господствует мысль о том, что «возникшая после распада СССР новая расстановка сил на международной арене предоставляет США и Западу в целом возможность навязать собственные интересы арабскому миру, восстановив, тем самым, время национального унижения арабской нации». По мнению одного из местных политологов, занимающегося вопросами эволюции арабского регионального сообщества, речь вновь идет о «двойном стандарте международного права», особенно «ярко проявляющемся в подходах к израильской оккупации арабских территорий и отрицании права палестинского народа на самоопределение»⁴.

Эпохе распада СССР предшествовал процесс начала существенной трансформации, казалось бы, устоявшейся к середине 80-х годов системы межарабских и ближневосточных международных отношений. Инерция этого процесса или, по крайней мере, сохранение в дальнейшем многих его принципиальных элементов совпали по времени с развитием нынешнего переходного периода в эволюции России. После долгого этапа изоляции Египет наряду со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива вновь начал играть роль одного из ведущих «центров силы» в арабском мире и на Ближнем Востоке. В свою очередь, эта роль последо-

вательно терялась радикальными режимами. Пример Ирака, значение которого в системе международных отношений на Ближнем Востоке стало подвергаться эрозии уже в эпоху войны с Ираном, – едва ли не наиболее существенное подтверждение эволюции в этом направлении, как, впрочем, и едва ли не полное вытеснение Ливии, Судана и Алжира с поля региональной политики.

Окончание гражданской войны в Ливане продемонстрировало тенденцию к становлению новой конфигурации как интересов тех или иных арабских государств, так и возможности становления новых, на этот раз не только «арабских», но и «ближневосточных», включая и Израиль, межгосударственных союзов и коалиций. Наконец, кризис, вызванный иракским вторжением в Кувейт и повлекший за собой движение геополитической тектоники в общерегиональном масштабе, лишь подтвердил действие этой тенденции. В свою очередь, окончание холодной войны, совпавшее по времени с кризисом вокруг Кувейта, выделило в арабском мире ту группу государств, которая заняла лидирующее положение в процессе движения к достижению мирного урегулирования с Израилем. Речь шла, разумеется, о Египте, странах зоны Персидского залива и Аравийского полуострова (в большей или меньшей степени), Тунисе и Марокко, к которым, в конечном итоге, оказались подключенными Иордания и Организация освобождения Палестины.

Начиналась принципиально новая эра в эволюции и арабского мира, и Ближнего Востока, важнейшим показателем которой становилась ликвидация «внешнего силового поля» – советско-американского соперничества, в течение длительного времени искажавшего истинную картину и региональных взаимоотношений, и контактов между регионом и двумя прежними полюсами мира. Эта эра ставила вопрос о нахождении странами, составляющими геополитическое пространство арабского сообщества и Ближнего Востока, ранее отбрасывавшихся ими основ легитимации собственного существования, построенной на доводах прошлой системы межгосударственных связей. Конфронтационность (применительно и к арабским странам, и к Израилю) более не могла оставаться инструментом поиска путей к взаимному и взаимовыгодному сосуществованию. Однако в равной мере эта же ситуация (обострявшаяся усилением процессов социальной мобильности) меняла подходы этих стран и к прежним союзникам, и к прежним противникам. Заинтересованность Израиля и «консервативных» государств-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в развитии контактов с Россией стала значительно более очевидной, но не менее очевидными стали сигналы Соединенным Штатам, посылавшиеся бывшими советскими партнерами, которые в прошлом далеко не всегда были удовлетворены своим прежним выбором стратегического союзника.

Сегодняшняя устремленность арабского мира и Израиля к контактам с Россией несет в себе (как и с российской стороны) ощутимый элемент кризиса и определяется процессом поиска ими собственного места в современном мире. Как и в российском случае, эта устремленность противоречива. По аналогии с Россией, она включает в себя созидание своего нового, в конечном итоге, демократического образа, построенного на иных базовых принципах жизнедеятельности и общества, и государства. Апелляции к прошлому, когда радикальные изменения в сфере международных отношений, наиболее отчетливо воплотившиеся в распадае СССР, еще не казались возможными, не более чем доказательство сложности адаптации как российской, так и арабской, и израильской сторон к подвергшейся трансформации системе международного политического действия, требующей в настоящее время от участвующих в ней государств поиска адекватных ее новому содержанию ролевых установок и подходов. Обе стороны (и это в целом естественно) продолжают обращаться к старым схемам, ориентирам и представлениям, создавая на их основе миф о «золотом веке», якобы существовавшем в период досоветской истории, или времени, начавшемся во второй половине 50-х годов, для арабского мира, а также российского периода сионизма и палестинской войны конца 40-х годов для Израиля.

III

Любая попытка ретроспективного анализа истории российско-ближневосточных отношений (включая и Северную Африку) предполагает выделение в ней, по крайней мере, двух этапов – досоветского и советского. Формальными причинами этого выделения выступают не только изменения, произошедшие в отечественной жизни после революции 1917 г., но также (что не менее существенно) коренные перемены в международно-правовом статусе тех территорий – арабских провинций Османской империи, на месте которых возникли современные арабские государственные образования, а также Израиль. Контакты Российской империи с этим регионом должны были учитывать распространение на него юрисдикции стамбульского правительства, хотя и во многом куцей, ограниченной действиями местных правителей, и усиливавшимся проникновением европейских держав. В свою очередь, Советская Россия, а в дальнейшем и СССР устанавливали отношения с этим регионом, отталкиваясь от переходной правовой ситуации стран, возникавших на развалинах Порты, а затем – с государствами, становившимися субъектами международных отношений.

Оба этих обстоятельства определяли сущностные различия и уровни связей в течение каждого из этих двух этапов. Российская империя имела к началу Первой мировой войны стабильную систему консульских представительств лишь в крупнейших городах азиатской

части арабского мира и в Египте. Несмотря на некоторые попытки продвинуться в иных направлениях (кувейтский эпизод начала XX в.), за пределами сферы российских интересов неизменно оставались Аравийский полуостров и Магриб. Советский Союз же последовательно расширял географию своего политического присутствия в арабском регионе вплоть до последних лет своего существования, когда были восстановлены или установлены дипломатические отношения с Израилем, Саудовской Аравией и всеми государствами зоны Персидского залива. В отличие от Российской империи СССР ставил перед собой значительно более широкий круг задач, расширив контакты с арабским миром в области экономики, военных отношений, научно-технического сотрудничества, культуры и образования, но при этом практически полностью лишившись их после июньской войны 1967 г. с Израилем.

Разумеется, некоторые направления советско-арабских связей были прямым продолжением связей, сформировавшихся еще в эпоху существования Российской империи – культура, образование, торговля. Однако они не только получали новые импульсы развития, но и не ограничивались, как это было раньше, в сфере культуры и образования, а во многом и торговли, взаимодействием лишь с представителями местных православных общин. В свою очередь, уже в 20-е годы любая сионистская деятельность (прежде всего, социалистически окрашенная) на территории Советской России и других советских республик, как, впрочем, и иные проявления самостоятельной еврейской политической инициативы (в частности, Бунд), подверглись жесткому и беспощадному выкорчевыванию. Если первоначально резкое осуждение Москвой «сионистского проекта» и не препятствовало поддержанию отношений с палестинскими (преимущественно еврейскими) коммунистами, то уже во второй половине 30-х годов *ишув* был окончательно квалифицирован как «реакционная» и «империалистическая» сила, против которой местной уже «арабизированной» коммунистической партии предлагалось вести столь же бескомпромиссную борьбу, что и против страны-мандатария. В дальнейшем же, после 1948 г., вызванный соображениями идейного характера советский курс на сотрудничество с Израилем оказался нестабильным (отношение советского руководства к еврейскому населению страны оказывалось для этого достаточным поводом) и недолгим (появление в арабском мире «прогрессивных», а затем и «социалистически ориентированных» режимов оценивалось Москвой как более перспективное направление своей региональной политики).

Вместе с тем даже в момент достижения советско-арабскими отношениями своего апогея, – в 60–70-е годы, они, как и ранее в случае с Израилем, не становились стабильной константой советского внешнеполитического курса. Политические соображения советской стороны становились основой ее подходов к развитию отношений с тем

или иным партнером в арабском мире, даже если этот партнер и стремился к сохранению и углублению связей с СССР. Достаточно сослаться на пример Ирака, выведенного во второй половине 70-х годов из числа стран «социалистической ориентации» в связи, в частности, с очередным этапом противостояния между правящей там ПАСВ и местными коммунистами. Итогом изменения советского курса стало значительное сокращение торгово-экономических связей и политических контактов между обеими странами, которые формально оставались связанными заключенным ими в 1972 г. договором о дружбе.

Тот круг арабских стран, с которыми СССР поддерживал отношения, ни коим образом не совпадал с кругом тех государств, которые могли бы стать его активными внешнеполитическими и внешнеэкономическими партнерами. Горизонтальный и вертикальный срезы советского регионального присутствия не только не имели тенденции к совпадению, но и не были в достаточной мере симметричны. Более того, круг советских партнеров не был постоянен. Напротив, он перманентно подвергался эрозии. При этом сама возможность включения или выхода из этого круга того или иного арабского государства зависела не столько от той роли, которую советская держава играла на мировой арене, сколько от неустойчивого состояния ситуации внутри арабских стран. Эта ситуация определялась соотношением существовавших там внутривнутриполитических сил, которые, приходя к руководству страной, обращались к одному из полюсов мировой политики того времени в интересах укрепления собственной власти и утверждения своей страны в качестве регионального «центра силы».

Взаимоотношения с СССР, выступавшим в качестве внешней опоры создания региональных «центров силы», могли бы быть, видимо, продемонстрированы на примере Сирии, вплоть до начала 90-х годов остававшейся наиболее близким ближневосточным партнером советской стороны. Здесь, в Сирии распад бывшей великой державы был квалифицирован как «землетрясение мирового масштаба»⁵. Но здесь же, в Сирии и после исчезновения прежнего союзника продолжали говорить, что «Сирия никогда и никому не будет лстить и никогда не пойдет на компромиссы, ... если речь будет идти об общенациональных арабских интересах». Ее лидеры и в новых условиях продолжали утверждать, что «национальная роль Сирии была, есть и остается незапятнанной, а эта незапятнанная роль ... составляет ныне сущность того, в чем сейчас нуждается арабская родина». При этом, оценивая время активного развития отношений с СССР, в сегоднешней Сирии, как и раньше, продолжают говорить о том, что «внешняя политика Сирии, стремившаяся к установлению и углублению связей с бывшими странами социалистического содружества, ... отталкивалась лишь от объективного совпадения подходов обеих

сторон к нашим справедливым национальным задачам, важнейшей из которых была и остается проблема Палестины»⁶.

В экономической сфере при всей значимости торгового оборота и объема экономического сотрудничества между СССР и некоторыми странами арабского мира (Египет, Сирия, Ирак, Алжир и бывшая НДРГ тому наилучшее подтверждение) советская сторона занимала, тем не менее, не первое место в их внешнеэкономических приоритетах. В определенной степени повторялась ситуация Российской империи и ее места в контексте внешнеторговых ориентаций арабских азиатских провинций Османской империи и Египта. В какой-то мере сохранялся и традиционно российский ассортимент советского экспорта в арабские страны, СССР крайне мало использовал пусть и ограниченные возможности своего дипломатического присутствия в зоне Персидского залива (Кувейт) для развития связей с нефтедобывающими государствами. Расширяя контакты на межгосударственном уровне и провозглашая курс на поддержку экономической самостоятельности стран региона, Советский Союз вновь воспроизводил курс Российской империи, не стремившейся к осуществлению прямых инвестиций в экономические структуры арабских стран. Уровень советско-арабских экономических связей в значительной мере определялся поставками в определенные страны региона оружия и военной техники.

Достаточно сослаться в этой связи только на несколько примеров, показывающих далекое от «благозвучности»⁷, пользуясь выражением отечественного исследователя, состояние экономических отношений между СССР и рядом стран региона времени второй половины 80-х – начала 90-х годов. Естественно, что в этой связи речь может идти только о тех государствах, которые в то время едва ли не однозначно квалифицировались как партнеры бывшей великой державы.

Во второй половине 80-х годов советский импорт из Сирии «в среднем составлял около 45% обусловленного по обязательствам»⁸. Стремление советской стороны компенсировать собственные потери за счет закупок товаров у частных предпринимателей и по более высоким, по сравнению с мировыми, ценам не привело к желаемым результатам. Советский импорт из Сирии, связанной с Россией и ныне действующим договором о дружбе и сотрудничестве, не мог быть подтянут «до согласованных величин в силу ограничений, наложенных сирийской стороной», стремившейся «зарабатывать валюту на капиталистическом рынке». Впрочем, по словам того же российского автора, потери Советского Союза в сфере финансово-кредитных и валютных контактов с Сирией не были явлением, возникшим лишь в конце 80-х – 90-х годах. Они становились реальностью уже в начале 70-х годов, составив основу нынешнего долга этой страны России.

К середине 70-х годов «доля социалистических стран во внешней торговле Алжира выросла до 6%, причем до 45% торговли с ними составлял товарооборот с СССР»⁹. Не приходится говорить, что это

был более чем скромный показатель. Тесные политические контакты с СССР почти не сопровождались укреплением советского экономического присутствия в этой стране. Напротив, в течение 70–80-х годов во внешней торговле Алжира неуклонно росла доля США, повысившаяся с начала 70-х гг. с 5% до 32%. При этом в конце 80-х годов в советском внешнеторговом обороте доля этой североафриканской страны не превышала 0,2–0,3%. Советский Союз никоим образом не воспользовался открывавшимися в 80-е годы новыми возможностями экономических связей с алжирскими партнерами, появлявшимися в результате внесения ими изменений в инвестиционное законодательство страны. Эти изменения создавали условия для образования смешанных предприятий с участием иностранного капитала. Речь шла о сохранении традиционной тенденции хозяйственных контактов, суть которой, по словам отечественной исследовательницы, состояла в поддержке амбициозных замыслов социалистически ориентированного руководства Алжира и создания на этой основе условий для принятия этой страной «советской модели индустриализации» с ее ярко выраженной гигантоманией.

Достаточно существенна и точка зрения отечественных ученых-сотрудников Института востоковедения РАН, связанная с общей проблематикой советско-арабских экономических связей. В подготовленной ими работе «Россия и арабские страны: проблемы и перспективы сотрудничества», выход которой в свет стал возможен благодаря поддержке парламентской группы Российской Федерации по взаимодействию с арабскими странами и миссии Лиги арабских государств в Москве, содержатся некоторые важные положения. Они заслуживают пристального внимания.

Среди этих положений вывод о том, что торгово-экономические связи между СССР и странами арабского мира (конечно, лишь некоторыми из их) складывались в пользу советской стороны. Это определялось тем, что советская сторона не только имела положительное сальдо в сфере связей с арабскими государствами, но и могла расходовать его на обеспечение собственных внутренних потребностей, прежде всего на закупку зерна и потребительских товаров на Западе. Такое состояние дел (а этот вопрос требует, тем не менее, дополнительной детализации) рассматривается авторами работы как «успех» советского сотрудничества с государствами арабского геополитического содружества¹⁰.

Однако в центре внимания отечественных исследователей остаются, тем не менее, и негативные стороны этого сотрудничества, когда «хозяйственные связи с арабскими странами базировались на отношениях исключительно с государственным сектором, возведении в основном “престижных” ... предприятий, обмене ... комплектного оборудования на сырье и продовольствие, ... поставках вооружений, подчинении экономических интересов идеологическим установкам».

Советская сторона, отмечалось ими, «словно не замечала появления в мировых экономических отношениях новых форм сотрудничества, продолжая использовать ... уже апробированные методы ведения торгово-хозяйственных связей». Социалистические лозунги руководства некоторых стран региона предопределяли концентрацию советских внешнеэкономических усилий лишь на этой группе государств: в 1991 г. 26% стоимости всего торгового оборота СССР с арабским миром приходилось на Сирию, 24 – на Ирак, 11% – на Ливию. При этом переход на позиции ориентации на социализм или отказ от нее оказывал непосредственное воздействие на уровень и масштабы торгово-экономических связей между соответствующей арабской страной и СССР. Наиболее показательным примером в этом отношении был, конечно, Египет: удельный вес этой страны в стоимости товарооборота советской державы достиг в 1965 г. 68%, когда там в период правления президента Насера осуществлялись радикальные социальные и хозяйственные преобразования. В 1980 г. с началом проведения политики открытых дверей, провозглашенной президентом Садатом, он снизился до 15%.

Вместе с тем было ли положительное сальдо в сфере отношений между СССР и арабскими странами «успехом» советской политики в регионе арабского мира? Авторы цитируемого исследования отмечают, в частности, что к концу 80-х годов торгово-экономические связи между СССР и его партнерами в арабском мире вступили в этап резкого спада, одной из причин которого был «отказ арабских стран вести несбалансированную торговлю и обменивать сырье на оборудование». Разумеется, предлагаемый ими список обстоятельств, вызывавших этот спад, был значительно шире, включая как факторы, связанные с внутрисоветской ситуацией («сокращение советских экспортных ресурсов»), так и факторы внешнего воздействия на отношения между обеими сторонами (например, «рост конкуренции на арабских рынках»). Но, так или иначе, из их слов вытекает, что Советский Союз, во-первых, более не рассматривался его арабскими партнерами в качестве той внешнеэкономической силы, которая способна содействовать их переходу на более высокую ступень хозяйственной эволюции. Во-вторых, логическое развитие их мысли предполагает, что возможность перехода на эту ступень требовала иной технологии, принципиально отличной от той, которую арабские страны могли получить от своего традиционного союзника. А это, в свою очередь, приводило к возникновению ситуации, принципиально подобной той, которая складывалась во взаимоотношениях между странами арабского мира, с одной стороны, и их бывшими метрополиями, с другой, в течение первых лет после обретения этими странами политической самостоятельности.

Парадоксальность экономического присутствия СССР в ряде стран арабского регионального сообщества заключалась в том, что

осуществлявшееся при советском научно-техническом содействии строительство промышленных предприятий, гидроэлектростанций, помощь в создании инфраструктуры и развитии сельскохозяйственного производства создавали предпосылки для экономического роста этих стран. Но содействие СССР, ограниченное технологическими возможностями страны и неповоротливостью ее внешнеэкономических ведомств, теряло свою эффективность по мере развития местной экономики. Потребности ее более глубокой трансформации начинали требовать обращения к иным источникам финансовой помощи и технологии.

Последовательный поворот к Западу и интенсификация экономического сотрудничества с ним были характерны не только для Египта, но и в той или иной степени для других арабских стран, обычно рассматриваемых в качестве основных советских региональных партнеров. Более того, уже в 80-е годы в арабских странах-партнерах Советского Союза этап создания экономической инфраструктуры был практически завершен, а в повестку дня второго этапа их экономического развития были поставлены задачи построения «верхних этажей» их хозяйственной системы. Итогом этой ситуации стало все более зримое появление на поле советско-арабского экономического сотрудничества хозяйственных субъектов из стран Запада, приступивших к реализации этих новых задач. Сотрудничество с СССР не только переставало быть приоритетом для его региональных союзников, оно, вместе с тем, стало временем подготовки почвы для его западных конкурентов, уже диктовавших всему миру стандарты «общества потребления» и хозяйственной либерализации, исходя из собственной монополии на новые технологии.

Нынешнее состояние российско-арабских экономических связей и, прежде всего, хозяйственные отношения между Россией и прежними советскими партнерами в арабском мире лишь продолжают тенденции советского времени. Если в 1996 г. сирийский импорт в Россию был равен 1 108,1 млн. долл., то в 1998 г. он снизился до 932,1 млн. В свою очередь, общая стоимость сирийского экспорта из России составила соответственно 1 388 и 1 135,4 млн. долл.¹¹ В равной мере это относится и к Египту, хотя уровень экономических контактов которого с современной Россией демонстрирует, казалось бы, иную, чем в сирийском случае, ситуацию. Если в 1994 г. египетский импорт в Россию составлял 273,9 млн. долл., то в 1996 г. он достиг 370,5 млн. долл. В свою очередь, стоимость экспорта Египта из России в те же годы не превышала соответственно 41,0 млн. и 37,7 млн. долл.¹² Не приходится говорить, что речь идет не более чем об очень скромных показателях.

Невозможность для советской стороны пойти на коренной пересмотр содержания тех хозяйственных отношений, которые складывались между ней и ее арабскими партнерами, когда в их основе лежали принципы, по суги дела, использования арабских стран в качестве

собственной сырьевой периферии, становилась главной причиной не просто свертывания, но порой и разрыва двусторонних контактов. В арабских странах начинали смотреть на СССР как на ту внешнюю силу, которая не желает (видимо, там не всегда, по крайней мере, на уровне общественного мнения, понимали, что она не может) переосмотра уже сложившихся связей в пользу менее развитой стороны. Реальные же действия СССР, направленные на строительство основополагающих элементов местной промышленности, мало что меняли в общем направлении интерпретации советской позиции. Поскольку эти предприятия, как и те сельскохозяйственные объекты, которые также возводились с советской помощью, должны были объективно содействовать переработке местного сырья в интересах интенсификации экспорта за рубеж, постольку они становились частью неокOLONиальной программы, но уже в советском исполнении. В свою очередь, Запад, как свидетельствовал опыт тех арабских стран, которые не были советскими региональными партнерами, прежде всего, государств Залива, не только мог, но и предоставлял им необходимую технологию современного типа, позволявшую этим государствам последовательно обеспечивать рост собственной экономики.

К концу 80-х годов в здании советско-арабских экономических связей стали ясно заметны глубокие трещины, хотя, быть может, первым политическим свидетельством их появления становился принятый еще в начале 70-х годов демарш А.Садата в отношении советских специалистов в Египте. В контексте этих связей все возрастающую роль начинали играть поставки оружия и военной техники, в счет оплаты которых в СССР поставлялась сельскохозяйственная продукция, нефть, предназначавшаяся для реэкспорта, товары легкой промышленности. Советская сторона, конечно же, нуждалась в этих товарах, но их, тем не менее, явно недоставало, чтобы не только погасить новые, но и сократить старые долговые обязательства арабских стран. В начале 90-х годов получатели советского оружия в арабском мире остро поставили вопрос (возникавший и раньше) о внесении серьезных корректив в ассортимент поставлявшегося вооружения. Широкие круги арабского общественного мнения считали, что советская военная техника, которой была оснащена и иракская армия, потерпела моральное поражение в ходе боевых действий по освобождению Кувейта.

IV

Сегодняшняя Россия унаследовала от СССР не только стагнирующее состояние хозяйственных связей с арабским миром. Развитие ситуации вокруг Кувейта в 1990–1991 гг. доказывало, что в лагере противников многонациональной коалиции и, следовательно, сторонников иракского президента оказались традиционные советские партнеры в арабском регионе. Ими были коммунистические и революцион-

онно-демократические партии и организации, ООП, Йемен, Ливия и Алжир. Становилось еще более очевидным, что советское присутствие в регионе было связано с наличием конфликтных ситуаций на региональном геополитическом пространстве. Роль, которую СССР уже с конца 50-х годов играл в ближневосточных и межарабских отношениях, во многом определялась вспышкой острых противоречий, возникших в процессе становления постколониальной региональной системы международных отношений. В свою очередь, эти противоречия, обращенные и на внутреннюю ситуацию в странах, становившихся советскими арабскими союзниками, усугублялись действиями различных групп контрэлиты, стремившихся выйти на авансцену местной политической жизни под националистическими или социалистическими лозунгами.

Быть может, наиболее ярким примером действий в этом направлении становилась новая практика коммунистических партий арабского мира эпохи перестройки и постсоветского развития. Возникая в 20-е годы как наиболее радикальные течения в рядах национально ориентированных движений, коммунисты арабских стран становились интернационалистами и борцами за пролетарский идеал (в советском понимании этих вопросов) только благодаря жесткому давлению со стороны их московских товарищей. Уже во время перестройки ослабление этого давления вновь вызывало к жизни в рядах этих партий (небольших, но привлекавших к себе наиболее перспективные умы национальной интеллигенции и становившихся в силу этого способными оказывать значительное интеллектуальное влияние на общественно-политическую жизнь своих стран) стремление вернуться к собственному националистическому прошлому. Арабские коммунисты вновь начинали говорить, используя, казалось бы, навсегда изжитую ими лексику времени становления собственных организаций и, более того, критикуя своего слабеющего союзника с помощью этой лексики. И, видимо, ее появление становилось одним из наиболее значимых показателей слабости советских позиций даже в среде тех, кто с формальной точки зрения всегда рассматривался в качестве силы, органически связанной с Москвой. В 1994 г. один из ведущих идеологов Ливанской компартии М.Дакруб писал: «“Старшие братья” требовали от нас, чтобы мы под лозунгами “интернационализма” действовали бы лишь в их интересах, хотя положение в арабском мире мы, конечно же, понимали лучше их. Но они навязывали нам уже готовые политические, теоретические и гносеологические положения и установки. Они требовали от нас, чтобы мы работали на основе того, что было заранее подготовлено ими, чтобы мы пропагандировали их абстрактные выводы, чтобы мы полностью подчинили себя их фабрике, работавшей на то, чтобы снабжать нас идеями, с помощью которых можно было бы оправдать их идейные и политические повороты – порой совершенно неожиданные, с помощью которых они всего лишь

оправдывали собственный политический курс, собственные идейные пристрастия и собственные интересы»¹³.

Речь, тем не менее, шла не только о возрождении старой лексики. На ее основе возникала и новая коммунистическая практика. Достаточно сослаться на Р. Сайда, едва ли не наиболее видного египетского марксиста, издавшего в 1991 г. свою новую работу «Марксизм будущего». Некоторые из ее выводов не просто любопытны, но и поучительны для оценки степени советского влияния на одну из важнейших для СССР на Арабском Востоке политических сил. Р. Сайд писал: «Советский социалистический образец в той специфической обстановке, которая существовала в Египте, вошел в сознание египтян через экономическую, политическую и военную помощь, ... призванную обеспечить всестороннее развитие их жизни. Он вошел в их сознание через Асуанскую плотину, металлургический комбинат в Хелуане, алюминиевый комбинат, создание тяжелой промышленности, вооружение армии». Однако эпоха перестройки стала временем крушения этого идеала. Более того, она лишь оттенила произошедшее раньше крушение собственно египетской «специфической обстановки» – той исторической вехи в развитии Египта, которая обычно связывается с именем Насера. И «абстрактный советский социалистический идеал», и основанные на нем «недолговечные» преобразования, осуществленные египетским лидером, не могут более рассматриваться в качестве действительных матриц национального развития. Египет нуждается в ином «макете» собственного будущего. Создать этот «макет» местные марксисты могут лишь на основе «борьбы за то, чтобы сблизиться с Египтом и египтянами ради усвоения ими подлинного идеала социализма». Такой идеал должен вытекать «из реалистического знания сущности Египта и истории его становления»¹⁴. Вопрос здесь, разумеется, не касается значения национальной специфики как исходного материала реализации той или иной политической задачи, – о чем, кстати, в СССР всегда говорили арабским коммунистам. Он, на самом деле, глубже и принципиальнее хотя бы потому, что цитируемые высказывания произносились в контексте жесткого дистанцирования от прежнего союзника и в то время, когда для этого возникли реальные возможности.

Конечно, очаги конфликтных ситуаций, как и поддержка определенных, на этот раз называвших себя «либеральными» или «демократическими» групп правящего класса или контрэлиты, были далеко не последним фактором, обеспечивавшим и американское влияние в регионе. Сохранявшаяся конфликтность, рассматривавшаяся в контексте блокового противостояния, поддерживала региональное присутствие сверхдержав. При этом логика противоборства между ними неизбежно толкала СССР к союзу с наиболее радикальными «левыми», а США – с арабскими «правыми» и Израилем, результатом которого становилась консервация и углубление региональной конфликт-

ности. Однако вопрос заключается не только и не столько в этом, хотя и принципиально важном обстоятельстве. Он должен касаться и того, что на сегодняшний день представляется главным – превращение нынешнего взаимоотношения России, арабского мира и Израиля в константу внешней политики всех этих сторон, вносящую свой вклад в становление действительно реалистической конфигурации системы международных отношений. Конфликтность, поставленная во главу угла этого взаимоотношения, внутренне слишком противоречива (примером тому может служить несовместимость арабского, с одной стороны, и израильского, с другой, понимания российской роли в деле ближневосточного урегулирования) и, конечно же, не может с достаточным на то основанием рассматриваться как база требуемого многостороннего взаимодействия.

Более того, современная Россия все еще остается политически неустойчивым продуктом распада СССР и, одновременно, хотя и устремленной в будущее геополитической величиной, но пока неопределенной ориентации. Государственное образование такого типа объективно мало притягательно для арабского геополитического сообщества и Ближнего Востока, если речь идет об ожиданиях, связанных с поиском потенциальных союзников или развитием взаимовыгодного хозяйственного сотрудничества. Но отсутствие (и справедливое) у России желания развивать сотрудничество с арабскими странами и Израилем на предлагаемых ими условиях безоговорочной поддержки той или иной стороны в решении ближневосточного конфликта существенно снижает ее заинтересованность в этом регионе. Предпринимаемые ею, по сути дела, слабые попытки поиска рынка сбыта вооружений в зоне Персидского залива или установления контактов в сфере «высоких технологий» с Израилем выглядят не более чем синдромом упущенных в советское время возможностей или жестом отчаяния в ситуации отсутствия поступления столь ожидавшихся западных инвестиций. Но вместе с тем любая попытка поставить под сомнение важность для России развития отношений с арабским миром и Ближним Востоком непродуктивна и неплототворна. Оправданием для несостыкованности между прокламируемым стремлением к сотрудничеству с ними и нынешней паузой неопределенности в контактах с этим регионом не могут служить ни внутренние проблемы российской стороны, ни изменение конфигурации российских границ. Вопрос состоит лишь в том, на каких основах эти отношения должны строиться и развиваться.

V

Акцент, ставящийся в России на идее «восстановления» отношений с государствами арабского мира и Ближнего Востока, не кажется предпосылкой для их действительно адекватного созидания в контексте новых условий мирового развития. Быть может, и более того, в сегодняшнем внутривосточном политическом контексте призыв к «вос-

становлению» отношений с этим регионом приобретает порой оттенок стремления не к созданию действительно многополярного мира, а старой, худшей формы блокового противостояния прошлого. Это тем более очевидно, что довольно часто именно так этот вопрос интерпретируется и в арабском мире, и в Израиле. Иными словами, «восстановление» может стать одним из инструментов, с помощью которого там были бы не только подорваны тенденции к демократизации (израильская демократия слишком мобилизационна и авторитарна для того, чтобы рассматриваться в качестве полноценного образца для подражания в масштабе всего региона), но и сохранены основы существования старых, а также (что не может быть исключено) возникновения новых межгосударственных и внутренних конфликтов. Речь может идти только о «становлении» действительно многосторонних и гибких форм российских отношений с представителями всего многообразного спектра государств, общественных сил, партий и движений, существующих в границах арабского регионального сообщества и Ближнего Востока. Созидание этих отношений предполагает формирование, прежде всего, новой парадигмы и российско-арабских, и российско-израильских связей. Это тем более необходимо, что их прежние базовые основы, возникавшие на том образе, который Россия/СССР предлагали миру – мессианское православие и интернациональный коммунизм, не стали достаточно прочными и долговременными.

Новая парадигма российско-арабских отношений должна, по-видимому, учитывать несколько моментов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме.

Это, во-первых, необходимость подхода к арабским государствам и Израилю как к полностью суверенным политическим образованиям, равноправным партнерам России, отношения с которыми не могут строиться на принципах создания сфер влияния в рамках геополитического пространства Ближнего Востока и Северной Африки. Иными словами, речь не может идти о выделении там стран, квалифицируемых в качестве очевидных союзников или, напротив, противников, или о попытках использования региональных противоречий ради укрепления «российского присутствия».

Второй момент предлагаемой постановки вопроса состоит в том, что устремленность России к развитию отношений с членами арабского регионального сообщества и Израилем не может рассматриваться ею в качестве альтернативы иным внешнеполитическим ориентациям самих этих стран и, в первую очередь, линии на сотрудничество между ними и Западом. Выдвижение сегодняшней Россией любых вариантов подобной альтернативы лишь в большей или меньшей степени воскресит в ней антизападнические настроения и, как их следствие, авторитарную или великодержавную тенденцию ее собственной эволюции на путях военной мощи и мировой экспансии, под какими бы идеологиче-

скими оболочками «цивилизационной специфики» или «евразийской самобытности» эта тенденция ни выступала.

Для страны, осязаемо ощущающей собственную второстепенность и униженность (действительную или воображаемую), действия в этом направлении, предполагающие отказ от реалистического решения внутренних проблем, конечно же, могут показаться соблазнительными. В этой стране уже прозвучали призывы к «славянскому братству» и антисемитские выпады, а происходящие на ее территории внутренние конфликты получили оттенок христианско-мусульманского противостояния. Но если эти действия будут приняты, то их следствием станет, в том числе, и дальнейшее углубление уже существующих линий регионального, национального и конфессионального разлома. Миру Ближнего Востока и арабского геополитического сообщества эти линии слишком хорошо известны.

В этой связи не менее важно и другое обстоятельство. На таком пути развития Россию ожидала бы бесконечная череда разочарований, обид и конфликтов в отношениях с арабскими странами и Израилем, которые никогда не исключали и не могут исключить Запад из числа своих внешнеполитических, экономических и военных партнеров, а в равной мере и партнеров в сфере культуры. При этом данная ситуация имеет отношение ко всем странам региона вне зависимости от того, как те или иные из них оценивают сегодня уровень своих связей с государствами «атлантической цивилизации», находятся ли они с ними в состоянии конфронтации и какие выдвигают аргументы для оправдания своей позиции. Решая задачи внутренней модернизации, заявляя о своем стремлении продвигаться в сторону демократизации и включения в процессы международного сотрудничества, страны этого региона проводят многовекторную внешнюю политику или стремятся к ее диверсификации. Впрочем, задачи, стоящие ныне перед ними, включая и Израиль, идентичны тем, которые решает Россия. Они-то, по сути дела, лежат в основе и ее стремления строить взвешенный, многоцелевой и разнонаправленный внешнеполитический курс. Иными словами, США и Европейское Сообщество – естественные и значительно более, чем Россия, укорененные в почву этого региона величины мировой политики. При этом расхождения между ними в подходах к его проблемам отнюдь не превращают их в стратегических противников с точки зрения их решения. Россия же в ее политике в арабском мире и на Ближнем Востоке будет и в будущем обречена на взаимодействие и координацию действий с Западом как едва ли не единственной предпосылки реализации собственных региональных начинаний.

Наконец, третий момент. Он заключается в том, что ближневосточное направление российской внешней политики предполагает поиск путей, которые могли бы содействовать установлению действительно прочных и реально отвечающих государственным интересам

страны связей с арабским геополитическим сообществом и Израилем, расположенными в регионе, играющем существенную роль в становлении новой системы международных отношений. Однако отношения с арабским миром смогут стать прочными и позитивными только в том случае, если Россия представит ему свой новый образ, далекий от прошлого православного и коммунистического мессианства. Он должен быть построен на тех основаниях ее культуры, которые действительно соответствуют признанным мировым сообществом стандартам демократии, прав человека, гражданского общества и содействующего его становлению государства. Неудача прошлых обоснований отечественной политики в арабском мире и на Ближнем Востоке была во многом связана с тем, что они недостаточно полно отражали сущность российской цивилизации, игнорировали или упрощенно интерпретировали многие черты ее культуры и истории.

Новое видение российской политики в арабском мире должно отталкиваться от признания принципиальной важности свободного и равноправного развития всех населяющих страну народов, этнических и конфессиональных групп. В этом контексте ислам, а не только православие, при сохранении светского характера государства должен быть признан в качестве одной из составляющих бытия России, одного из факторов сохранения ее самобытности, а также условия достижения внутривнутриполитической стабильности и целостности государства. Сохранение в российском общественном мнении предрассудков в отношении ислама и его приверженцев, позволяющих делать не только неверные, но и недостойные умозаключения, небезопасно для страны и способно отдалить ее от арабского геополитического сообщества, превращая в шаткие и неустойчивые любые попытки сближения между обеими сторонами. В свою очередь, внутривнутрироссийский антисемитизм отнюдь не будет способствовать углублению российско-израильских контактов.

Новая российская политика в арабском мире и на Ближнем Востоке должна опираться на идею возможности и действительной реализации самых разнообразных форм сотрудничества между представителями всех конфессиональных групп, населяющих как Россию, так и арабский мир и Ближний Восток – православных, католиков, протестантов, мусульман, иудаистов, которые цивилизационно ориентированы на регион, где возникли основы трех мировых религий. Эта идея в ее практическом воплощении может стать важным инструментом внешней политики России в этом регионе: успешное сотрудничество российских народов, впитывающее достижения национальных культур всего евразийского пространства, цивилизационно связанного с арабским миром и Ближним Востоком, неизмеримо увеличит там ее вес и авторитет. Опыт такого рода откроет возможности становления новой системы межконфессиональных, межнациональных и межгосударственных отношений как в масштабе арабского мира, так и ближ-

невосточного региона. Одновременно этот же опыт наполнит новым, далеким от технократических подходов содержанием весь многообразный спектр практической политики России в этой части мира, помогая ей решать и собственные (хотя и способные стать в этой связи, видимо, более сложными) внутренние проблемы безопасности, стабильности и модернизации.

¹ Здесь и далее текст этого документа цит. по: Дипломатический вестник. – М., 2000. – № 8. – С. 3–11.

² Калимат ас-сейид ар-раис Башшар аль-Асад фи аль-кымма аль-ислямийя ат-тасиа фи ад-Доха, аль-ахад 12 тишрин ас-сани 2000 (Выступление президента Башшара Асада на девятой встрече в верхах руководителей исламских государств в Дохе, воскресенье, 12 ноября 2000 г.). – Дамаск, [б./г.], с. 7–8.

³ Ламахат ан савабит ас-сияса ас-саудийя (Очерки о константах саудовской политики). – Эр-Рияд, 1995. – С. 100, 102.

⁴ Сайд М.С. Мустакбаль ан-низам аль-арабий баада узмат аль-Халидж (Будущее арабской региональной системы после кризиса в Заливе). – Эль-Кувейт, 1996. – С. 220.

⁵ Здесь и далее см.: Хитаб сиядат ар-раис Хафез аль-Асад фи Маджлис аш-шааб (Выступление его превосходительства президента Хафеза Асада в Народном совете). – Аль-Баас. Дамаск, 13.03.1992.

Речь идет о выступлении сирийского президента и генерального секретаря ПАСВ в парламенте САР по случаю его очередного переизбрания на пост главы государства.

⁶ Аль-Харака ат-тасхийийя аль-маджида фи азчикра аль-хамиса ва аль-ишрин (Двадцать пять лет славного исправительного движения). – Дамаск, 1995. – С. 371

⁷ Филоник А.О. Сирия // Россия и арабские страны: проблемы и перспективы сотрудничества. – М., 1994. – С. 57.

⁸ Здесь и далее см.: Там же, с. 53–55.

⁹ Здесь и далее см.: Соловьева З.А. Алжир // Россия и арабские страны: проблемы и перспективы сотрудничества, с. 103–106.

¹⁰ Здесь и далее см.: Общие проблемы российско-арабского экономического сотрудничества // Россия и арабские страны: проблемы и перспективы, с. 3–7.

¹¹ The Middle East and North Africa. – L., 2000. – С. 1050.

В то же время показатели сирийского импорта из США составляли в 1996 г. 4 373,9 млн., в 1997 г. – 2 926,7 млн. и в 1998 г. – 2 083,8 млн. долл. При всей тенденции к их снижению, определяемой, разумеется, не экономическими, а политическими обстоятельствами, они не сопоставимы с российскими. (Там же.).

¹² Там же, с. 453.

¹³ Дакруб М. Баада хаза аз-зильзаль! Амма ан ляна ан надрус марксийан вакиа муджтамаатина аль-арабийя, айуха ар-рифак? (После этого землетрясения! Не настало ли время, товарищи, действительно по-

марксистски изучать реальность наших арабских обществ?) // Ат-Тарик. – Бейрут, декабрь 1994. – № 6. – С. 67.

¹⁴ *Ас-Сайд Р.* Марксийят аль-мустакбаль (Марксизм будущего). – Каир, 1991. – С. 120–122.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ОБЩИНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В последнем десятилетии XX в. ближневосточное направление внешней политики России развивается с учетом новых реалий и тенденций в этом регионе. Возобновление дипломатических отношений между Россией и Израилем в 1991 г. сыграло ключевую роль в расширении двусторонних отношений во многих областях. Вместе с тем многочисленные негативные тенденции после распада СССР – как в России, так и в других бывших советских республиках, наряду с ослаблением паспортно-визовых требований (вступление в силу в 1993 г. федерального закона «О выезде и въезде в Российскую Федерацию»), способствовали росту еврейской иммиграции и появлению в Израиле многочисленной русскоязычной общины – нового феномена в развитии израильского общества¹. Массовая русскоязычная иммиграция 90-х годов оказала огромное воздействие на развитие израильского общества: значительные человеческие ресурсы изменили демографию страны, повлияли на развитие ее экономики; репатрианты стали неотъемлемой частью политической жизни, культуры страны и всего общества в целом, создав своеобразный «русскоязычный мир», изменивший облик израильского государства.

Развитие отношений между Израилем и Россией в 90-е годы* происходило в политическом, торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном направлениях. Визит в Москву в 1997 г. премьер-министра Израиля Б.Нетаньягу способствовал продолжению политического диалога и активизации межпарламентских связей в 1997–1998 гг., повлиявших на весь комплекс двусторонних связей. В 1997 г. Израиль посетил депутат Государственной Думы РФ П.Шелищ (фракция «Яблоко»), возглавлявший депутатскую группу по связям с кнессетом. Во время визита он встречался с председателем кнессета Даном Тихоном, членами парламентской фракции партии «Израэль ба-Алия» (ИБА)** и с депутатами от различных партий. Отмечая положительную динамику российско-

* В данной статье не затрагиваются проблемы политики России в урегулировании ближневосточного конфликта, так как эта тема требует отдельного исследования.

** Партия ИБА – основная партия русскоязычных иммигрантов, создана в 1996 г. под руководством Н.Щаранского.

израильских отношений в тот период, посол России в Израиле М.Богданов подчеркивал, что они «...строятся на взаимовыгодной равноправной основе, а их потенциал, в том числе с учетом уникальной русскоязычной общины в Израиле, позволяет рассчитывать на то, что масштабы и уровень сотрудничества будут и далее возрастать»². Следующим этапом в этом направлении стал первый официальный визит делегации Госдумы во главе с ее председателем Г.Селезневым в феврале 1998 г. В ходе визита наиболее важными были встречи с премьер-министром Израиля Б.Нетаньягу и министром промышленности и торговли Н.Щаранским, на которых обсуждались проблемы двусторонних отношений: события, связанные с иракским кризисом; проблема возможной утечки российской ракетной технологии в Иран; проблема противодействия мусульманскому экстремизму, а также перспективы развития российско-израильского сотрудничества³. В ходе визита состоялась также встреча с членами Ассоциации дружбы парламентариев Израиля и России, возглавлявшейся депутатом кнессета Ю.Штерном. По итогам визита председатель Госдумы Г.Селезнев в интервью газете «Вести» (22.02.1998) подчеркнул: «...За последние годы наши связи окончательно нормализовались, им придан устойчивый характер. Между Россией и Израилем подписаны крупные межправительственные соглашения, в том числе о торгово-экономическом, научно-техническом сотрудничестве, о сотрудничестве в области агропромышленного комплекса, в области здравоохранения и медицинской науки, культуры и образования, туризма, почтовой и электронной связи». Далее он особо отметил: «...Важно сохранить за русскоязычной общиной в Израиле ее мощный потенциал как связующего звена между нашими народами».

Русскоязычная община в Израиле наиболее эффективно интегрируется в политическую систему Израиля. Благодаря своей численности, последняя волна репатриантов из стран СНГ способствовала росту электората более, чем на 15%, попадая тем самым в поле зрения различных политических партий. По мнению израильских и западных специалистов, результаты выборов в Израиле, начиная с 1992 г., во многом зависят от позиции русскоязычных избирателей⁴. В выборах в кнессет в мае 1999 г. участвовали четыре партии иммигрантов из бывшего СССР: ИБА под руководством Н.Щаранского, «Наш дом – Израиль» (НДИ); партия бухарских евреев «Лев» («Сердце») и партия бывших активистов ИБА «Тиква» («Надежда»). ИБА провела шесть депутатов (в предыдущем кнессете – семь), НДИ – четыре, две остальные партии не преодолели электоральный барьер⁵. Победе премьер-министра Э.Барака помогли во многом 54,5% голосов русскоязычного электората, его соперник Б.Нетаньягу соответственно получил – 45,5%⁶.

После выборов 1999 г. в результате внутрипартийных разногласий от парламентской фракции ИБА откололась группа во главе с Р.Бронфманом и появилась новая «русская» партия – Демократический выбор (ДВ). На досрочных выборах главы Государства Израиль в

феврале 2001 г. в условиях усиления правых сил в израильском обществе активность русскоязычных избирателей была наиболее заметна – 70% из них приняли участие в голосовании, что на 10% превышало общеизраильский показатель⁷. Многие русскоязычные иммигранты, имея правую ориентацию и отвергая политику уступок Э.Барака в вопросах ближневосточного урегулирования, поддержали лидера блока Ликуд А.Шарона и его стратегический лозунг: «Никаких новых уступок палестинцам». По результатам опросов (начало 2000 г.) репатрианты из СССР/СНГ занимают правые позиции в вопросах ближневосточного урегулирования: 79% опрошенных иммигрантов заявили, что «не готовы пойти на компромисс в вопросе о будущем статусе Иерусалима, и 65% – не верят в мирные намерения Я.Арафата»⁸.

В конце 90-х годов израильско-российские отношения затруднялись рядом проблем, связанных с процессом ближневосточного урегулирования, с претензиями Израиля к России в связи с иранскими программами в области ядерной энергетики и ракетной технологии, а также с антисемитскими заявлениями ряда российских политиков и выступлениями в печати. В ходе рабочего визита министра иностранных дел А.Шарона в Москву в январе 1999 г. израильская сторона выражала озабоченность по поводу этих проблем. Характерно, что на встрече А.Шарона в Москве с руководителями Российского еврейского конгресса (РЕК), лидерами еврейской общины, с израильскими представителями, занимающимися вопросами иммиграции и еврейского образования, он заверил российское еврейство в принятии всех необходимых мер для увеличения масштабов иммиграции из России и других стран СНГ, рассматривая эту проблему как первоочередную национальную задачу⁹.

Несмотря на трудный и тернистый путь поиска подходов и совместных решений по ряду международных проблем, позиция России по отношению к Израилю, как ее сформулировал посол России в Израиле М.Богданов, заключается в том, что «... в нынешнем направлении российской дипломатии – Израиль не менее важен в решении глобальных проблем района, чем арабские страны»¹⁰. Исходя из этой концепции, Россия стремится к расширению взаимовыгодных торгово-экономических и научно-технических контактов.

Торгово-экономические отношения между Россией и Израилем, несмотря на трудности, спады и подъемы, в целом имеют поступательное движение¹¹. По данным Министерства промышленности и торговли Израиля, в 1996 г. экспорт Израиля в страны Восточной Европы составлял 774 млн. долл., треть из них приходилась на торговлю с Россией, а в первой половине 1997 г. экспорт в Россию вырос на 12% и составил 411 млн. долл.¹² Для придания нового импульса развитию и совершенствованию взаимовыгодных связей с предприятиями, фирмами и организациями предпринимателей стран СНГ в марте 1997 г. было подписано соглашение между Ассоциацией новых предпринимателей Израиля (позднее она стала называться Ассоциация предприни-

мателей Израиля – АПИ) во главе с депутатом кнессета Ю.Штерном, и Ассоциацией финансово-промышленных групп России. Председатель правления АПИ подчеркивал, что главная цель сотрудничества – способствовать развитию прямых контактов между российскими и израильскими предприятиями, предпринимателями и их объединениями. Под этим подразумевается обмен информацией для коммерческой деятельности; обмен опытом при помощи организации семинаров, выставок, встреч бизнесменов; содействие поиску партнеров для участия в промышленных и коммерческих проектах; оказание маркетинговых и других услуг¹³. Дальнейшее конкретное развитие этой тенденции продолжилась в ноябре 1997 г. деятельность совместной российско-израильской экономической комиссии под руководством министра промышленности и торговли Н.Щаранского и министра науки России В.Фортунатова. Комиссия проработала ряд совместных проектов в следующих областях: торговля, инвестиции, сельское хозяйство, здравоохранение, средства коммуникации, инфраструктура и транспорт.

Обеспокоенность израильской стороны вызвал определенный спад объема российско-израильской торговли в конце 1997 г., связанный с проникновением на российские рынки крупных американских и европейских фирм. Постепенно наблюдается изменение в характере израильского экспорта: если раньше Израиль экспортировал в основном продукты питания, то в последнее время делается упор на экспорт современных технологий. Заинтересованность России в израильских технологиях была продемонстрирована в декабре 1997 г. во время подписания контракта по поставкам в Россию израильских технологий по переработке молочных продуктов. Участники встречи высказали обоюдное стремление к расширению сотрудничества в таких областях, как сельское хозяйство, промышленные технологии, современные упаковки и пищевая промышленность. Среди наиболее значимых российских партнеров можно выделить ведущие израильские фирмы-производители продуктов питания – «Элит», «Осем», «Таам исраэл», а также фирму «Блю стар», завершившую проект по созданию сборных зернохранилищ, в подмосковных агрокомплексах уже используются израильские технологии и оборудование фирмы «Нетафим». Заключены контракты и разрабатываются проекты на приобретение созданных петербургскими учеными технологий для переработки сырья, добываемого в районе Мертвого моря; в Израиле осуществляется строительство по российским технологиям магниевого завода с помощью предприятия «Саян строй»; в России активно действуют телекоммуникационные израильские фирмы «Тадиран тишкорет», «Безек», а также фирма «Эльбит» крупнейший производитель медицинского оборудования¹⁴. В настоящее время более трети общего количества сделок с российскими фирмами заключают предприниматели из числа новых репатриантов, лоббируя хозяйственное сближение Израиля с Россией¹⁵.

Научно-техническое сотрудничество между двумя странами неразрывно связано с русскоязычными иммигрантами, благодаря которым Израиль в конце XX в. становится одним из центров современных наукоемких отраслей. Высокий образовательный уровень русскоязычной иммиграции, ее культурный и интеллектуальный потенциал определили ее занятость в самых передовых и перспективных отраслях – в индустрии высоких технологий, в наукоемких производствах, научно-исследовательских комплексах, в области прикладных технологий, в современных финансовых структурах, в оборонной промышленности, торговле, международном бизнесе. Русскоязычные специалисты принимают участие в разработке большинства передовых технических проектов, среди которых новая технология получения электроэнергии в пустыне Негев, внедрение метода ранней диагностики рака, работа над эффективной программой ликвидации электронных вирусов и многие другие. В результате в 90-х годах специалисты-иммигранты из стран СНГ дали мощный импульс для развития наукоемких отраслей и высоких технологий. По данным ежегодного отчета Ассоциации израильских промышленников, в настоящее время в сфере электроники занято не менее 5 тыс. специалистов-репатриантов. Реализация программы космических исследований и запуск в 1998 г. израильского спутника во многом стали возможными благодаря ученым-репатриантам из Техниона¹⁶.

Примеры российско-израильских научно-технических связей – соглашение 1997 г., в соответствии с которым российские истребители и пассажирские самолеты «Илюшин» модернизируются на израильских авиапредприятиях; авиастроительное предприятие КБ им.Яковлева и израильский концерн «ИАИ» осуществляют подготовку к совместному производству и продаже на мировых рынках самолета для бизнесменов ЯК-48; российско-израильский консорциум, образованный компаниями «Камов» и «Израэль эйркрафт индустриз», предложил Турции организовать совместное производство всепогодного ударно-разведывательного вертолета серии Ка-50-2¹⁷.

Несмотря на позитивные моменты в развитии российско-израильских экономических и научно-технических связей, на пути их реализации постоянно возникают трудности, тормозящие этот процесс, в том числе финансовые трудности, бюрократические препоны, законодательная недоработка отдельных проблем и др. Еще в 1997 г., анализируя состояние российско-израильских экономических связей, депутат кнессета Ю.Штерн высказывался за создание механизма поддержки крупномасштабного сотрудничества, который должен включать координационный центр по СНГ при премьер-министре, предусматривать выделение значительных сумм для страхования и кредитования торговых операций, обеспечивать создание совместных фондов поддержки научно-технического и экономического процессов, продвигать комплекс мер по развитию туристического и культурного обмена¹⁸. В марте 1999 г. на правительственной совещании по вопросам состояния российско-

израильских взаимоотношений с участием главы правительства Б.Нетаньягу и основных министров министр промышленности и торговли Н.Щаранский подчеркнул важность предоставления правительственных гарантий под наиболее перспективные коммерческие проекты, осуществляемые в России с участием израильских компаний, а также необходимость постепенной реструктуризации израильского экспорта в Россию, т.е. замену мелких товарных поставок на взаимное сотрудничество в сфере высоких технологий и наукоемких производств¹⁹.

Среди последних совместных российско-израильских инициатив: налаживание прямых связей ряда строительных компаний Израиля, установление прямых контактов с российскими предприятиями; установление прямых контактов двух крупных российских городов – Новороссийска и Волгограда с муниципалитетом Ашдода, где создано бюро по торговым связям с Россией – пока единственная подобная внешнеэкономическая структура в стране²⁰. Представители крупного российского бизнеса – концерна ИТЕРа (М.Френкель) и инвестиционно-банковской группы НИКойл (А.Кондратьев) посетили Израиль в апреле прошлого года с целью выяснения перспектив разработки совместных проектов, так как, по мнению представителя НИКойла, «...страна, в которой значительную часть населения составляют выходцы из России и других стран СНГ, безусловно, представляет интерес для НИКойла»²¹. За взаимовыгодное расширение сотрудничества выступает президент Федерации еврейских общин СНГ, председатель Торгово-промышленной палаты Израиль-Россия крупный израильский бизнесмен Лев Леваев, который считает, что у России и Израиля есть все шансы увеличить объемы двусторонней торговли в несколько раз. В ближайшие два-три года должно произойти резкое увеличение объема торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. По мнению Л.Леваева, наиболее перспективные проекты – добыча и обработка якутских алмазов; сотрудничество в таких областях, как нефтедобыча, строительство, производство пищевых продуктов и, в первую очередь, налаживание связей в области высоких технологий и телекоммуникаций²². Для расширения российско-израильских торгово-экономических отношений необходимы совместные усилия обеих сторон для преодоления объективных и субъективных трудностей, для максимально полного использования потенциала бизнесменов и специалистов из русскоязычной общины, их знаний, опыта, наработанных связей.

Наряду с торгово-экономическим направлением российско-израильского сотрудничества следует остановиться на развитии научных контактов, а также на ряде совместных проектов в области образования, туризма, культуры и т.д. Для иммиграции последней волны характерен, как отмечалось, высокий образовательный уровень, что определяет занятость ее представителей в наиболее перспективных отраслях. Высокий образовательный уровень русскоязычной иммиграции 90-х годов позволил ей занять одно из ведущих мест в научно-техническом

развитии страны. Среди русскоязычных репатриантов 40,5% имеют общий стаж обучения 13 и более лет, у израильтян этот показатель значительно ниже – 24,2%. Если среди иммигрантов 60% имеют высшее образование, то у израильтян эта категория составляет 28%²³.

С 1989 по 1998 г. в Израиль иммигрировало более 13 тыс. ученых²⁴. Среди этой профессиональной группы можно выделить специалистов в области физики, вычислительной математики, программирования (52%); специалистов в области биологии и биотехнологии (27%); химиков (12%); гуманитариев (9%)²⁵. Примером российско-израильского сотрудничества в области фундаментальных исследований может служить созданный в г. Реховоте Центр исследований по теоретической физике, в коллективе которого работают сотрудники Института им. Вейцмана и Института теоретической физики им. Л.Д.Ландау РАН²⁶.

В апреле 1994 г. правительства России и Израиля подписали соглашение, в рамках которого образована российско-израильская смешанная комиссия по научно-техническому сотрудничеству. На первом заседании 30 ноября 1994 г. в качестве приоритетных областей, представляющих взаимный интерес, были определены информационные технологии, средства телекоммуникаций и интегральных систем связи, техника и технологии микро- и субмикрорелектроники, современные методы биотехнологии, новые материалы, прогрессивные технологии в медицине и здравоохранении, создание новых лекарственных препаратов путем химического и биологического синтеза; разработка и использование аэрокосмических систем гражданского применения; экология и охрана окружающей среды²⁷.

Определенный интерес для развития наукоемких отраслей в России мог бы иметь израильский опыт так называемых технологических теплиц, где специалистам-иммигрантам предоставляется возможность разрабатывать свои проекты и оригинальные идеи, которые затем при определенной поддержке применяют в местных технологических и коммерческих условиях. Авторы проектов параллельно овладевают управленческими навыками, необходимыми для интеграции в рыночную экономику.

В конце 90-х годов наметились взаимовыгодные направления сотрудничества в области образования. В ноябре 1998 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между израильским Открытым университетом, московским Открытым педагогическим университетом и Институтом информационных технологий ЮНЕСКО в России. Этот проект был направлен на решение следующих задач: методического обеспечения, использования информационных технологий, подготовку преподавателей для этого способа обучения, разработку правовых, психологических и иных аспектов данного метода обучения²⁸.

В марте 1999 г. в Еврейском университете в Иерусалиме открылся Центр по академическим и образовательным связям со странами СНГ и Балтии и почти одновременно состоялась презентация аналогичного

центра в Москве. В результате российско-израильских контактов и встреч ученых был заключен договор о сотрудничестве между МГУ, РГГУ с российской стороны и Еврейским университетом с израильской. Инициаторами этого договора были новые репатрианты²⁹.

Русскоязычная община вносит большой вклад в развитие двусторонних контактов в сфере туризма, культуры, средств массовой информации и др. Рабочий визит вице-преьера и министра туризма М.Кацава (ныне президент Израиля) в апреле 1998 г. в Россию был приурочен к открытию израильского павильона на Пятой международной выставке «Путешествия и туризм-МИТТ-98» с участием 60 туристических компаний Израиля, направивших в Москву около 200 своих представителей³⁰. Новые репатрианты неразрывно связаны с помощью русскоязычных средств массовой информации со страной исхода: 63% из них, по меньшей мере, час в день смотрят ОРТ, 46% – РТР и другие каналы. Наряду с русскоязычным радиовещанием среди репатриантов популярны многочисленные периодические издания на русском языке. В рамках культурологического проекта Министерства абсорбции «Взаимодействие культуры» предполагается издание многоотомной литературной двуязычной серии (на русском и иврите), своего рода антропологии русскоязычных писателей-репатриантов разных лет. Среди гуманитарных проектов по связям с диаспорой создается фонд «Наследие российского еврейства», один из инициаторов которого – депутат кнессета от партии ИБА М.Солодкина, активно выступающая за сохранение памятников еврейской культуры на территории СНГ.

Важно подчеркнуть, что для России необходима сбалансированная ближневосточная политика, в рамках которой полезно всесторонне развивать российско-израильские отношения во всех областях, максимально используя потенциал русскоязычной общины, представители которой имеют многочисленные связи с Россией и другими странами СНГ, знают местные условия и знакомы с реалиями нашей жизни, обладают российской ментальностью и владеют языком. Активное взаимодействие с русскоязычной общиной на всех уровнях позволит расширить горизонты и вывести взаимное сотрудничество между Россией и Израилем на качественно новый уровень.

¹ Подробнее см.: Миграционные процессы и их влияние на израильское общество: Сб. ст. – М., 2000; *Масюкова И.* Русскоязычные иммигранты в Израиле: проблемы адаптации // Ближний Восток и современность. Вып. 8. – М., 1999. – С. 125–139.

² *Контонер Д.* О себе, о стране и о мире. – Вести-2, 22.05.1997.

³ Вести. 23.02.98.

⁴ Подробнее см.: *Reieh B., Dropkin N., Wurmser B.M.* Soviet Jewish Immigration and the 1992 Israeli Knesset Elections. – Middle East Journal (MIJ), vol. 47, № 3, Summer, 1993, с. 464–472; *Bick, Etta.* Sectarian Party Politics in Israel: The Case of Yisrael Ba'Aliya, the Russian Immigrant Party. – Israel at the

Polls, 1996. L., 1998, с. 121–145; *Peretz D., Doron G.* Sectarian Politics and the Peace Process: the 1999 Israel Elections. – Middle East Journal, vol. 54, № 2, Spring, 2000, с. 261–273.

⁵ *Вершинин С., Шуваев В.* Израиль после выборов. – Международная жизнь. – 1999. – № 9. – С. 62–63.

⁶ *Contreras G., Hirsh M.* Baraks Biggaest Battle // The International Newsmagazine, 31.05.1999, с. 33.

⁷ *Подражанский С.* Репатрианты предпочли Шарона // Вести. 08.02.2001.

⁸ *Хотинский Б.* Судьбу поселений решат «русские»? // Вести. 08.05.2000.

⁹ Вести. 19.01.1999.

¹⁰ *Богданов Ю.М.*: Правда находится где-то посредине (интервью) // Вести. 18.05.2000.

¹¹ Подробнее см.: *Федорченко А.* Российско-израильские экономические связи: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 2. – С. 62–69.

¹² Business/Service. 18.12.1997.

¹³ Business/Service. 06.03.1997.

¹⁴ *Федорченко А.* Российско-израильские экономические связи, с. 63.

¹⁵ Там же, с. 69.

¹⁶ Подробнее см.: *Масюкова И.* Израиль на рубеже веков: роль иммигрантов из стран СНГ в развитии научно-технического потенциала // Ближний Восток и современность. Вып. 9. – М., 2000. – С. 133–142.

¹⁷ Вести. 07.03.2000.

¹⁸ Там же, 20.11.1997.

¹⁹ *Конторер Д.* Правительство ищет возможности стимуляции израильско-российского экономического сотрудничества // Вести. 09.03.1999.

²⁰ *Котлярский М.* Российские гиганты большого бизнеса посматривают на землю обетованную // Казначей (Израиль). 06.04.2000.

²¹ Новости недели (Израиль). 01.02.2001.

²² Immigrant Absorption: Situation, Challenges and Absorption. Ministry of Immigrant Absorption. – Israel, 1996, April. – С. 9.

²³ Immigrant Absorption. 1998. The State of Israel. Ministry of Immigrant Absorption. – Israel, 1999, June. – С. 18.

²⁴ См.: *Масюкова И.* Русскоязычные иммигранты в Израиле: проблемы адаптации, с. 125–139.

²⁵ *Симановский С.И.* Научный потенциал Израиля // Вестник Российской Академии наук. – 1995. – Том 65. – № 11. – С. 1034.

²⁶ Там же.

²⁷ *Поляк В.* Совместный проект Израиля и России // Вести. 24.11.1998.

²⁸ Вести. 04.03.1999.

²⁹ Вести. 02.04.1998.

³⁰ Вести. 02.03.1998.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: РОССИЯ – СТРАНЫ ССАГПЗ*

Синтез процессов внутри ССАГПЗ как блокового альянса на субрегиональном (зона Персидского залива), региональном (Западная Азия) и глобальном уровнях позволяет выйти на следующую периодизацию при исследовании содержания и динамики отношений «аравийской шестерки» с Москвой.

Первый этап (1970–1985), когда акцент был сделан на укрепление советско-кувейтских связей и закамуфлированное давление на другие нефтяные монархии; второй этап (1985–1990) в целом укладывается в рамки «перестройки», приведшей к демонтажу идеологических и конфронтационных элементов в двусторонних отношениях; третий этап (1990 г. – по настоящее время) характеризуется усилиями по налаживанию практического взаимодействия в различных сферах. При этом следует иметь в виду, что если первые два этапа развивались в рамках биполярной системы международных координат, то третий пришелся на затухание российского полюса, что внесло принципиально новое качество в отношения. При сохранении общей составляющей первый этап было бы методологически оправдано разложить на два временных отрезка, имеющих свою специфику: 1) 1970–1980 гг., когда советский фактор рассматривался нефтяными монархиями Залива в качестве откровенно враждебного; 2) 1980–1985 гг., когда в условиях ирако-иранской войны правящие элиты стали осознавать возможность конструктивного вовлечения Москвы в субрегиональные дела.

В Советском Союзе существовал в целом реалистический подход к геополитической значимости района Персидского залива и собственным возможностям внедрения в этот субрегион. В расчетах значительное место отводилось пространственно-территориальному принципу в связи с его географической близостью к границам СССР. Однако в условиях бурного развития новых транспортно-коммуникационных средств и военных технологий, особенно в области ракетостроения

* В Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) входят Королевство Саудовская Аравия (КСА), Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Султанат Оман, Государство Катар, Государство Бахрейн.

картографическое измерение международно-политических реалий в значительной мере обесценилось в последующие десятилетия.

Тем не менее стратегический интерес к Персидскому заливу, в том числе для Москвы, определяется его ключевой ролью в общемировом топливно-энергетическом балансе, поскольку здесь залегают 64,9% подтвержденных запасов нефти и около 30% природного газа¹. Причем в связи с выходом Ирака из сферы западного влияния после прихода к власти баасистов, а затем его ухода в 90-х годах с нефтяного рынка вследствие международного эмбарго, с одной стороны, и утверждением хомейнистского режима в Иране, а также его экономической несостоятельностью модернизировать нефтедобывающую промышленность – с другой, именно страны «аравийской шестерки» и прежде всего Саудовская Аравия закрепились на ведущих позициях экспортеров углеводородного сырья (государства ССАГПЗ обладают 43,9% подтвержденных мировых запасов нефти)².

В период «холодной войны» в Москве ясно отдавали себе отчет в том, что потеряв Ирак, а затем и Иран, Вашингтон и его партнеры по Атлантическому альянсу пойдут на любые конфронтационные меры, чтобы воспрепятствовать советскому проникновению в страны ССАГПЗ. Затруднительность внедрения СССР в этот субрегион была сопряжена также с сознательным дистанцированием правителей этих стран от советского полюса по идеологическим соображениям, поскольку не без оснований опасались, что сближение с СССР спровоцирует антирежимные процессы с трудно прогнозируемыми последствиями.

Антисоветский авангард на протяжении всего этого этапа был представлен саудовским королевством. Идеологизированный подход сторон, одна из которых придерживалась коммунистических воззрений, а другая – ортодоксального ислама, превращал их в идейно-политических противников, препятствуя поискам общих знаменателей. Предпринятые Москвой инициативные шаги для налаживания прямых связей с обретшими независимость Бахрейном, Катаром и ОАЭ имели положительный резонанс, но не были реализованы правительствами этих стран из-за опасений репрессий со стороны Вашингтона и Эр-Рияда.

На таком фоне выделялись своим конструктивизмом российско-кувейтские отношения, поскольку в них присутствовал осязаемый встречный интерес. Взаимопонимание с Москвой Кувейту было необходимо, чтобы обезопасить себя со стороны Ирака, рассматривавшего эмират в качестве «искусственного» государственного образования, нейтрализовать левые настроения среди политизированного палестинского населения, нашедшего прибежище в Кувейте, ослабить иранский прессинг. В таком контексте установленные еще в 1969 г. дипломатические отношения были дополнены многоплановым партнерством, в том числе в военно-технической сфере.

На рубеже 80-х годов региональная ситуация стала принимать новую конфигурацию, внося коррективы, в том числе, в общий геопо-

литический расклад. На уровне субрегиона важнейшими событиями стали падение шахского режима в Иране, утверждение хомейнистского режима с его экспансионистской исламистской составляющей и выход Тегерана из состава Организации Центрального Договора (СЕНТО), разворачивание ирако-иранской войны, поражение антирежимного движения в Дофаре. На региональном ярусе – ввод советских войск в Афганистан и прекращение состояния военной конфронтации между Египтом и Израилем.

Происшедшее смещение «несущих конструкций» в азиатской части мира способствовало росту напряжения по двухполюсной оси. Вашингтон стал оказывать дополнительный прессинг, в частности на «аравийскую шестерку», чтобы запугать монархов «коммунистической экспансией» и возможностью выхода СССР в Персидский залив. Давление внешнего яруса имело определенный эффект, но не такой, на который рассчитывали американские стратеги. В шкале ценностей «шестерки» в тот период повысилась значимость СССР для сдерживания экспансионистских амбиций Багдада и Тегерана, оказания поддержки ослабленному кэмп-дэвидскими соглашениями арабскому обществу в сохранявшейся конфронтации с Израилем, содействия в обеспечении безопасности и свободы навигации в Персидском заливе.

О наличии широкого поля для диалога по проблемам поддержания мира и безопасности в зоне Персидского залива свидетельствовала выдвинутая Москвой 10 декабря 1980 г. комплексная инициатива из пяти пунктов, предусматривавшая конкретные меры для обеспечения безопасности субрегиона Персидского залива. Можно отчасти согласиться с теми, кто считал данные предложения нереалистичскими. Американский политолог Стефан Пейдж вообще объясняет их появление «провалом» политики Москвы в этом районе. Именно в таком ключе эта инициатива была воспринята в Эр-Рияде и Маскате³. Однако американские стратеги и их союзники в субрегионе вряд ли могли недооценить достаточно мощный политический заряд этой инициативы, вектор которой совпадал с коренными национально-государственными интересами и устремлениями проживающих здесь народов.

Нарастание понимания важности использования стабилизирующих возможностей СССР в условиях интенсифицировавшихся военных действий между Ираком и Ираном с постоянными угрозами в адрес стран «аравийской шестерки» на фоне демонстрации Москвой мирных намерений привело к углублению взаимопонимания с Кувейтом, который стал настойчиво лоббировать среди партнеров по ССАГПЗ идею налаживания связей с СССР. На таком фоне активизировались негласные контакты с Саудовской Аравией. Формировалась политическая база для последующего выхода на межгосударственные отношения.

Второй этап (1985–1990) знаменовал дипломатический прорыв СССР в зону Персидского залива. Он практически полностью совпал с

«перестройкой», положившей конец «холодной войне» и создавшей неконфронтационный имидж обновлявшемуся Советскому Союзу. Для монархий Залива большое значение имела деидеологизация внешней политики Москвы, означавшая, в частности, отказ от поддержки антирежимных сил в субрегионе. Это новое политическое качество на практике носило скорее морально-нравственный характер, поскольку к тому времени в странах ССАГПЗ не существовало ни одной сколько-нибудь влиятельной национально-патриотической группировки, с которой бы сотрудничал СССР. Более того, исподволь крепла исламистско-фундаменталистская угроза, сочетавшая в себе враждебность как к местным режимам, так и коммунизму. В результате складывалась новая расстановка сил, когда внешний (международный) ярус, представленный прежде всего двумя системными полюсами, терял конфронтационность и переставал чинить препятствия для налаживания связей между СССР и странами ССАГПЗ. В то же время иракско-иранская война и арабо-израильская неурегулированность стимулировали движение «каравийской шестерки» в направлении Москвы. Резонно также допустить, что в контексте прекращения «холодной войны» монархии Залива рассчитывали путем подтягивания СССР ослабить усилившийся плотный контроль со стороны Вашингтона.

Прорыв состоялся прежде всего на оманском направлении, где, казалось бы, труднее всего было его ожидать, учитывая жесткое неприятие султаном Кабусом Москвы в связи с оказанной ею ранее поддержкой дофаровскому движению. Однако после достижения в султанате внутриполитической стабилизации заработали новые алгоритмы. Деидеологизация политики СССР позволяла оманскому правителю рассчитывать на то, что советская сторона будет содействовать углублению взаимопонимания Маската с Аденем. Вместе с тем утверждение хомейнистского режима в Иране дистанцировало Оман от Тегерана, который ранее рассматривался в качестве контрбаланса саудовскому прессингу в субрегионе. Поскольку США сотрудничали не только с Оманом, а прежде всего с КСА, в Маскате, видимо, допускали возможность использования советского фактора в качестве одного из аргументов в своей политике в зоне Персидского залива. В таком контексте в сентябре 1985 г. были установлены дипотношения между СССР и Оманом.

Этому примеру последовали ОАЭ (ноябрь 1985 г.) и Катар (август 1988 г.).

Начавшаяся нормализация между СССР и монархиями Залива вряд ли проходила без молчаливого согласия Эр-Рияда. Это заключение не следует интерпретировать как автоматическую зависимость саудовских партнеров в принятии внешнеполитических решений. Однако отход от линии на фактическую блокаду СССР в районе Персидского залива, которой придерживались пять из шести монархий (кроме Кувейта), был вопросом большей политической важности, чтобы осуществляться без ведома признанного лидера, располагавшего достаточными средствами

для противодействия такому процессу. Думается, что кувейтский «эксперимент» наглядно убеждал, в том числе Саудовскую Аравию, что даже в условиях «холодной войны» взаимодействие с Москвой имело позитивную отдачу. Новым сигналом вполне дружественного настроения советской стороны и готовности внести вклад в обеспечение безопасности явилось выделение в 1987 г. по просьбе Кувейта военного сопровождения для его трех танкеров, что, в свою очередь, легитимизировало военноморское присутствие СССР в Персидском заливе⁴.

Занятая СССР позиция была оценена ОАЭ, решившимися на подписание первого межправительственного соглашения о поставках специмущества. Открытый характер стали принимать контакты с саудовским королевством (визиты министра нефти Хишама Назира в 1987 г. во главе делегации ОПЕК и министра иностранных дел Сауда Фейсала в 1988 г. в качестве главы делегации ССАГПЗ). Принц Сауд сигнализировал о возможности возобновления дипломатических отношений, прекратившихся де-факто в конце 30-х годов, в случае вывода советских войск из Афганистана⁵. В принципе, это пожелание вписывалось в формирующуюся новую советскую концепцию на афганском направлении.

Начало третьему этапу (1990 г. – по настоящее время) положило вторжение Ирака в Кувейт. Другой его принципиальной составляющей стал распад СССР и образование РФ как его правопреемника, в том числе в отношениях с «аравийской шестеркой».

Иракская агрессия внесла окончательный перелом в саудовский подход к Москве. Стремясь закрепить СССР на позициях неприятия иракской агрессии, Сауд Фейсал дважды наносил визиты в Москву во второй половине 1990 г. (сентябрь и ноябрь). Именно в ходе этих контактов была достигнута окончательная договоренность об обмене послами. На следующий год в мае было открыто посольство СССР в Эр-Рияде, а в декабре – саудовское в Москве. На аналогичные шаги параллельно пошел и Бахрейн.

Таким образом, принципиальный процесс нормализации полностью уложился в рамки «перестройки», т. е. до распада СССР. Объективная оценка этого факта представляется важной для понимания мотиваций, которыми были движимы страны ССАГПЗ. Он свидетельствовал о качественном изменении идейно-политического восприятия перестраивавшегося советского режима, который перестал рассматриваться как враждебный. В то же время монархии Залива продолжали считать СССР супердержавой, способной реально воздействовать на ситуацию в Персидском заливе.

Характерно, что именно на этапе «перестройки», положительно оценивая трансформацию советского режима и желая поддержать обновленческую направленность процессов, страны ССАГПЗ приступили к оказанию финансовой помощи СССР. Однако начавшийся военно-политический кризис в Заливе, а также распад СССР заблокировали кредитную линию,

хотя занятая Москвой позиция осуждения иракского вторжения в Кувейт катализировала процесс ее сближения со странами ССАГПЗ.

Египетский историк Гамаль Касем, анализируя политическую линию СССР в связи с «кувейтским кризисом», явно гипертрофирует экономические мотивации формировавшегося советского подхода (дескать, потребность в экономическом содействии США во многом подвигла Москву на схожие оценки военно-политических событий в Персидском заливе)⁶, поскольку из всех стран Ближнего Востока именно с Ираком экономическое партнерство имело наиболее высокую отдачу – общий остаток его платежных обязательств по выполненным контрактам составлял 7 млрд. долл., на объектах сотрудничества трудились 8 тыс. советских специалистов⁷. СССР не мог согласиться с иракской агрессией, потому что она вступала в прямое противоречие с самой сутью формировавшейся его новой внешнеполитической доктрины, практическим курсом в международных делах. Более того, действия Багдада не соответствовали политическому и нравственному алгоритму происходивших в нашей стране перемен.

Но тот же Гамаль Закария прав, показывая, что Москва отнюдь не стремилась дистанцироваться от Ирака, отдать эту проблему на откуп Вашингтону. Спецпредставитель президента Е.М.Примаков вылетал в Багдад, чтобы убедить Саддама Хусейна занять реалистическую позицию⁸. Советская сторона уклонилась при этом от настоячивых предложений Вашингтона войти в состав антииракской коалиции и принять участие в военных действиях против суверенного Ирака.

Финансирование операции «Буря в пустыне», оказание многопланового содействия силам антииракской коалиции, многомиллиардные оборонные заказы, естественно, ограничили кредитный потенциал «аравийской шестерки». Но есть иные аргументы, объясняющие прекращение наметившегося было финансового потока из стран ССАГПЗ в России. Политическая причина видится в том, что в условиях распада СССР и биполярной системы миропорядка Россия как правопреемник перестала рассматриваться ими в качестве супердержавы. Руководители «шестерки» не отрицают способность Москвы оказывать воздействие на обстановку в зоне Персидского залива. Однако к концу десятилетия они, похоже, утвердились во мнении, что российское государство не в состоянии соперничать с США и их атлантическими союзниками в данном субрегионе.

Немаловажной причиной ослабления интереса к России явилась также нараставшая ее экономическая несостоятельность, неспособность своевременно погашать предоставляемые кредиты и займы. Несмотря на то, что их общая сумма составила всего 2 млрд. долл., ни одна страна (Кувейт, КСА, ОАЭ, Оман) не получила причитавшейся задолженности. После болезненных осложнений из-за фактического дефолта, введенного российской стороной, в конечном счете были

достигнуты договоренности о ее погашении в рамках реструктуризации российского долга по каналам Лондонского клуба.

При столь неблагоприятных обстоятельствах Россия продолжила усилия для укрепления межгосударственных связей со странами ССАГПЗ, достижения взаимопонимания по актуальным международным вопросам, в особенности в связи с неурегулированностью вокруг Ирака, налаживания торгово-экономического и военно-технического партнерства. Поступательная динамика особенно ощутимо просматривается в российско-кувейтских отношениях. Это объясняется как наличием ранее сложившегося механизма сотрудничества, так и стремлением кувейтского руководства отблагодарить Москву за поддержку в период вторжения иракских войск. В позиции Кувейта, несомненно, присутствует и откровенный прагматизм – не допустить отхода РФ от установленного режима санкций против Багдада.

Каждая монархия имеет определенную специфику взаимоотношений с Россией с учетом степени заинтересованности в партнерских отношениях, а также конфигурации политических подходов. Тем не менее анализ двусторонних отношений позволяет выйти на обобщенную характеристику, свойственную третьему этапу.

России и «аравийской шестерке» удалось существенно продвигнуться вперед в деле налаживания взаимопонимания в международных делах. Страны ССАГПЗ с настороженностью относятся к происходящему размыву двухполюсного мира и превращению США в единственную супердержаву. Во всех монархиях Залива испытывают опасения, что если нынешняя тенденция закрепится, то мировое сообщество может оказаться заложником Вашингтона. Здесь с большим резервом воспринимается формирующаяся новая внешнеполитическая концепция США, которая разрушает международно признанные нормы и вводит новый принцип, допускающий нарушение суверенитета государств, если они не отвечают американским стандартам. Монархии Залива не исключают возможности прямого вмешательства Вашингтона и его атлантических партнеров в их внутренние дела, например, под предлогом «защиты прав человека», навязывания западных государственно-политических институтов, иной духовности. В этой связи они хотели бы, чтобы Россия в какой-то мере уравнивала такую угрозу.

В двусторонних отношениях весьма болезненной является чеченская проблематика. Особую остроту она приобретала в период военных кампаний в Чечне. Все монархии Залива продолжают рассматривать Чечню в качестве федерального субъекта, отказываются устанавливать с ней официальные отношения, воздерживаются от открытия ее представительств. Такой подход руководства этих стран трудно переоценить, поскольку на правящую элиту оказывается мощное давление со стороны внутренних и внешних исламистских кругов, а также чеченских лидеров и даже отдельных западных стран.

Наиболее уязвимой в этой связи представляется позиция правящего дома Аль-Саудов, традиционно рассматривающегося в мусульманском мире в качестве оплота ислама, защитника интересов мусульманских народов, в том числе там, где они представляют конфессиональное меньшинство. Чеченский руководитель А.Масхадов дважды (в 1997 и 1999 гг.) совершал хадж к святым местам с прицелом установления личных взаимоотношений с руководителями королевства, добываясь от них более эффективной и разносторонней поддержки. Российская сторона провела значительную политическую работу с верхним эшелоном власти КСА, чтобы предотвратить развитие сценария в соответствии с планами Масхадова. В результате ему было заявлено, что до того, как Чечня не достигнет ясной договоренности с федеральным Центром относительно окончательного статуса, саудовская сторона не намерена действовать вразрез с суверенитетом и территориальной целостностью РФ, в том числе осуществлять финансовые вливания в чеченскую экономику.

В то же время правящие круги «аравийской шестерки», так же как и в случае с Ираком, стремятся продемонстрировать «солидарность» с чеченским народом в связи с военными действиями на его территории и жертвами среди мирного населения. Власти поощряли вплоть до завершения контртеррористической операции сбор пожертвований для оказания гуманитарной помощи, не препятствовали резким антироссийским проповедям в мечетях, «критической» кампании СМИ в адрес Москвы. Такая позиция помогала им снижать уровень внутреннего накала в глубоко религиозном обществе в связи с событиями в Чечне. Особенно усердствовали исламисты в эмиратах Шарджа и Катар.

Правительство КСА фактически покровительствовало в 1994–1996 гг. частным благотворительным фондам и исламистским структурам, а также международным панисламистским организациям, которые пытались оказывать материальную поддержку чеченским сепаратистам. Однако впоследствии правящая элита пришла к пониманию того, что исламисты, выступающие на стороне чеченских сепаратистов и бандформирований, по своей идейно-политической сути – противники и самого саудовского режима, его правящего семейства.

В ходе контртеррористической кампании в Чечне, начатой федеральными войсками в ответ на вторжение чеченских бандформирований в Дагестан и серию взрывов жилых домов в российских городах, правительства стран «аравийской шестерки» придерживались официальной линии на невмешательство во внутренние дела РФ. Однако по мере расширения этой операции, появления многочисленных жертв среди гражданского населения, а также более 150 тыс. вынужденных переселенцев усиливалась критическая тональность в адрес политики Москвы. Правительства стран ССАГПЗ подчеркивали необходимость прекращения военных действий и перевода конфликта в русло мирных переговоров. Характерно, что министр иностранных

дел Сауд Фейсал воспрепятствовал вынесению на 20-й саммит «арабской шестерки» (декабрь 1999 г.) проекта отдельного документа по Чечне на том основании, что тогда следовало бы принимать отдельные заявления и по Ираку, и по ближневосточному мирному процессу. В противном случае чеченская проблема становилась бы для ССАГПЗ более приоритетной, что не отвечало действительности.

Одновременно с учетом позиции России официальный Эр-Рияд предпринял меры, чтобы централизовать гуманитарную помощь по каналам общества Красного полумесяца и тем самым сузить возможности прямого выхода саудовских частных структур на чеченскую сторону. Такая линия была оценена Москвой, которая дала согласие на приезд делегации во главе с председателем Красного полумесяца КСА Абдаллой Сувейлимом, принявшим участие в распределении первой партии саудовского гуманитарного груза в соответствии с установленным российскими властями порядком. Параллельно Северный Кавказ посетила миссия Организации Исламская конференция (ОИК), в состав которой входил, в частности, министр иностранных дел Катара Хамад бен Джассим⁹.

Однако последовавшая за этим интенсификация вооруженных действий и начавшаяся осада Грозного усилила внутренний «нагрев» исламизированного населения монархий Залива, которые ужесточили свои подходы. От «озабоченности» судьбой чеченского народа правительства стран ССАГПЗ перешли к открытому «осуждению» военной операции¹⁰. Были согласованы меры по замораживанию партнерских связей с российскими силовыми структурами, сведены к минимуму официальные контакты.

Несмотря на ослабление российского полюса, руководители стран ССАГПЗ не могут не считаться с тем, что РФ остается влиятельным участником международных отношений, обладающим мощным военным потенциалом, а также местом постоянного члена Совета Безопасности ООН. В условиях нарастающего интервенционизма во внешнеполитической доктрине Вашингтона они в целом осознают необходимость диверсификации своих внешних связей с тем, чтобы, если не нейтрализовать, то хотя бы ослабить в случае необходимости американский прессинг. Возможность такой альтернативы им видится в налаживании партнерских связей как с Западной Европой, так и Россией.

Неприемлемость однополярной системы с точки зрения стратегической перспективы предполагает весьма широкий диапазон совмещения взглядов на актуальную глобальную проблематику. Характерно, что Россия и страны ССАГПЗ голосуют в ООН, как правило, совместно по таким важным вопросам, как укрепление всеобщего мира, запрещение производства, распространения и разработок всех видов оружия массового уничтожения (ОМУ), сокращение вооружений, расширение безъядерных зон, установление нового мирового экономического по-

рядка, борьба с наркобизнесом, противодействие международному терроризму. Общность или схожесть подходов позволяет представителям РФ и монархий Залива координировать позиции в рамках ООН, на международных форумах, оказывать взаимную поддержку при выдвижении кандидатур на ответственные посты в международных организациях. В регулярную практику вошли встречи министра иностранных дел РФ с группой министров ССАГПЗ в ходе сессий Генеральной ассамблеи ООН. При необходимости проводятся и отдельные беседы.

Весьма интенсивный диалог ведется по региональной тематике, в особенности по ближневосточному мирному процессу и ситуации в Афганистане. На протяжении всего последнего десятилетия Россия и монархии Залива выступали с весьма близких позиций по узловым аспектам урегулирования на Ближнем Востоке. Схожесть подходов проявлялась при углубленном обмене мнениями в ходе переговоров на уровне высшего руководства, при обсуждении на сессиях ГА ООН, а также во время многосторонних рабочих встреч в рамках мирного процесса. Различия носили скорее тактический, а не смысловой характер – РФ как коспонсор вынуждена больше маневрировать, содействовать компромиссам, тогда как государства ССАГПЗ стремятся теснее солидаризироваться с арабскими участниками двусторонних треков, дистанцируясь, по возможности, от вовлечения в практические региональные экономические проекты на многосторонней основе вопреки призывам коспонсоров.

Вывод советских войск из Афганистана устранил принципиальные противоречия между Россией и «аравийской шестеркой» по этой теме. Общим знаменателем стало признание необходимости мирного урегулирования афганской проблемы на базе учета интересов всех влиятельных национальных и политических групп. В качестве оптимального сценария рассматривается перспектива создания коалиционного правительства. Однако заявленные позиции не в полной мере отвечают практике КСА и ОАЭ, признавших правительство движения «Талибан», что способствовало утверждению талибов на бескомпромиссных позициях относительно северной оппозиции.

Наиболее острый диалог проходит по субрегиональной проблематике, особенно по Ираку. Формально позиции сторон, казалось бы, достаточно близки. И Россия, и страны ССАГПЗ выступают за независимость и территориальную целостность Ирака, отмену эмбарго при условии выполнения им соответствующих резолюций СБ ООН. Этот общий знаменатель в особенности был характерным для первой половины 90-х годов, пока в Москве не пришли к выводу, что США стремятся сознательно затян timer процесс нормализации, добиваясь устранения саддамовского режима и провоцируя вспышки напряженности в целях обеспечения своего военного присутствия в зоне Персидского залива. Такую линию Вашингтон пытается проводить при опоре прежде всего на Кувейт и Саудовскую Аравию, которые чувствуют себя наиболее уязвимыми перед потенциальной иракской

угрозой. На этом фоне Россия стала добиваться задействия 22 пункта резолюции СБ ООН 687, предусматривающего смягчение санкций по мере выполнения предъявленных Багдаду требований, тем более что к 2000 г. иракский режим прошел значительную часть пути по осуществлению резолюций, особенно в части, касающейся разоруженческого досье.

В этом контексте стали углубляться расхождения в подходах РФ и стран ССАГПЗ. Катар, ОАЭ и Оман, заинтересованные в некотором выравнивании баланса в Персидском заливе, явно сместившегося в пользу КСА, имеют более широкий диапазон взаимопонимания с Россией по иракской проблематике. Несмотря на вынужденную непоследовательность из-за давления со стороны Эр-Рияда и Вашингтона, они не возражают против линии Москвы на смягчение эмбарго, прекращение ракетно-бомбовых ударов по иракской территории без достаточных правовых и политических оснований. Что касается Саудовской Аравии, Кувейта и Бахрейна, то их руководители, по сути, оппонируют такому подходу, пытаются удержать РФ на позициях начала 90-х годов, хотя в связи с выполнением Ираком большинства предъявленных требований, в особенности по разоруженческому досье, ситуация приобрела новое качество.

По иранской теме сфера расхождений между Россией и «аравийской шестеркой» имеет тенденцию к сужению. Свою главную задачу страны ССАГПЗ видят в том, чтобы воспрепятствовать, по возможности, такому российско-иранскому взаимодействию, которое бы укрепляло военно-технический потенциал Тегерана, особенно наращивание им наступательных вооружений, а также выводило его на ядерные технологии. Руководство ОАЭ акцентирует на территориальном споре с Ираном, однако в целом осознает нереалистичность попыток сдвинуть Москву с нейтральной позиции по данному вопросу.

Наиболее значительным событием в межгосударственных отношениях России с «аравийской шестеркой» на третьем этапе стало посещение делегации во главе с председателем правительства РФ в ноябре 1994 г. Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ и Омана. Состоялись также визиты министра иностранных дел РФ во все страны ССАГПЗ, причем в Кувейт – четырежды (последний раз – в декабре 2000 г.). Ежегодно проходят визиты в Москву государственно-политических деятелей стран ССАГПЗ. В 1992 и 1999 гг. с рабочим визитом в России побывал министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд Фейсал.

Важное внимание уделяется формированию правовой базы для разворачивания двустороннего сотрудничества. В качестве основополагающих документов могут рассматриваться межправительственные соглашения о торговле, экономическом и техническом сотрудничестве, заключенные с Кувейтом, ОАЭ, Катаром и Оманом (с Бахрейном – парафировано). Соглашения с Кувейтом и ОАЭ были оформлены еще в советский период. С саудовским королевством подписан более общий

документ – Генеральное соглашение о торгово-экономическом, инвестиционном, научно-техническом, культурном и молодежном сотрудничестве. Заключены соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений (с Кувейтом и ОАЭ, с Катаром ведутся переговоры), об избежании двойного обложения (с Кувейтом и Катаром, с Оманом – парафировано, с КСА – ведутся переговоры). Кроме того, оформлены соглашения и протоколы о воздушном сообщении, сотрудничестве в сфере информации, межмидовских политических консультациях.

Подписанные документы закладывают правовую основу, но не заменяют практическое партнерство, которое продвигается с большими трудностями. Из-за постоянных неурядиц не проводятся заседания межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (состоялось первое заседание комиссии только с ОАЭ). Серьезным препятствием для налаживания деловых связей служит нестабильность российского инвестиционного, налогового и таможенного законодательства. Отпугивает капитал стран Залива внутриполитическая нестабильность в России (вплоть до избрания президента В.В.Путина), кризисное состояние экономики, коррупция. Причинами субъективного свойства служат недостаточное знание предпринимателями с обеих сторон потребностей и конъюнктуры рынка друг друга, отсутствие у национального капитала «аравийской шестерки» опыта для деятельности в экстремальных экономических условиях.

Отмеченные трудности обуславливают ограниченный характер торгово-экономических связей, который не отвечает значительному потенциалу сторон. Тем не менее общий товарооборот «аравийской шестерки» с Россией имеет тенденцию к увеличению. Так, если в 1992 г., по экспортным оценкам, он составлял 173,8 млн. долл., то в 1998 г. вышел на уровень 320,1 млн. долл. (без учета реэкспортных операций с российскими товарами).

Трудно складывается экономическое партнерство. Нарботки как по государственной, так и частной линиям в значительной мере остаются нереализованными. Капиталовложения монархий Залива фактически ограничиваются участием саудовской компании «Нимр Петролеум» в разведке, разработке и экспорте нефтяных месторождений на Сахалине, а также катарской корпорации «Маннаи» в развитии «Автоваза» и осуществлении телекоммуникационного проекта в Сибири (ее инвестиции – около 70 млн. долл.). Однако обе эти компании сталкиваются с серьезными затруднениями в практической деятельности и склонны ее сворачивать.

Российско-эмиратское партнерство, по сути, не выходит за рамки перевозок «челноков» (шопинг-туризм) и торговли. Предприниматели ОАЭ не идут на российский инвестиционный рынок. Броская статистика о наличии в ОАЭ более 120 смешанных предприятий свидетельствует только о том, что отечественные бизнесмены пытаются перевести свои капиталы в Дубай.

Не реализуется проект крупнейшего саудовского миллиардера принца Валида бен Таяля, согласившегося построить в Москве «шестизвездочный» ультрасовременный гостинично-офисный комплекс «Четыре сезона». Застопорено подписание парафированного соглашения о предоставлении Кувейтским фондом 65 млн. долл. на реконструкцию Мурманского торгового порта.

Возникли серьезные трудности с финансированием Каспийским трубопроводным консорциумом нефтепровода для транспортировки при участии оманского капитала казахстанской нефти, к которому в 1992 г. присоединилась Россия (20% акций).

Отсутствует продуманная линия выставочной работы в субрегионе Персидского залива.

Слабое задействование имеющегося потенциала для разворачивания масштабного сотрудничества России с рассматриваемой группой государств объясняется наряду с указанными выше причинами недооценкой значимости стран ССАГПЗ, отсутствием системного восприятия нынешнего состояния и углубленного видения перспектив развития двусторонних отношений, что побуждает к формулированию ряда концептуальных и практических соображений относительно внешнеполитической линии РФ, исходя из геостратегической значимости «аравийской шестерки» в мировой экономике и международных отношениях в контексте формирующегося многополюсного мира. При этом важно учитывать совпадающие интересы РФ с ССАГПЗ как альянсом и его отдельными членами, имеющиеся расхождения, неиспользованные резервы, а также определить оптимальные направления движения к обозначенным целям.

Стержнем концептуального подхода, видимо, должно служить понимание несоответствия стратегическим интересам «аравийской шестерки» навязываемой Вашингтоном модели однополюсного мира, предполагающего тотальное доминирование США в международных, региональных и субрегиональных делах, что побуждает страны ССАГПЗ к диверсификации внешних связей, поиску политических, военных и экономических контрбалансов и альтернатив.

Важно добиваться системного взаимодействия с монархиями Залива по актуальным проблемам современности, разрешение которых отвечает их национально-государственным интересам и одновременно сужает правовое и политическое пространство для утверждения американской доминанты. Необходим выход на понимание того, что обеспечение верховенства права в международных делах над политикой – оптимальный путь утверждения международно-правовой основы миропорядка. В нынешних условиях актуализируется задача активизации усилий мирового сообщества, включая страны ССАГПЗ, с целью предотвращения развала ООН путем выхолащивания главенствующей функции Совета Безопасности и фактической передачи части его полномочий руководящим структурам Атлантического альянса, находящимся под контролем Вашингтона. События последнего десятилетия

убеждают в том, что США серьезно принимают в расчет только свои собственные интересы и склонны игнорировать мнение даже влиятельных государств, в том числе своих натовских союзников. Задача российской политической науки – всестороннее углубленное осмысление возможных последствий такого курса Вашингтона и донесение до сознания правящих элит грозящей опасности. Центральная роль в решении важнейших проблем должна принадлежать ООН как наиболее универсальному международному механизму, пользующемуся авторитетом и поддержкой подавляющего большинства государств.

В то же время реформирование ООН – назревшая задача. В разрабатываемых в этой связи моделях следовало бы поддержать арабо-исламскую линию на включение в Совет Безопасности на той или иной основе представителей этой части мира. Такая позиция сделала бы наши предложения по реформированию ООН более привлекательными, в том числе для стран ССАГПЗ.

В плане углубления взаимопонимания и координации значительный потенциал заключен в блоке разоруженческих проблем. Опыт обсуждения этой тематики с руководителями «аравийской шестерки» позволяет утверждать, что арабские правящие элиты еще не вышли на уровень многогранного восприятия жизненной необходимости принятия эффективных мер в этой области. На данном этапе акцент следовало бы сделать на решимости Вашингтона выйти из Договора ПРО или же «ревизовать» его таким образом, чтобы получить правовые основания для создания новых систем вооружения, которые бы материализовали американскую доминанту в мире на длительную перспективу. Инициативные шаги РФ для сдерживания движения в этом направлении могли бы получить поддержку стран ССАГПЗ.

Весьма актуальна для «аравийской шестерки» проблематика ОМУ, среди которой особую озабоченность вызывают отказ Израиля присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, фактическое вхождение Индии и Пакистана в «ядерный клуб», а также ядерные амбиции Ирана. Несмотря на политическую разнохарактерность этих факторов, они представляют или могут представлять потенциальную угрозу странам ССАГПЗ. С учетом этого монархии Залива должны иметь достаточную уверенность в том, что сотрудничество России с Индией или Ираном в сфере ядерной энергетики носит мирный характер и находится под контролем МАГАТЭ, российская сторона не передавала и не намерена передавать военные технологии своим партнерам. Исходя из этого, видимо, следовало бы настойчиво ориентировать «аравийскую шестерку» на дистанцирование от финансового содействия Пакистану в осуществлении его ядерной программы.

Виртуальная опасность бактериологического и химического оружия превратилась в реальную угрозу после того, как инспектора ООН выявили в Ираке наличие его компонентов. Поскольку восстановление производства химического и бактериологического оружия не по-

требует длительного времени и значительных затрат, монархии Залива опасаются, что разблокирование ситуации вокруг Ирака при сохранении саддамовского режима может иметь катастрофические последствия для стран ССАГПЗ. Укреплению отношений России с этой группой государств, а также созданию более благоприятных условий для смягчения санкций против Ирака способствовала бы инициативная линия Москвы на то, чтобы Багдад заявил о своей приверженности Конвенции о запрещении химического оружия и взял на себя обязательство никогда не применять ОМУ против своих соседей.

Подходы РФ и монархий Залива к ближневосточному урегулированию совпадают по основным параметрам. Вместе с тем, принимая во внимание их принципиальную позицию о том, что многосторонние переговоры в рамках мирного процесса не должны опережать субстантивные договоренности и динамику движения на двусторонних треках, следует вскрывать и контрпродуктивность искусственной синхронизации.

Необходимо учитывать, что значимость стран ССАГПЗ, особенно Саудовской Аравии, возрастет на финальном этапе урегулирования в связи с предстоящим определением статуса Иерусалима. Эта наиболее сложная и острая проблема во всем комплексе арабо-израильского разблокирования может не только приостановить замирение, но и вызвать дестабилизационную волну во всем мусульманском мире с труднопрогнозируемыми международными последствиями. В этих условиях актуализируется российская идея принятия «кодекса поведения», который бы предусматривал принцип преемственности в ходе переговорного процесса, недопущения отхода от уже достигнутых, тем более имплементированных договоренностей. Этот принцип следовало бы распространить не только на двусторонние, но и многосторонние переговоры, участниками которых являются страны ССАГПЗ.

По иракской проблематике Вашингтон, судя по всему, будет пролонгировать кризисную ситуацию, по крайней мере, пока у власти находится Саддам Хусейн, о чем свидетельствует позиция республиканской администрации Дж.Буша-младшего. От такой линии, похоже, не намерены также отходить Саудовская Аравия, Кувейт и Бахрейн, которые не без основания указывают, что не могут чувствовать себя в безопасности при сохранении нынешнего багдадского режима. С учетом этого, думается, следовало бы обратиться к странам ССАГПЗ с инициативой разработать совместными усилиями продуманный конкретный механизм обеспечения их государственной безопасности в условиях смягчения и упразднения действующих против Ирака санкций. Такая инициатива втягивала бы «аравийскую шестерку» в предметный диалог, и Москва воспринималась бы монархиями Залива в качестве партнера, а не «лоббиста» Ирака.

Отталкиваясь от совместных подходов к борьбе с терроризмом, наркобизнесом и контрабандой, составляющих важный сегмент обеспечения национальной безопасности как России, так и

стран Залива, важно выйти на оптимальную формулу взаимопонимания по исламской проблематике, в частности недопущение использования религии для разрушения российской государственности, осуществления терроризма на конфессионально-национальной основе, проникновения в Россию исламистско-фундаменталистских структур под миссионерской личиной. Эта тематика особенно актуальна в диалоге с Саудовской Аравией. Такая работа, безусловно, ведется со странами ССАГПЗ. Однако при этом не осуществляется в должной мере необходимая дифференциация между официальной линией властей и деятельностью частных структур, контролируемых исламистами. Вследствие такого положения возникают неоправданные трения в отношениях с монархиями Залива и избирается нерациональный алгоритм противодействия антироссийской деятельности воинствующих исламистов, террористов и сепаратистов.

В принципиальном плане важно иметь в виду, что ни одно правящее семейство или правительство стран ССАГПЗ не поддерживает международный терроризм и попытки использования ислама в качестве его прикрытия. Во второй половине 90-х годов для них стало окончательно ясно, что исламистско-фундаменталистские круги – главные противники сложившихся в странах Залива монархических режимов. Возникшая на этапе модернизации качественно новая ситуация существенно расширила политическое пространство для взаимодействия с руководством этих государств против, по сути, общего противника. Возникает в ряде случаев возможность оказания по каналам официальных властей стран ССАГПЗ прессинга на проникающие в Россию исламистские структуры.

Реализация обширного потенциала сотрудничества напрямую зависит от перспектив преодоления кризисного состояния российской экономики, выбора сбалансированной модели инвестиционного и таможенного регулирования, определения оптимальных механизмов партнерства. В сложившихся условиях, видимо, было бы заблуждением рассчитывать на получение новых кредитов и займов от монархий Залива. Их правительства не видят для этого ни особого политического смысла, ни экономической выгоды. Частный капитал не пойдет в Россию, покуда не утвердятся ясный и достаточно благоприятный инвестиционный климат, что, разумеется, не исключает отдельные прорывы. Наиболее реальными сферами капиталовложений представляются торговля, гостиничное хозяйство, служба сервиса, туризм, где инвестиции достаточно быстро окупаются.

Практика убеждает в том, что предприниматели стран Залива не склонны финансировать создание новых технологий, предпочитая пользоваться современными, но уже апробированными и прошедшими международную сертификацию. Продвижение конкурентоспособ-

ных технологий – задача вполне реальная, но требующая обстоятельного маркетинга и коммерческой гибкости.

Российский экспорт в состоянии отвоевать достойную нишу на рынке «аравийской шестерки», если будет поставлять качественную продукцию по ценам ниже среднемировых, как это делает Китай. Для внедрения отечественных товаров необходима продуманная выставочная работа.

Наиболее перспективное направление в среднесрочной перспективе – сфера военно-технического сотрудничества. Такой вывод базируется на следующих факторах: страны ССАГПЗ стремятся к диверсификации партнеров в этой области, испытывают финансовые затруднения для продолжения дорогостоящих программ с США и их атлантическими союзниками, Россия выпускает конкурентоспособную военную продукцию и реализует ее по более низким ценам. Для российской стороны ВТС означает один из немногих эффективных источников получения валютных средств не за счет вывоза невозполняемых природных ресурсов, а продажи интеллектуального продукта. Пока России удалось частично внедриться на рынок вооружений только Кувейта и ОАЭ. Однако если этому направлению будет уделено необходимое внимание, военно-технические связи могут быть налажены даже с Саудовской Аравией.

Принимая во внимание начавшееся выправление экономической ситуации, политическую стабилизацию в России, а также проведение ею взвешенной и твердой линии в международных делах, открываются реальные перспективы расширения диапазона российского присутствия в странах ССАГПЗ, упрочения позиций России в этом геополитически важном районе.

¹ Ан-Нашра аль-ихсайя. Аль-Амана аль-амма, маджлис ат-тааун ли дуваль аль-халидж аль-арабийя (Статистический бюллетень. Генсекретариат ССАГПЗ). – 1997. – № 12. – С. 14.

² BP Amoco Statistical Review of World Energy. L. June 1999. – С. 4.

³ Page, Stephan. The Soviet Union and the GCC States: a search for Openings – American-Arab Affaires. Spring 1987. – № 20. – С. 47–49.

⁴ Golan, Galia. Moscow and the Middle East: New Thinking on Regional Conflict. – L., 1992. – С. 49.

⁵ Там же.

⁶ Касем, Джамиль Закария. Тарих аль-халидж аль-арабий аль хадис ва аль-мунасер (Новая и новейшая история Персидского залива). Муджаллад 5, аль-Кахира, 1996, с. 451.

⁷ The Iraqi Aggression on Kuwait. The Truth and the Tragedy. Center for Research and Studies on Kuwait, 1994. – С. 67.

⁸ Там же.

⁹ Эр-Рияд. 10.12.1999.

¹⁰ Там же; Эр-Рияд. 14.12.1999.

**ВЛИЯНИЕ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО ФАКТОРА
НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ ИСЛАМА В РОССИИ (90-е годы)**

На фоне произошедших на рубеже XX и XXI вв. глобальных перемен стали заметны попытки вовлечь Россию в противостояние с исламским миром, чреватое серьезной угрозой ее безопасности и территориальной целостности. К настоящему времени отчетливо прослеживаются отдельные фазы этого процесса. Возросшая после распада Советского Союза активизация исламистов в соседних с Россией регионах способствовала стремлению ряда стран спровоцировать в России борьбу с исламским экстремизмом. Обострение проблемы сепаратизма Чечни под исламскими лозунгами вызвало стремление зарубежных мусульманских кругов к вмешательству во внутрироссийские дела. Постепенное вовлечение России в урегулирование кризиса на Балканах происходило на фоне попыток противопоставить православное большинство и мусульманскую общину в самой России. Проведение предвыборных кампаний в нашей стране стало сопровождаться попытками части политиков использовать религиозную (исламскую, православную и т.п.) риторику в борьбе за власть. Вооруженный конфликт в Дагестане 1999 г. увеличил вероятность формирования собственно исламского экстремизма в России. И, наконец, террористические акты в российских городах и новая военная кампания в Чечне придали «исламской составляющей» северокавказских событий международный характер.

Динамика развития религиозно-политической ситуации в 90-е годы в России еще раз показала, что ислам выступает одним из важных факторов, определяющих отношения нашей страны с внешним миром. Это обусловлено тем, что Россия является крупной мусульманской страной. По общему числу проживающих приверженцев этой религии (около 12,5%) Россия превосходит многие исламские государства. Более 30 разных по численности мусульманских народов, живущих на территории России, – это ее исконные жители. Велик вклад мусульман в духовную и культурную традицию российского общества. Растет удельный вес мусульман в предпринимательских кругах России. Все более заметно участие инациональных мусульманских диаспор в экономической жизни страны. Представители мусульманской общины постепенно входят в политическую элиту России, выражая более или менее адекватно социально-экономические и со-

ответствующие им политические интересы части электората. Ответственные организации российских мусульман, чья деятельность не выходит за рамки действующего законодательства, – полноправные участники политического развития страны.

Проблема роста религиозного экстремизма, с которой столкнулась часть новых государств на постсоветском пространстве, включая Россию, носит многоплановый характер. Поиск путей ее решения требует взвешенного и беспристрастного подхода. Это вызвано не только опасным характером любых экстремистских проявлений самих по себе, но и деликатностью религиозного аспекта данной проблемы, связанного с безусловным требованием уважения чувств верующих. Многоплановость этой проблематики предполагает рассмотрение весьма сложной и во многом противоречивой совокупности внутренних и внешних предпосылок и условий социально-экономического и политического характера, которые способствуют формированию религиозных экстремистских тенденций на постсоветском пространстве.

В числе наиболее актуальных на сегодня стали вопросы, связанные с влиянием внешнего фактора на процессы распространения идеологии исламского фундаментализма в России и других странах СНГ. В частности, в отечественной и зарубежной востоковедной политологии продолжается дискуссия о соотношении внутренних и внешних причин соединения ислама и политики, факторов, способствующих появлению и развитию исламизма. Среди отечественных исследователей, которые наиболее активно разрабатывают в целом, а также отдельные аспекты данной проблематики (А.А.Игнатенко, Р.Г.Ланда, А.В.Малашенко, С.А.Мельков, В.В.Наумкин, Л.Р.Сюкияйнен, А.Ю.Умнов и др.), существуют разные точки зрения в оценке как самого феномена исламского фундаментализма, так и степени влияния внешнего фактора на радикализацию ислама в мусульманских регионах СНГ. Необходимо оговориться, что здесь под влиянием внешних условий на процессы радикализации ислама в России понимается воздействие всего комплекса внешних факторов (главным образом, политических, идеологических, организационных и иных), которые способствуют или могут привести в дальнейшем к нарушению относительной стабильности в российском исламе, переходу части верующих от умеренных взглядов в области теории и практики ислама на позиции религиозной нетерпимости в вопросах веры и экстремизма в сфере политики. В этом контексте термин «исламизм» употребляется для обозначения практики использования исламской религии в политических целях.

Очередная волна радикализации и политизации ислама в современном мире происходит в форме процессов, которые по-разному квалифицируются как отечественными, так и зарубежными исследователями. Иногда эти процессы рассматриваются как следствие «цивилизационного противостояния», и трактовка происходящих в мусульманском мире событий осуществляется, условно говоря, с позиций «возрождения

ислама». В этом подходе, в частности, прослеживается мысль о том, что современный исламский фундаментализм – это закономерное явление в рамках очередной волны «исламского ренессанса». Например, оно отражает стремление части мусульман к возрождению «истинных» исламских ценностей в условиях глобализации. Другие исследователи чаще делают акцент на конкретных социально-экономических интересах, которые стоят за активизацией исламских движений. При этом предполагается, что существующее несправедливое положение в международных отношениях, отсутствие реально устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического (гражданского) общества, нерешенность острых социально-экономических проблем, – все это выступает факторами, способствующими переходу фундаменталистов на позиции политического экстремизма.

При таком подходе проблема «исламского терроризма» предстает как отражение экстремальных форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, реакция на засилие западных стран в мировых делах, за национальный (или конфессиональный) суверенитет, иногда за сохранение права на социокультурную самобытность, но чаще всего – как стремление к решению внутренних проблем на путях установления «исламского порядка». Исходным пунктом другого подхода, как правило, выступает анализ геополитических интересов в международных делах. При этом предполагается, что, например, за «ваххабизмом» в России (движением «Талибан» в Афганистане, «салафитами» в Египте, Йемене и других арабских странах и т.д.) стоят определенные политические силы, которые используют радикализм этих и подобных движений и организаций для решения своих корыстных в конечном итоге задач. Под таким углом зрения исламские экстремисты могут предстать всего лишь орудием для проведения политики отдельных западных или восточных государств, направленной на достижение конкретных целей: создание позиций в жизненно важных для них регионах, установление своего контроля над торговыми путями, транспортировкой энергоносителей, добычей отдельных видов минералов и т.п.

Приведенное выше схематичное и далеко не полное изложение некоторых точек зрения на эту проблему показывает, что в целом она продолжает оставаться открытой.

Вместе с тем в литературе достаточно убедительно отмечается, что воздействие внешнего фактора на радикализацию ислама в мусульманских регионах России носит ограниченный характер и определяющими для этого процесса являются внутренние условия. В частности, Д.В.Макаров пишет: «Признавая очевидную роль внешнего фактора в распространении фундаменталистских идей на Северном Кавказе, все же следует подчеркнуть, что этот процесс отражает прежде всего глубинные социокультурные сдвиги внутри местных обществ и неспособность традиционного ислама удовлетворить формирующиеся в них новые интеллектуальные, духовные, социальные и

политические интересы»¹. В этом плане весьма важным предстает вопрос соотношения идеологии национализма и религиозного фундаментализма, который может послужить фактором, сдерживающим процессы радикализации ислама в Российской Федерации. Рассматривая эту проблему в середине 90-х годов, Р.Г.Ланда прогнозировал, что «одной из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве будут национализм и регионализм. В сущности, они весьма сходны и иногда проявляются даже одновременно. Невозможно установить ни солидарность всех мусульман СНГ, ни даже исламских фундаменталистов в условиях, когда сугубо националистические настроения берут верх практически во всех мусульманских республиках бывшего Союза, а внутри некоторых из них регионализм оказывается сильнее национализма»². Этот тезис сохраняет свою актуальность до настоящего времени.

Для анализа дальнейшего развития процессов радикализации ислама в России представляется продуктивным рассмотрение совокупности социально-экономических и соответствующих им политических интересов всех слоев исповедующего ислам населения. В конечном счете «спрос» различных социальных групп населения на «радикальный» ислам, который предполагает, помимо прочего, решительные шаги по установлению «исламского порядка» (отождествляемого частью населения с социальной справедливостью, национальным равноправием, равенством всех перед законом и т.п.), рождает соответствующее «предложение». При этом социальная база исламистов пополняется за счет представителей тех групп населения, которые связывают удовлетворение своих социально-экономических и соответствующих им политических интересов с установлением исламской формы правления. В то же время сами по себе внутренние условия, способствующие появлению у населения потребности выражать свои интересы с использованием лозунгов «радикального» ислама, не могут быть достаточными для возникновения широких исламских общественно-политических движений фундаменталистской направленности. Даже при наличии субъективного фактора (каковой в России пока отсутствует) возможность создания основных предпосылок для распространения идей «радикального» ислама реализуется на первоначальном этапе через влияние внешних условий.

В 90-е годы XX в. страны Арабского Востока выступили важной составляющей внешнего воздействия на ислам в России. Именно в этот период в силу изменения международного положения нашей страны, а также значительных внутренних трансформаций арабо-мусульманское проникновение в Россию стало особенно ощутимым. Российская внешняя политика, испытывая своеобразный «комплекс вины» за прошлое, иногда следовала возникшему в то время тезису о потере интереса арабских стран к России (сравнивался уровень сотрудничества России с масштабами взаимодействия бывшего СССР со странами Арабского Востока).

В свою очередь, «исламская составляющая» внешнеполитического курса ряда арабских стран в отношении России стала вызывать тревогу

некоторых исследователей в связи с возможностью создания структуры политико-экономического и военного сотрудничества государств Ближнего и Среднего Востока. Предполагалось, что эта структура может рассматривать в качестве зоны своих интересов не только государства Закавказья и Центральной Азии, но и российский Северный Кавказ. При этом, например, Л.Хоперская отмечала, что «для достижения поставленных целей мусульманские государства активно используют национальные спецслужбы, которые предпринимают попытки к созданию широкомасштабного происламского лобби во властных структурах всех уровней. Среди их приоритетных задач – стремление обеспечить единое руководство над всеми мусульманскими организациями России, усилить позиции исламского фундаментализма на территории Северного Кавказа»³. В то же время В.А.Ахмедов высказал мнение о том, что «складывающаяся сегодня на Кавказе ситуация является для арабов весьма непростой и даже потенциально опасной, поскольку новые геополитические реалии здесь могут сформироваться без участия арабов и должного учета их интересов. В этой связи в ряде арабских государств весьма неоднозначно воспринимают попытки США, Турции и Израиля по установлению нового миропорядка на части Ближнего Востока, прилегающей к Кавказу»⁴.

Приведенные выше мнения экспертов относятся к международному аспекту формирования российского (в том числе северокавказского) направления внешней политики арабских государств. Однако отношение арабских стран к складывавшейся в 90-е годы в России религиозно-политической ситуации, в том числе на Северном Кавказе, во многом стало отражением их собственных острых внутренних проблем в этой сфере, в первую очередь проблемы религиозного экстремизма. В минувшее десятилетие для России во многом стали характерны проблемы социально-экономического порядка, которые ранее считались специфическими для стран «третьего мира». Соответственно стали проявляться присущие ранее «развивающимся странам» некоторые черты религиозно-политической ситуации (обострение межконфессиональных противоречий, проявление религиозной нетерпимости, усиление фундаменталистских тенденций и др.). В этой связи накопленный арабскими странами опыт по противодействию религиозному экстремизму представляет интерес для России не только с точки зрения предупреждения и локализации внешних угроз со стороны исламских группировок радикальной направленности. Он важен также и для анализа внутренних социально-экономических условий, способствующих радикализации ислама в нашей стране.

Процессы, происходящие в российском исламе, находятся в поле зрения представителей влиятельных религиозных кругов, духовных лидеров, видных теологов и также религиозно-политических деятелей арабских стран. По мере возможности они стремятся использовать складывающуюся ситуацию с целью распространения своего

идейного влияния на исламские общины в России, в первую очередь на мусульманскую часть представителей российской политической элиты и предпринимательских кругов.

Применительно к 90-м годам представляется возможным выделить следующие основные каналы арабо-мусульманского влияния на развитие общественно-политической ситуации в российской мусульманской общине.

1. Официальные связи между мусульманскими деятелями арабских стран и российскими служителями ислама. В этот период существенно расширились контакты между арабскими и российскими религиозными деятелями по линии духовного, просветительского, научно-религиозного, культурного и других типов обмена. Эти связи не только содействовали развитию традиционных отношений России с арабо-мусульманским миром, но и выступили залогом укрепления отношений новой России с международным мусульманским сообществом. Арабские религиозные деятели стали более активно посещать Россию, принимая участие в различных исламских форумах. Так, например, в работе международной исламской конференции «Роль мусульман в духовном возрождении России» (Москва, 5–6 июня 1999 г.) участвовали делегации из Египта, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, Ливии, Алжира, Сирии, Судана, Иордании и Катара. В их составе были представители ряда исламских организаций, расположенных на территории арабских стран, таких как: Всемирная Ассамблея исламской молодежи, Благотворительный фонд «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим» (Саудовская Аравия); Комитет мусульман Азии, Общество «Даава ва Игаса» (Кувейт), Исламский благотворительный фонд «Зейд бен Султан» (ОАЭ), Исламское благотворительное общество Государства Катар, Благотворительное общество «Аль-Ислах» (Бахрейн), Всемирная Лига исламского призыва (Ливия), Всемирная Организация исламского призыва (Судан) и другие, а также представители арабских СМИ.

В рассматриваемый период возросло участие зарубежных религиозно-политических и общественных деятелей арабских стран в духовной и религиозно-политической жизни российских мусульман (включая общественно-политические, культурно-просветительские и другие подобные мероприятия). Посещение в этих целях нашей страны делегациями из арабских стран позволяет зарубежным религиозным деятелям устанавливать прямые контакты со своими российскими коллегами, делиться опытом и в определенной мере оказывать влияние на ход исламских форумов. В некоторых случаях арабские представители непосредственно участвовали в мероприятиях, имеющих политический характер. Например, в работе состоявшегося 11 апреля 1994 г. первого съезда мусульман Ингушетии приняли участие делегации из Саудовской Аравии, Сирии, Судана и ОАЭ. Почти одновременно с работой вышеупомянутого съезда в апреле 1994 г. в селе

Экажево Назрановского района был торжественно открыт Исламский институт имени короля Саудовской Аравии Абд аль-Азиза Фахда, который чуть позже, 15 июля 1994 г., был переведен в станицу Орджоникидзевскую Сунженского района Республики Ингушетия⁵.

2. Религиозное и светское образование, подготовка кадров священнослужителей из числа российских граждан в исламских учебных заведениях арабских стран. Большую роль в изучении гражданами России религиозных и светских дисциплин стали играть исламские учебные заведения Арабского Востока, в том числе в ведущих исламских университетах «Аль-Азхар» (Египет), «Каравиин» (Марокко) и «Аз-Зейтуна» (Тунис). Возросло участие арабских преподавателей, а также получивших образование в арабских странах российских специалистов в учебном процессе в большинстве исламских образовательных заведений в самой России. По линии официальных российских религиозных структур студентов направляли для продолжения образования в учебные заведения Египта, Марокко, Сирии, Саудовской Аравии, Катара, Ливии. К 1999 г. в России действовало около 110 зарегистрированных мусульманских учебных заведений, в которых в разном объеме изучались религиозные дисциплины и арабский язык. В них работали преподаватели из Египта, Сирии, Иордании и других арабских государств⁶. Многие российские священнослужители, получившие исламское образование в странах Ближнего Востока и Северной Африки, впоследствии заняли авторитетные позиции в религиозных структурах Российской Федерации (глава Духовного управления мусульман Республики Татарстан Г.Исхаков получил второе религиозное образование в Ливии; председатель Центрального духовного управления мусульман России Т.Таджутдин обучался в самом известном исламском университете «Аль-Азхар» в Каире; председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России Н.Аширов получил образование в Алжире, г.Константина).

В то же время российские мусульманские священнослужители высказывали неоднозначное отношение к росту числа соотечественников, обучавшихся за границей. Так, например, многие имамы Северного Кавказа считают, что укреплению позиций «радикального» ислама способствуют, в частности, алимы, обучавшиеся в Саудовской Аравии, Ливии, Катаре, Египте, Сирии и других мусульманских странах⁷. Говоря о подготовке за рубежом кадров служителей ислама, Р.Гайнутдин (ДУМЕР) в 1999 г. предостерегал: «Через несколько лет ислам в России может оказаться в руках выпускников зарубежных мусульманских учебных заведений, рассчитанных на совершенно иной тип мусульманина... Именно они могут стать проповедниками, теоретиками и практиками радикального ислама, распространить его по всей стране⁸. Практика показала, что среди вернувшихся после учебы на родину молодых специалистов наибольший радикализм проявляют богословы, прошедшие религиозную подготовку в тех странах, где власти не могли в

полной мере оградить иностранных слушателей от влияния местных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО). Кроме того, наиболее восприимчивы к идеям исламского экстремизма оказывались россияне, которые не сумели окончить полный курс в исламских учебных заведениях в арабских странах (языковой барьер, неспособность адаптироваться к местным условиям жизни, недостаточность исходной подготовки). Одна из возможных причин возникновения негативных явлений в сфере исламского образования россиян в арабских странах – отсутствие должного централизованного контроля за подбором абитуриентов со стороны официальных российских исламских структур. В 90-е годы подбором обучающихся в России занимались автономно представители практически любых зарубежных исламских организаций.

3. Общественная и религиозно-просветительская деятельность арабо-мусульманской диаспоры в России. По оценочным данным автора, в конце 90-х годов численность арабской диаспоры в Российской Федерации достигала 50 тыс. человек (в частности, только арабское землячество в Москве насчитывало более 10 тыс. человек, приблизительно столько же в Санкт-Петербурге, около 2 тыс. – в Ставрополе, 1 тыс. – в Ростове-на-Дону, чуть меньше в других крупных городах России). Ежегодно российское гражданство или вид на жительство получали несколько сот арабов. Наряду с проживающими в России представителями арабских деловых кругов, натурализовавшихся арабов (в том числе политических эмигрантов) арабо-мусульманские общины в нашей стране состоят, в основном, из студентов различных российских вузов. Кроме того, арабская диаспора в России постоянно пополняется за счет эмигрантов и лиц, прибывающих по линии частного въезда. Некоторые мотивируют свой приезд в Россию соображениями личной безопасности. Постоянно проживающие в России арабы-мусульмане работают, в том числе в качестве персонала в представительствах международных исламских организаций. Они участвуют в создании исламских обществ, выступают инициаторами учреждения на территории России мусульманских организаций, распространяют исламскую литературу и видеоматериалы и т.п.

4. Деятельность на территории России официально зарегистрированных представительств исламских международных и национальных арабских благотворительных организаций. Наиболее заметна роль арабских представителей действующих на постоянной основе в России филиалов международных исламских гуманитарных организаций. Этому способствует широкий спектр решаемых ими уставных задач. Например, Всемирная исламская благотворительная организация (штаб-квартира в Кувейте) занимается в России просвещением, оказанием материальной и моральной помощи мусульманам и мусульманским организациям, издательской деятельностью, финансированием строительства мечетей, организацией

международных исламских форумов. Московское отделение благотворительной организации Международный гуманитарный призыв (ОАЭ) (зарегистрировано в России 24 сентября 1992 г.) осуществляет гуманитарную помощь людям, страдающим от нищеты, болезней, стихийных бедствий, социальных конфликтов и т.п.

С начала 90-х годов в местах проживания этнических мусульман на территории Российской Федерации начали действовать различные исламские гуманитарные организации, связанные с Саудовской Аравией. Наибольшую известность получили: Московское отделение Международной исламской организации спасения (МИСС) (зарегистрировано 10 ноября 1992 г.); Московское отделение Международной ассоциации благотворительной помощи «Тайба» (12 февраля 1993 г.); Московское отделение общественной организации – научного общества Комиссии по научным знаниям в Коране и Сунне (23 апреля 1993 г.); Российский фонд – Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим («Ибрагим аль-Ибрагим»). Последний совместно с Министерством по делам ислама Саудовской Аравии финансирует программы проведения в российских регионах семинаров по исламской тематике. Только летом 1995 г. они прошли в Казани, Уфе, Тюмени и Саратове. Кроме того, Фонд проводил отбор кандидатов для учебы в исламских университетах арабских стран⁹.

5. Проповедническая и организационная деятельность в России представителей исламских миссионерских организаций. Арабо-мусульманское влияние на ситуацию в российском исламе происходит в процессе деятельности различного рода миссионерских организаций, осуществляемой, в том числе, с территории арабских стран. Так, в ряде регионов России (Дагестан, Кабарда, Адыгея, Ингушетия, Татарстан, Башкортостан) обосновались мусульманские миссионеры суннитской Ассоциации уведомления о грядущем Страшном суде и исламского призыва («Джамаат ат-таблиг ва ад-дава аль-исламийя»). Ассоциация возникла в Индии в начале XX в. и затем ее влияние распространилось на Пакистан, Бангладеш, другие страны Азии, большинство арабских стран, а также Европу и Америку. На территории России эта Ассоциация действует со времен Советского Союза. Ее вклад в дело борьбы с коммунизмом саудовские авторы (Аль-Джихни) оценивают весьма высоко¹⁰. Главный духовный центр этой организации находится в Дели, откуда осуществляется руководство национальными ассоциациями во всем мире. Члены Ассоциации заявляют, что «не вмешиваются в политическую деятельность», утверждая, что их политика «отвергает всякую политику». Такая позиция вызывает критику со стороны радикальных фундаменталистов, в частности Исламской группы («Аль-Гамаа аль-исламийя»), которая выступает за активное противодействие «врагам ислама»¹¹.

В ходе учебы в российских вузах или работая в представительствах иностранных благотворительных организаций в России, граждане арабских стран – сторонники такого рода религиозных ассоциа-

ций распространяют исламскую литературу, оказывают идейную и материальную поддержку своим российским единомышленникам. Для пропаганды своих взглядов и поиска новых сторонников члены этих объединений активно участвуют в работе религиозных семинаров, симпозиумах, научных и культурных международных мероприятиях. Иногда под лозунгами «возрождения культурно-исторического наследия ислама» в некоторых мусульманских регионах России активисты этих ассоциаций проводят деятельность, направленную на отрыв их от «влияния Москвы». Значительным их вниманием пользовался до недавнего времени северокавказский регион.

Определенное число исламских миссионеров-арабов прибыло в свое время на Северный Кавказ, добросовестно заблуждаясь в отношении характера происходящих там событий. Позднее, разочаровавшись в целях своего приезда, они предпринимали попытки покинуть районы боевых действий, но оказались заложниками создавшейся ситуации, поскольку прибыли в Россию в обход официальных властей. Вместе с тем в ходе проведения контртеррористической операции в Чечне отмечались случаи непосредственного участия отдельных «проповедников» в деятельности бандформирований. Например, 17 марта 2000 г. в селении Гойты российская контрразведка задержала гражданина Ирака по имени Абд аль-Азиз Мухаммед Абд аль-Ваххаб, дезертировавшего из армии в ходе войны в Персидском заливе и перебравшегося в Данию, где он получил политическое убежище. В июле 1998 г. аль-Ваххаб вылетел в Турцию, а оттуда в Грузию, далее – в Чечню. В рядах боевиков он исполнял роль муфтия, благословляя похищения женщин, убийства единоверцев, пытки и т.п.¹²

В связи с возросшим в 90-е годы участием арабов в возрождении ислама в России и попытками их влияния на религиозно-политическую ситуацию в нашей стране возник ряд проблем. К числу основных предпосылок их появления можно отнести следующие:

– последствия идеологического противостояния с рядом арабских стран в годы существования Советского Союза, взаимное недоверие как один из результатов последующей обоюдной вовлеченности в региональные и международные конфликты (Афганистан, Югославия, Центральная Азия);

– неоднозначность мотивов оказания арабскими странами помощи мусульманам в России (стремление использовать исламскую гуманитарную помощь для создания своих политических позиций в России; ослабить критику правящих режимов за недостаточное внимание к проблемам мусульман в других странах; переориентировать деятельность наиболее активной экстремистки настроенной части религиозной оппозиции за пределы своих стран);

– спонтанность и нескоординированность как между собой, так и с российской стороной попыток арабо-мусульманских стран, их орга-

низаций и отдельных граждан (подданных) оказать поддержку российским мусульманам;

- слабое знание некоторыми арабскими представителями действующего в России законодательства, российских реалий; отдельные попытки действовать в обход существующих в Российской Федерации официальных религиозных структур;

- отсутствие должного учета российской стороной обязательности исламских приоритетов во внешнеполитической деятельности ряда арабских стран;

- недостаточная проработка российской стороной позиции в отношении проблемы религиозного экстремизма, отсутствие четкого понимания существа проблемы исламского фундаментализма и его связи с мусульманским экстремизмом;

- тенденциозность в освещении рядом арабских и российских СМИ деятельности обеих сторон в связи с событиями на Северном Кавказе.

Среди основных проблем, вызванных арабо-мусульманским влиянием на ислам в России можно отметить следующие:

1. Превращение проповеднической деятельности арабских миссионеров, получения исламского образования за рубежом, финансирования исламских социальных проектов, гуманитарной помощи и других проявлений «исламской солидарности» с российскими единоверцами в фактор напряженности в российско-арабских отношениях. Поддержка мусульман в других странах считается одним из основополагающих направлений внешней политики ряда арабских государств. В этой связи, анализируя, например, особенности внешнеполитического курса государств Персидского залива по отношению к другим странам, в том числе к России, следует исходить из обязательных для этих государств исламских приоритетов. Отечественными специалистами отмечалось, что «характерной спецификой внешнеполитического курса монархий Персидского залива является ярко выраженное присутствие арабского и исламского компонентов, без которых они бы в значительной мере утратили свою индивидуальность как самостоятельные субъекты». Такое положение имеет соответствующую нормативную базу: в конституциях и основных законах всех стран «аравийской шестерки» наряду с арабизмом фиксируется исламская самоидентификация. Кроме того, «практически во всех заявлениях местных монархов говорится об их приверженности «исламской солидарности»»¹³. Соответствующее обоснование правомерности применения «исламской дипломатии» в международных делах дается видными представителями научных кругов этих стран (например, Фахд аль-Микрад, Кувейт).

Практическая реализация исламских установок на российском направлении внешнеполитической деятельности стран Персидского залива в 90-е годы стала создавать условия для возникновения определенных проблем в отношениях с нашей страной. Изменения в

религиозно-политической сфере жизни российского общества оказались не столь благоприятными для распространения в России «исламского призыва», как это ожидалось вначале. Попытки арабских стран сыграть активную роль в духовной и идейно-политической жизни российской мусульманской общины накладывались на сложное переплетение политических интересов внутри российского общества.

2. Несовпадение подходов к ведению миссионерской и благотворительной деятельности, осуществляемой представителями арабских исламских организаций и отдельными лицами на территории Российской Федерации, с позицией российской стороны в отношении рамок такого рода работы. Стремление арабских стран в 90-е годы оказать поддержку российским мусульманам носило преимущественно спонтанный характер. В литературе отмечалось, что до 1998 г. никаких специальных общеисламских программ оказания помощи российским мусульманам не планировалось¹⁴. Это обстоятельство во многом предопределило противоречивый характер оказываемой представителями арабских исламских организаций помощи (миссионерской, финансовой и др.) своим единоверцам в России, а также неоднозначность последующих оценок СМИ в отношении участия арабов в возрождении ислама в нашей стране. Например, в связи с нарастанием сепаратистских тенденций в районах традиционного распространения ислама в России внимание российской стороны стала привлекать деятельность некоторых саудовских и международных исламских организаций, штаб-квартиры которых расположены в Саудовской Аравии. Линия, проводимая представителями этих организаций в России по вопросам взаимодействия с местными официальными религиозными учреждениями, и осуществлявшаяся в соответствии с принципом «исламской солидарности» работа в мусульманской общине России в первую очередь стали предметом беспокойства российской стороны.

С учетом достаточно сложной религиозно-политической обстановки в самой Саудовской Аравии, следует конкретно подходить к анализу как мотивов, так и последствий оказания исламской гуманитарной помощи и проведения просветительской деятельности подданными королевства в России. Бóльшая часть негативных оценок звучала в 90-е годы в российских СМИ в адрес именно неправительственных религиозных и религиозно-политических структур, действовавших с территории Саудовской Аравии, контроль за которыми по тем или иным причинам соответствующие государственные органы королевства не могли полностью обеспечить. Проблема осложнялась тем, что на фоне значительной подверженности саудовского населения исламской риторике и его немалых финансовых возможностей местные состоятельные приверженцы «салафизма» по собственной инициативе осуществляли пожертвования действующим за рубежом радикальным организациям на нужды «защиты интересов мусульман».

Кроме того, было бы неверным преувеличивать возможности саудовских властей и по контролю за деятельностью крупных международных панисламских организаций. Сложность заключается в том, что такие структуры как Всемирная исламская лига (ВИЛ), включая Международную исламскую организацию спасения (МИОС – «Аль-Игаса»), Всемирная лига исламской молодежи (ВЛИМ), Всемирный высший совет по делам мечетей (ВВСДМ) и другие при содействии саудовцев создали разветвленную зарубежную сеть представительств, которые финансируются местными исламистами и действуют фактически бесконтрольно. В прессе сообщалось о том, что указанные и другие организации оказывали значительную финансовую помощь исламским структурам Северного Кавказа, в том числе в Чечне¹⁵. Несмотря на то, что их штаб-квартиры находятся на территории Саудовской Аравии и в финансовом отношении они в значительной степени опираются на поддержку со стороны королевства, эти организации не всегда следуют рекомендациям саудовского правительства. В частности, им рекомендовано не выходить за рамки официальной линии Эр-Рияда на невмешательство во внутренние дела других государств и проявлять полную лояльность по отношению к властям тех стран, где имеются их представительства.

3. Несоблюдение отдельными представительствами международных и национальных арабских исламских организаций в России, а также некоторыми гражданами арабских стран, ведущими религиозно-просветительскую деятельность в нашей стране, действующего законодательства. На начальном этапе в деятельности представительств таких организаций в России стала просматриваться тенденция по созданию структур «параллельного ислама». Возглавлявшие их российские граждане оказались связаны с этими организациями или их представителями в финансовом отношении. В обход российских официальных мусульманских учреждений ими осуществлялось распространение религиозной литературы, строительство мечетей и исламских культурных центров, материальное содействие желающим совершить хадж, а также оказание финансовой помощи отдельным священнослужителям. Они также оказывали информационное содействие работе зарубежных представителей, помогали им устанавливать связи с чиновниками государственного аппарата и депутатами из числа этнических мусульман России.

Кроме того, минуя официальные российские религиозные учреждения в российских регионах, некоторые арабские исламские организации предпринимали попытки создания исламских учебных заведений для детей. В 1992–1994 гг. такие учебные лагеря организовывались на территории Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Башкортостана и Дагестана. В качестве преподавателей привлекались сотрудники организаций из различных арабских и других исламских государств. Наиболее перспективных учащихся подго-

тавливали для последующего продолжения образования за рубежом (в Саудовскую Аравию, Тунис, Египет и др.). В литературе отмечалось, что особой активностью на Северном Кавказе, включая Дагестан, отличалась международная Ассоциация благотворительной помощи «Тайба», контролируемая Саудовской Аравией¹⁶. Кроме того, под эгидой Всемирной ассамблеи исламской молодежи был открыт учебный лагерь «ваххабитов» в Азербайджане (микрорайон Джанджлик в Баку). Преподававшие там саудовец Мухаммед Салем Абдель Хамид, сомалиец Мохаммед Али Хороко, йеменцы Ареф Абдалла и Хаурузи Каид Абд ар-Рахман осуществляли подготовку исламских кадров и распространение религиозной литературы и видеокассет для Северного Кавказа, включая Чечню¹⁷.

В ходе проведенной в начале 1995 г. в Министерстве юстиции России проверки деятельности отдела регистрации уставов общественных объединений были установлены многочисленные факты нарушения действующего законодательства об общественных объединениях рядом зарубежных исламских общественных структур (российские отделения МИСС, международная Ассоциация благотворительной помощи «Тайба», Агентство гуманитарной помощи, межрегиональное общество Информация и мир, межрегиональное общественное объединение Исламский конгресс, межрегиональное общественное объединение Мусульманский молодежный союз и др.). Как выяснилось, инициаторами создания большинства отделений были указаны одни и те же российские граждане, которые отрицали какую-либо причастность к фактам своего участия в открытии филиалов зарубежных фондов и организаций, а также членства в них. Руководящие должности в зарегистрированных по инициативе российских граждан отделениях зарубежных исламских организаций занимали иностранцы, членство которых в созданных структурах документально не было подтверждено.

Практика работы арабских исламских благотворительных фондов в России показала наличие целого ряда проблем. В литературе уже отмечалось, что на рубеже 80–90-х и в начале 90-х годов среди российских мусульман, в особенности из числа религиозных и общественных деятелей, имела место эйфория относительно перспективы материальной поддержки исламского возрождения в России. Они буквально засыпали просьбами о вспомоществовании делегации из богатых нефтедобывающих стран. Причем деньги, полученные на возрождение религии, уходили в коммерческие структуры¹⁸. Стало заметно, что многие арабские представители слабо ориентируются в российских реалиях, проявляют излишнюю доверчивость в отношении непорядочных «деятелей от ислама». Начали вскрываться факты, свидетельствовавшие о том, что полученные от исламских фондов средства использовались российскими гражданами в целях личного обогащения.

В отдельных случаях гуманитарной деятельностью занимались выходцы из арабских стран, имевшие небезупречную репутацию. В

частности, как было установлено в процессе разработки российскими спецслужбами гражданина Египта Саад ад-Дин Саад Таха аль-Лаббана, в начале своей деятельности в Саудовской Аравии он занимался организацией паломничества в Мекку и, собрав порядка 8 млн. долл., скрылся в Египте. За финансовые махинации у себя на родине он был приговорен к тюремному заключению, но бежал в Россию, где активно издавал «ваххабитскую» литературу, организовывал исламские курсы и поддерживал тесные отношения со всевозможными исламскими организациями, находящимися на территории России, бывших республик Советского Союза (в Астане он занял пост руководителя Института арабского языка и восточной литературы).

Финансирование этой деятельности поступало от крупных бизнесменов из Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта, Кувейта. При этом не все суммы использовались по гуманитарному назначению. Как следует из объяснительной записки бывшего сотрудника фонда «Зам-Зам» Биляля Сайда (ливанца, 1974 г. рождения), аль-Лаббан в течение 1998 г. получил более 500 тыс. долл. наличными на благотворительные цели от различных зарубежных исламских организаций. Фактически на благотворительные цели было израсходовано около 20 тыс. долл. Остальная сумма пошла на финансирование незаконных вооруженных формирований в Чечне (Хаттаб-Басаев). Часть средств была присвоена лично аль-Лаббаном. Для этих целей он использовал созданную им в Москве в 1995 г. корпорацию «Развитие», которая торговала конфетами и макаронными изделиями, и организованный им же в 1998 г. благотворительный фонд «Зам-Зам»¹⁹.

4. Стремление политических сил сепаратистской направленности в России использовать зарубежную помощь, а также авторитет и возможности международных и национальных арабских исламских организаций в своих интересах. Создававшиеся в 90-е годы в России политические организации, использовавшие исламскую символику, предпринимали активные попытки по налаживанию контактов с международными и национальными арабскими исламскими организациями. Со своей стороны, некоторые арабские представители принимали участие в подготовительных мероприятиях по созданию политических организаций в России. Например, генеральный секретарь Международного союза исламских студенческих организаций Мустафа Мухаммед Тахан так описывает свое непосредственное участие в создании Исламской партии возрождения (ИПВ) на территории России. По его словам, «Исламская партия возрождения возникла в период перестройки как отражение идеи создания независимого района для мусульман». М.Тахан пишет: «Мы проконсультировались с некоторыми нашими братьями в Москве, Узбекистане, Таджикистане и других странах и назначили проведение учредительной конференции в Астрахани 9 июня 1990 г. На ней собралось около 200 делегатов из всех исламских районов. Мы объявили на этой конференции о создании Ислам-

ской партии возрождения. Требования партии сводились к призыву объединения мусульман Советского Союза, воспитанию подрастающего поколения в духе Корана и сунны, защите социальных и политических прав мусульман. ИПВ издала ряд книг на местных языках, газет и журналов: “Ад-Даава” в Узбекистане, “Баям хак” и “Ан-Наджа” в Таджикистане, “Нур аль-ислам” на Северном Кавказе, “Аль-Вахда” (“Единство”) в Москве. Наша партия действовала (в интересах – *К.П.*) преодоления регионализма, исламских юридическо-теологических расхождений и всего того, что нарушает единство мусульман в этой стране»²⁰.

Иной взгляд на участие иностранных представителей в создании политических партий на территории Российской Федерации, в частности ИПВ, был у российских правоохранительных органов. Так, в ноябре 1992 г. российская контрразведка, осуществлявшая разработку ИПВ, сообщала, что «большую часть зарубежных эмиссаров составляют приверженцы ваххабитского толкования ислама, финансирующие Исламскую партию возрождения. В Дагестане эмиссары активно используют структуры махачкалинского Исламского культурного центра. В этом плане выделяется гражданин ОАЭ Сервах Абед Саах, организовавший в Кизилюртовском и Хасавюртовском районах издание, пропагандирующее ваххабизм, а также руководитель филиала Международной исламской организации «Спасение» по Северному Кавказу и Азербайджану гражданин Алжира Зарат Абд аль-Кадир, который финансирует подготовку боевиков в Чечне». По данным российских спецслужб, филиалу ИПВ в Дагестане Саудовской Аравией в 1992 г. было выделено 17 млн. долл.²¹

В отдельных случаях компетентные органы шли на пресечение деятельности представителей подобных организаций. Причиной такой реакции властей было то, что зарубежные миссионеры в своих проповедях допускали высказывания, вызывающие межрелигиозную рознь. Например, в 1993 г. подданный Саудовской Аравии Абд аль-Хамид Джафар Дагистани, который возглавлял русский отдел отделения МИСС («Аль-Игаса») в Саудовской Аравии, выступая в Исламском институте (бывшем Доме политпросвещения) в Грозном, открыто призвал к «джихаду» – «священной войне с неверными». По данным российских правоохранительных органов, А.Дагистани выполнял деликатные поручения саудовских спецслужб. Четыре месяца в году он проводил в России, совершая поездки в Татарстан и на Северный Кавказ. В том же 1993 г. он предпринял попытку объединить мусульман Татарстана и близлежащих регионов в исламское общество фундаменталистской направленности «Сура». Два года спустя посольству Королевства Саудовская Аравия было заявлено о нежелательности его пребывания на территории России²².

5. Возможное включение территории России в зону влияния радикальных исламских неправительственных религиозно-

политических организаций (НРПО) Ближнего Востока, прибегающих к методам террора. В конце 90-х годов появилась угроза вовлечения России в зону влияния радикальных исламских группировок ближневосточного и североафриканского происхождения. Следует отметить, что рассмотрение влияния НРПО стран Ближнего Востока и Северной Африки на ситуацию в российской мусульманской общине и процессы радикализации ислама в России связано с рядом трудностей. Во-первых, деятельность, проводимая такого рода объединениями, носит преимущественно негласный характер (что определяет скудность источниковедческой базы). Во-вторых, акции НРПО вызывают наибольший резонанс в общественном мнении, поскольку часть из них прибегает в своей борьбе к методам террора (что обуславливает противоречивость фактических данных). В-третьих, экспертные оценки результатов их деятельности в определенной мере подчинены конъюнктурным соображениям политической ситуации (что сказывается на их объективности).

Возможность включения России в зону деятельности НРПО определяется рядом предпосылок. Прежде всего следует указать на стремление части арабских НРПО перенести свою пропагандистскую и организационную деятельность туда, где население оказывается более восприимчивым к идеям исламского фундаментализма. Можно согласиться с мнением российского исследователя В.Ахмедова, который считает, что «некоторые радикальные исламские организации, не имеющие в силу ряда субъективных и объективных факторов возможности самореализоваться в районах исторического влияния исламской цивилизации, нашли удобную нишу для воплощения своих замыслов на периферии исламского мира, регионе, где традиционно были устойчивы позиции христианства, а население в своей массе было слабо подготовленным в культурно-просветительском плане к восприятию идей истинного ислама»²³. Наряду с серьезными противоречиями между самими НРПО (достаточно указать на борьбу за лидерство между палестинскими исламскими группировками) одним из возможных объяснений идейно-политического кризиса, поразившего «традиционные» группировки исламистов в 90-е годы, стала растущая конкуренция их влиянию со стороны так называемого ваххабизма (в литературе еще: «псевдоваххабизм», «конфликтный ваххабизм» и т.п. – не путать с господствующей религиозной ваххабитской доктриной в Королевстве Саудовская Аравия!). Если раньше, в 70–80-е годы, радикальные исламские группировки (преимущественно суннитские фундаменталистские) на Ближнем Востоке носили достаточно замкнутый характер, представляя собой своеобразные «секты» носителей «истинного» ислама, то те, кого сейчас в разных странах мира принято называть «ваххабитами», составляют как бы новую генерацию агрессивных исламистов.

Кроме того, существуют предпосылки, связанные с участием в 90-е годы России в разрешении различных региональных конфликтов,

значительная часть которых происходила в мусульманских регионах. Ввиду наличия «горячих точек» на территории России (Северный Кавказ), в непосредственной близости от ее границ (Центральная Азия), а также в зоне внешнеполитических интересов Российской Федерации (Балканы, Ближний Восток) Россия в период 1994–1999 гг. оказалась противопоставлена целому ряду исламских стран и движений. В свою очередь, вовлеченные в эти же конфликты ближневосточные НРПО оказались «по разные стороны баррикад» с Россией. Это противостояние стало заметным в ходе событий на Балканах. В связи с резким обострением вооруженного конфликта в Косово радикальные исламские крути в арабских странах приняли участие в антисербской пропагандистской кампании. Например, лидеры египетских группировок «Аль-Гамаа аль-исламия» и «Аль-Джихад аль-ислами», воспринявшие позицию России в балканском кризисе как враждебную мусульманам Косово и исламскому миру в целом, выразили намерение действовать против интересов России. Другое влиятельное ближневосточное движение – ХАМАС в своем заявлении по поводу косовских событий призвало арабские и исламские государства «принять меры по оказанию срочной помощи мусульманам Косово и предотвращению повторения трагедии, которая выпала на долю палестинского народа». Однако главным виновником кризиса ХАМАС называло все же США, которые «прикидываются защитниками мусульман Косово, хотя поддерживают сионистскую оккупацию Палестины и террористические действия против палестинского народа». Представители ХАМАС заявили также, что «американское вмешательство – это попытка под прикрытием лозунга о правах человека достичь собственных целей, заключающихся в установлении полного контроля на Балканах»²⁴. К этому следует добавить, что до конца 90-х годов угрозы со стороны ближневосточных НРПО, как правило, не были направлены конкретно против России, а обращены в адрес всех европейских стран.

До конца 90-х годов не было достаточных оснований утверждать о широкомасштабной идеологической и организационной деятельности арабских НРПО на территории России. Судя по косвенным признакам, идейно-политическая активность ближневосточных НРПО в России направлена в основном на колонию арабоязычных выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Среди них встречаются лица, симпатизирующие идеям группировок, возникших на базе «Братьев-мусульман» («Аль-Гамаа аль-исламия», «Аль-Джихад аль-ислами», ХАМАС и др.). В интересах своих организаций отдельные их представители занимаются изучением и анализом социально-политического и экономического положения в странах СНГ. Повышенный интерес представители радикальных арабских НРПО проявляли к региону Северного Кавказа. В свое время в обход официальных духовных управлений в России эмиссары НРПО организовывали отправку российских граждан из Дагестана и Чечни в исламские

учебные заведения в арабских странах. В этих учебных заведениях в течение нескольких лет отдельные студенты подвергались активной идеологической обработке со стороны функционеров НРПО и возвращались в Россию фанатичными приверженцами идей «чистого» ислама. Кроме того, на территории Чечни в специальных лагерях инструкторы, которые являлись, как правило, членами или сторонниками, в том числе, арабских НРПО, помимо преподавания военных дисциплин вели пропаганду идей сепаратизма и создания на новых «независимых» территориях «исламских государств».

6. Конфликтотенный характер соотношения «привнесенных» мазхабов с традиционными формами ислама в российских регионах: противоречие между «традиционным» (российским) и «чистым» (т.н. «арабским») исламом. Активная проповедническая деятельность миссионеров-арабов в Российской Федерации может служить основанием для краткого рассмотрения вопроса сочетания «привнесенных» мазхабов с традиционными формами ислама в российских регионах. Отечественный исследователь А.А.Ярлыкапов на основании данных своих полевых исследований, проведенных в Ногайской степи, убедительно показывает, что даже сама по себе растущая разобщенность российских мусульман по мазхабам (ханифитскому и шафиитскому) несет в себе большой конфликтотенный заряд. Им отмечается, что к концу 80-х годов, когда началось бурное возрождение ислама, основная масса мусульман уже была оторвана от традиционно исповедуемых форм ислама. О таких тонкостях, как ориентация на определенный мазхаб, помнили лишь муллы, да и то не все. В начале 90-х годов, когда интерес к исламскому вероучению особенно возрос, рынок мусульманских регионов страны, в том числе и Ногайской степи, заполнила прекрасно подготовленная и изданная литература на русском языке (в издательствах «Сантлада», «Бадр», известных своей ваххабитской направленностью). Эта литература, с одной стороны, немало способствовала росту образованности мусульман, но с другой, она готовила почву для радикализации определенной их части, в первую очередь молодежи, ставшей основным ее потребителем. Широко распространявшиеся «ваххабитскими» издательствами работы идеологов исламского фундаментализма (Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, Абу Аля аль-Маудуди и др.) воспитывали в них неприятие традиционных для российских мусульман форм ислама²⁵.

В этой связи можно было бы указать на некоторые, не вполне совершенные с точки зрения перевода произведения, изданные в 2000 г. под эгидой Министерства по делам ислама, вакуфов, призыва и наставления Саудовской Аравии при содействии благотворительной организации «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим». В одной из таких книг, написанной ведущим саудовским теологом Бен Базом, говорится следующее: «Пророк Мухаммед сказал: “действующий против наших приказаний является отклоняющимся (грешным)”. Это зна-

чит, что нарушающий открыто или тайно, должен знать, что он становится безбожником и должен ожидать возможности убийства или заключения его»²⁶. Очевидно, что отсутствие надлежащей редакции не только затрудняет правильное понимание данного и некоторых других высказываний саудовского религиозного деятеля, но и приводит к искажению смысла (может быть понято так, что «грешник» становится «безбожником» и превращается в объект убийства).

В качестве примера российского региона, где в последние годы «синтезировался» ислам фундаменталистской направленности, можно привести Республику Дагестан. Несмотря на то, что сложившаяся там ситуация стала следствием целого комплекса социально-экономических и политических противоречий, важным фактором ее развития выступило привнесение в республику извне идей «возрождения» ислама. Уже в середине 80-х годов в Дагестане стала отмечаться активизация миссионерской деятельности «ваххабитов» (главным образом в ряде городов и районов республики, преимущественно с аварским и даргинским населением – Махачкала, Буйнакск, Кизилюрт, Сухокумск, Табасаран и др.). Их деятельность в начальный период сводилась к собственному организационному строительству, открытию школ, агитации и пропаганде, привлечению сторонников. Постепенно шло формирование собственной фундаменталистской доктрины. Некоторые обозреватели (например, М.Л.Шевченко) высказывают в этой связи предположение о создании в «джамаатах» Дагестана собственной школы фикха (исламской юриспруденции).

В свою очередь, представители ДУМЕР отмечали, что для ваххабизма на Северном Кавказе и в меньшей степени в других регионах, где компактно проживают мусульмане, «характерно стремление реформировать традиционный суннизм, адаптированный к российским историческим реалиям, и привести его в соответствие с тем нормативным пониманием ислама, который привился во времена Пророка Мухаммеда и его сподвижников»²⁷. Схожей оценки придерживается председатель Исламской демократической партии Дагестана Абдурашид Саидов, отмечая, что «в доктринальном смысле сторонники Багауддина – это мусульмане, которые совершенно не признают традиционные или этнические наслоения на сам ислам» (при этом сами «ваххабиты» называют себя «салафитами») ²⁸. Со временем привнесенные в Дагестан идеи исламского фундаментализма стали претерпевать изменения в сторону все большей радикализации. В конце 90-х годов, по мнению З.Арухова, «о “ваххабизме” в Дагестане можно говорить лишь условно, так как нынешние дагестанские радикалы “выросли” из ваххабизма, и сегодня их следовало бы называть “салафитами”». До того, как они пришли к идеям ваххабизма, они разделяли идеи “Братьев-мусульман”, и, как показывают последние события, на настоящем этапе их деятельность все более соот-

ветствует идеологии крайне радикальных организаций типа “Гамаат аль-джихад”, “Аль-Джихад аль-ислами”, “Хизбалла”²⁹.

В этой связи следует отметить, что вопрос о происхождении (отечественном или зарубежном) появившегося в Дагестане, а также в некоторых других регионах Российской Федерации «ваххабизма» стал постепенно переходить в другую плоскость. Видимо, идеи «очищения» ислама уже стали «приживаться» на постсоветском пространстве, соединившись с местными фундаменталистскими течениями. В этих районах нарастает противостояние между «российским» (традиционным) и, как его теперь называют, «арабским» («салафитским») исламом.

7. Вовлеченность арабских стран в конфликт на Северном Кавказе. События в Дагестане и Чечне стали серьезной проверкой для традиционно дружественных отношений между арабо-мусульманскими странами и Россией. Официальная реакция правительств большинства арабских государств на обострение конфликта была фактически однозначной – невмешательство во внутренние дела России, поддержка борьбы с терроризмом и сепаратизмом, обеспокоенность проблемой беженцев. Вместе с тем по мере развития ситуации в зоне конфликта в прессе все чаще стали появляться сведения, которые указывали на возможность прямого или косвенного финансирования и оказания иной помощи дагестанским и чеченским сепаратистам с территории арабских стран. В частности, со ссылкой на данные правоохранительных органов российская пресса сообщала о том, что эмиссары «независимой Ичкерии» «выколачивают» деньги из чеченских диаспор в арабских странах и частных лиц. Чаще всего сбор средств производится под прикрытием негосударственных общественных и религиозных организаций якобы для оказания помощи страдающему от продолжения военных действий чеченскому населению. Чеченские диаспоры, раскиданные по всему миру, поддерживают тесные связи с многочисленными российскими землячествами, именно через них осуществляя переброску средств в Ичкеррию. В частности, согласно оперативным данным российских спецслужб, Басаев и Хаттаб направили во все «сочувствующие» их делу страны и организации своих представителей с просьбами о финансовой поддержке (в Саудовскую Аравию, Катар, ОАЭ, а также в Афганистан к «талибам» и Усаме бен Ладену). В своих обращениях они ссылались на неизмеримо возросшие расходы по проведению «джихада» в Дагестане, а также на то, что существенно сократились поступления от чечено-ингушских предпринимателей и преступных групп в других регионах Российской Федерации³⁰.

В свою очередь, З.Яндарбиев совершил поездку в ОАЭ, Катар, Саудовскую Аравию и другие страны с целью добиться от экстремистских исламских организаций финансирования и переброски в Чечню подготовленных в спецлагерях на территории Афганистана боевиков³¹. Кроме того, стало известно, что представители чеченских сепаратистов в Турции по каналам электронной почты обратились к

лидерам радикальных исламских организаций и движений с просьбой срочно выделить им финансовые средства и активизировать анти-российскую пропаганду. Их адресатами стали Мировой фронт «джихада» Усамы бен Ладена, «Аль-Джамаа аль-мусаллаха» (Алжир), ХАМАС (Палестина), ливийские религиозные экстремисты в эмиграции. В результате в августе 1999 г. указанные и другие организации якобы передали лидеру чеченских «ваххабитов» Абдул Малику и чеченским руководителям около 1 млн. долл.³²

Одним из основных способов передачи финансовых средств стал канал курьеров. На территории России неоднократно задерживались представители арабских стран (и другие иностранцы), которые въехали в страну совершенно легально, имея при себе огромные суммы в долларах. Затем эти деньги оседали в Чечне³³. Так, азербайджанскими пограничниками были задержаны в приграничном с Грузией Белоканском районе двое граждан Ирака, которые пытались проникнуть сначала в Грузию, а затем в Чечню. При себе они имели 300 тыс. долл.³⁴ Кроме того, была налажена переправка денежных средств для чеченских сепаратистов по надежно действующим «окнам» на российско-грузинской границе. Использовались и другие каналы, в том числе «из рук в руки». Уже упоминавшийся египтянин аль-Лаббан в декабре 1998 г. во время поездки на Северный Кавказ на конференцию «Конгресса народов Ичкерии и Дагестана» лично передал Басаеву 200 тыс. долл.³⁵ Указанные и другие факты свидетельствовали вначале лишь об эпизодических попытках финансовой помощи чеченцам со стороны частных лиц и отдельных организаций, осуществляемых с территории арабских стран.

По мере продолжения контртеррористической операции в Чечне в прессу стали все больше просачиваться сведения о начале процесса возрастания такого рода поддержки, которые требовали своего критического осмысления. Сотрудники российских спецслужб, которые вскрывали факты причастности арабских стран к финансированию чеченских сепаратистов, в своих заявлениях для печати подчеркивали, что «не имеют в виду какую-либо помощь, предоставляемую по правительственным каналам, однако деятельность различного рода «благотворительных» фондов и религиозных организаций осуществляется именно на территории этих государств»³⁶. Так, в конце 1999 г. в Кувейте была создана неправительственная Организация исламского спасения Чечни («Муназзамат аль-игаса ли Шешен»). В официальных реестрах госучреждений страны она первоначально не была зарегистрирована, чтобы не попасть под контроль местных властей. Как утверждалось, в своей деятельности она замыкается на Хаттаба. В задачи организации входил сбор финансовых средств, вербовка наемников и переправка их в Чечню. Маршрут доставки средств проходил через Турцию в Азербайджан, где они передавались представителям чеченских сепаратистов. За одну операцию в течение трех суток удавалось

переправлять до 100 тыс. долл.³⁷ По данным российских спецслужб, члены другой кувейтской религиозной организации – Возрождение исламского наследия («Ихья ат-турас аль-ислами») перечислили на счет «ваххабитского» центра «Кавказ» 40 тыс. долл.³⁸

Среди кувейтских неправительственных организаций, которые оказывали финансовую, а также «гуманитарную» помощь сепаратистам в Чечне, в российских спецслужбах указывали на Общество социальных реформ («Social reform society») во главе с Абдаллой аль-Мутауи. Эта организация имела региональное представительство в Грозном, куда переправлялись наличные деньги из Баку. Кувейтские представители действовали главным образом через Азербайджан, а деньги доставлялись курьерами без особой конспирации, поскольку эти финансовые суммы представлялись как пожертвования в пользу местных общин, школ, мечетей и т.д.³⁹ Региональные представительства этой организации в Баку возглавлял некий Ахмад Абу Сайд. Деньги, в основном, получала группировка Хаттаба⁴⁰. Как сообщили в тот период агентству «Интерфакс» источники в российских спецслужбах, один из ближайших соратников президента Чечни Ислам Халилов, вернувшись из Кувейта, привез 2 млн. долл., собранных бизнесменами этой и других арабских стран. И.Халилов был приглашен в Кувейт представителем «Исламского центра», который ранее якобы передал в Чечню 11,5 млн. долл.⁴¹

В Катаре к проведению кампании по сбору пожертвований для пострадавших и беженцев в Чечне активно подключились пресса, телевидение и радио. Возглавила сбор средств неправительственная организация Благотворительное общество Катара («Джамият Катар аль-хейрийя») под руководством Абдаллы Дабига. К декабрю 1999 г. этой организацией для помощи Чечне было собрано около 8 млн. долл. В марте 2000 г. в столицу Катара Доху прибыл экс-президент Чечни З.Яндарбиев (приглашен благотворительным обществом «Ид бен Мухаммед»). Он выступил с лекцией в Катарском университете, на которой присутствовали председатель Национального совета по делам молодежи и спорта, председатель упомянутого общества Мухаммед бен ат-Тани, а также послы Боснии, Мавритании и Йемена. В своей лекции на тему «Чеченское видение исламского мира» З.Яндарбиев подверг критике «негативную позицию» руководителей мусульманских стран. Он фактически обвинил их правительства в том, что они боятся России и поэтому не заявляют о своей поддержке борьбы чеченского народа. Кроме того, З.Яндарбиев сообщил, что генеральный секретарь Организации Исламская конференция (ОИК) И.Лараки, с которым он встречался в Джидде, отклонил его призыв к созыву совещания министров иностранных дел ОИК для обсуждения чеченской проблемы. Следует отметить, что другие страны Персидского залива – ОАЭ, Оман отказались принимать З.Яндарбиева.

С аналогичными пропагандистскими целями чеченские делегации посещали и другие арабские страны. В частности, 20 января 2000 г. в сто-

лицу Бахрейна Манаму как гости бахрейнской общественной организации Общество исправления («Джамият аль-ислах») прибыла группа чеченских представителей. Во время своих выступлений главный акцент они сделали на борьбе за свободу отправления ислама. Чеченцы обвиняли русских, в том, что они якобы отняли у чеченского народа возможность посвятить себя «распространению религии и пробуждению исламского сознания». Члены делегации информировали о положении вокруг Грозного и потерях федеральных сил. В результате для чеченцев было собрано 15 тыс. долл. пожертвований, золотые украшения и драгоценности⁴².

Власти Объединенных Арабских Эмиратов также проявили внимание к проблеме оказания помощи мусульманам в Чечне. В конце декабря 1999 г. чеченская делегация во главе с министром транспорта И.Лабазановым официально посетила ОАЭ и была принята наследным принцем Дубая министром обороны ОАЭ шейхом М. аль-Мактумом. В ходе визита рассматривались вопросы политической и военной ситуации в Чечне, бедственного положения жителей, оказания гуманитарной помощи, а также возможности размещения на территории ОАЭ чеченских беженцев. Кроме того, под воздействием радикальных кругов в ОАЭ увеличился поток прочеченской пропаганды в средствах массовой информации. В конце января 2000 г. М.аль-Мактум провел совещание с главами некоторых спутниковых арабских телеканалов («МВС», «Аль-Джазира», «33»). В своем выступлении министр остановился на форме подачи информации электронными СМИ, подчеркнув, что репортажи о Чечне должны убеждать местную аудиторию в необходимости финансовой и моральной помощи единоверцам⁴³. К оказанию материальной поддержки российским «ваххабитам» подключились некоторые финансовые структуры ОАЭ, в частности Исламский банк, возглавляемый чеченцем по национальности Саидом Лута⁴⁴.

Особое место среди арабских стран в деле оказания помощи Чечне заняла Иордания. В королевстве проживает примерно 50 тыс. черкесов и чеченцев – выходцев с Кавказа, бежавших с родины в конце XIX в. после кавказской войны и переселенных в эти края правительством Османской империи⁴⁵. Около 10 тыс. чеченцев, представляющих 33 родовые группы (в основном выходцы из Ножай-Юртовского района Чечни и Хасавюртовского района Дагестана), проживают в четырех городах – Амман, Сухна, Сувейлих, Зарка (последний считается национальным духовным центром). В Иордании действует ряд северокавказских культурных и гуманитарных чеченских ассоциаций. Достаточно указать на такие из них, как Чеченское благотворительное общество под руководством чеченского шейха Абд аль-Баки Джамо (бывший министр по делам парламента Иордании) и Общество друзей Чечено-Ингушетии под руководством Сайда Бено (бывший министр общественных работ Иордании, его родственник – Салих Бено – возглавляет службу безопасности Аммана). По мнению обозревателей, эти ассоциации ведут сбор информации о Российской Федерации, включая Чечню⁴⁶.

Последнее обстоятельство служит возможной причиной того, что деятельность чеченской диаспоры в Иордании в поддержку Чечни часто отождествляется с участием Иордании в северокавказском конфликте. В литературе уже отмечалось, что, например, участвовавшие в боевых действиях в Чечне 1994–1996 гг. выходцы из Иордании были именно иордано-чеченцами, а не арабами⁴⁷. Вместе с тем радикальные исламские круги в Иордании приняли участие в сборе средств для Чечни. В середине января 2000 г. в пригороде Аммана – Сувейлехе, населенном преимущественно выходцами из Северного Кавказа, состоялся массовый «фестиваль солидарности с Чечней», организованный иорданскими «Братьями-мусульманами» и упомянутым Обществом друзей Чечено-Ингушетии. В ходе митинга проводился сбор пожертвований в пользу чеченцев. В процессе проведения этого мероприятия один из лидеров местной Ассоциации «Братья-мусульмане» А.Арабият охарактеризовал Чечню как один из плацдармов «мирового джихада», «лагерь воинов ислама», окончательная победа которых не вызывает сомнений. Всего иорданское отделение международной Ассоциации «Братья-мусульмане» с начала 1999 г. собрало для Чечни около 20 млн. долл. Координировал эту работу глава шариатского суда Ичкерии Абу Умар, иорданец по происхождению. Деньги поступали в Баку в офис неправительственного фонда «Аль-Харамейн», а затем в Чечню. За один раз осуществлялась перевозка примерно 100 тыс. долл. Наличную валюту курьеры доставляли в Чечню горными тропами через Грузию⁴⁸. Информация о сборе в Иордании 20 млн. долл. на нужды чеченских боевиков подтверждалась представителями МИД России⁴⁹.

В Йемене также отмечалась активизация радикальных исламских кругов в поддержку чеченских сепаратистов. Как уже отмечалось ранее, в силу внутривнутриполитических и социально-экономических причин (сепаратизм шейхов крупных племенных конфедераций, кризис официальной идеологической доктрины, тяжелое экономическое положение в южных провинциях) власти Йемена не могут в полной мере контролировать деятельность местных и приезжих исламистов⁵⁰. Кампанию по сбору финансовых средств для чеченцев развернули представители йеменского Объединения в защиту реформ («Аль-Ислах»). За первые десять месяцев 1999 г. «ислаховцами» было собрано около 4,5 млн. долл., которые поступили на личный счет йеменского шейха Абд аль-Маджида аз-Зиндани⁵¹. С августа 1999 г. в йеменских городах Сане, Мукалле, Иббе, а также в провинциях Лахедж и Махра начали функционировать пункты, где чеченские эмиссары вели пропагандистскую работу и сбор пожертвований, которые через Исламский банк переправлялись в Саудовскую Аравию, а затем в Чечню. Финансовую поддержку чеченским сепаратистам оказывала также йеменская Международная благотворительная организация (руководитель – Исмаил Али Салех), Международная исламская организация (зарегистрирована в США, глава – йеменец Ахмед Ясни). По учредительным документам все они занимались исключительно

но проповедью, строительством мечетей и медресе и организацией паломничества из республик Северного Кавказа в Мекку⁵².

В связи с событиями на Северном Кавказе в Ливане отмечалась, главным образом, поддержка чеченских сепаратистов со стороны неправительственных религиозно-политических группировок. В сентябре 1999 г. эмиссары Басаева и Хаттаба побывали в контролируемом исламистами лагере Айн Хелук, где договорились с его руководством об оплате подготовки боевиков для ведения боевых действий в Чечне. Шейх Тахер Махмуд аль-Муршиди, создатель и глава террористической группировки «Бригады Халеда аль-Истамбули» (по имени организатора успешного покушения на президента Египта Анвара Садата в 1981 г., повешенного впоследствии египетскими властями), выделил в распоряжение чеченских эмиссаров группу наемников, переброской которых через Ливан в Ичкерии должен был заняться один из руководителей «Исламской армии Кавказа» Багауддин Дагестани⁵³. В сентябре 1999 г. в Дамаске состоялась встреча группы арабских «афганцев» из числа сирийских граждан с прибывшим из Аммана представителем радикальных исламских кругов Иордании Шаманом Хаму, которому в качестве пожертвований передано для ведения джихада на Кавказе 48 тыс. долл.

Рассматривая попытки получения чеченцами финансовой помощи от арабских стран в 1999–2000 гг. на правительственном уровне, можно предположить, что они были безуспешными. Косвенным подтверждением этого может служить заявление находившегося в Катаре З.Яндарбиева, который вынужден был признать: «До сих пор ни в одной исламской стране мы не встретили поддержки, на которую рассчитывали»⁵⁴. В целом, оценивая факты поступления финансовых средств в Чечню от частных лиц и представителей исламских организаций, расположенных на территории арабских стран, следует признать, что благодаря мерам, принятым их властями, официальными религиозными учреждениями, правоохранительными органами и представителями общественно-политических кругов, эти случаи в 1999 – 2000 гг. носили ограниченный характер. Вместе с тем необходимо отметить, что зачастую эти меры принимались только после соответствующих дипломатических демаршей Москвы.

Гораздо более сложной, чем контроль за финансовыми потоками, проблемой для властей арабских государств стали вопросы недопущения участия своих граждан, а тем более проживающих за рубежом выходцев из своих стран в боевых действиях на Северном Кавказе. Суть вопроса состоит в том, что власти некоторых арабских государств могут только в относительной мере владеть ситуацией вокруг прибытия и проживания на своей территории членов религиозно-политических экстремистских организаций. В частности, как уже говорилось, правоохранительные органы Йемена не имеют возможности противодействовать «покровительству», которое оказывают шейхи крупнейших племенных

объединений лицам, находящимся на их территории. К их числу можно отнести арабских «афганцев», часть которых продолжает принимать участие в событиях в Афганистане и других «горячих точках». К этому следует добавить эмигрантов из арабских стран, где власти осуществляли борьбу с исламистами (Алжир, Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис и др.), которые проживают за рубежом и ведут активную политическую и организационную деятельность. Кроме того, существует определенное число натурализовавшихся в Европе (например, Великобритания, Франция, Нидерландах, Дании и др.) выходцев из арабских стран, которые занимаются миссионерской деятельностью, являясь при этом представителями неправительственных религиозных организаций (например, «Ат-Таблиг»).

Первые сообщения об участии наемников-выходцев из арабско-мусульманских стран стали появляться в СМИ в связи с событиями в Дагестане. Утверждалось, что в числе боевиков, вторгшихся в Дагестан, были отмечены «добровольцы» из Афганистана, Пакистана, Турции, Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Йемена и ряда других мусульманских стран. Иностранцы наемники, имея опыт ведения боевых действий, проходили дальнейшую подготовку в специальных тренировочных лагерях в Афганистане и Пакистане. Кроме того, в прессе, со ссылкой на сотрудников УФСБ по Республике Дагестан, сообщалось о том, как выходцы с Арабского Востока при финансовой поддержке экстремистских сил из Египта, Турции, Афганистана, Кувейта, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, Судана и Марокко готовят боевиков в Чечне⁵⁵. Ситуация с участием иностранных боевиков против федеральных сил на Северном Кавказе усугублялась тем, что в Чечне долгие годы на поток была поставлена незаконная выдача российских паспортов наемникам. Еще в 1993 г. Ичкерия получила 25 тыс. чистых бланков паспортов. Потом их количество постоянно пополнялось. В числе тех, кто получил российские документы, сотрудниками российских правоохранительных органов назывались граждане Алжира М. Табуша и А. Абута, подданные Саудовской Аравии Али Абдуррахман и Хамзалла, которые таким образом получили новые имена и фамилии. В СМИ делалось предположение, что данное обстоятельство могло быть использовано для создания в России разведывательно-диверсионной сети⁵⁶.

По данным российской печати, наемники из стран Ближнего Востока прибывали по надежно действующим «окнам» на российско-грузинской границе⁵⁷. Например, в начале августа 1999 г. из Боснии и Герцеговины в Чечню прибыло почти легально два отряда наемников. Их возглавляли йеменец Абу Зубейр и босниец Хендель. Позже таких отрядов было сформировано несколько. Их возглавили египтяне Абу Ахмед и Абу Айман, алжирец Абу аль-Маали, тунисец Абу Хамза, палестинцы Абу Усама и Абу Али, саудовец Шейх Надир, иорданец Абу Ахмад, босниец Пезо (псевдонимы). По сообщениям Министерства

обороны России, только за октябрь 1999 г. в район боевых действий прибыло до 300 наемников из стран Ближнего Востока. Значительную часть членов этих формирований составляли выходцы из арабских стран, которые у себя на родине находились в розыске за совершение уголовных преступлений. Финансирование вербовки и отправки наемников осуществляли мусульманские организации Исламский фонд Двух Святынь («Аль-Харамейн») и Объединение мусульманской боснийской молодежи⁵⁸.

Судя по появившимся в то время сообщениям, вербовка и подготовка «добровольцев» была развернута главным образом в арабских странах с относительно благоприятными для деятельности исламистов условиями. В Йемене при поддержке представителей «Аль-Ислах» с середины августа 1999 г. в городах Сане, Мукалле, Иббе, а также в провинциях Лaxedж и Махра начали действовать пункты вербовки наемников для участия в боевых действиях на Северном Кавказе. Каждому было обещано вознаграждение в 100 долл. в день⁵⁹. Отмечалось, что военные инструкторы, представляющие радикальное крыло «Аль-Ислах», вербуют добровольцев из войск специального назначения, которым предлагают «немного пострелять и хорошо заработать». Рекруты группами по несколько человек рейсовыми самолетами отправлялись в Иорданию, затем попадали в Грузию, где их встречали чеченские эмиссары и на автобусах везли в горные районы⁶⁰. В этой связи указывалось также, что обучение завербованных добровольцев организовано на базе лагерей боевиков на территории Йемена с привлечением инструкторов, имеющих опыт боевых действий в Афганистане и Югославии⁶¹.

Прибывавшие нелегально в Чечню наемники, арабы по национальности, не только принимали непосредственное участие в боевых действиях, но и выступали в качестве инструкторов и командиров подразделений чеченской Исламской армии «Кавказ»⁶². Как сообщал на пресс-конференции первый заместитель начальника Оперативно-розыскного управления ФСБ России А.Шагако, организаторы и исполнители взрывов в Москве, Волгодонске и Буйнакске в различное время проходили подготовку на территории Чечни в учебном центре «Кавказ», организованном Хаттабом⁶³. До того, как российские войска заняли основную часть Чечни, в распоряжении Хаттаба, специалиста по минно-взрывному делу, имелся «Исламский институт Кавказа» (ИИК). В институте было 40 преподавателей из числа афганцев и арабов и 160 слушателей, которые в течение двух месяцев изучали арабский язык и религиозные дисциплины. Все «студенты» института обучались в военизированном лагере «Сайд ибн Абу Вакас». Часть выпускников направлялась для продолжения учебы в Пакистан и Турцию. Финансирование осуществляли некоторые мусульманские организации и частные фонды Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Иордании, Турции. Военная подготовка боевиков в Чечне велась и в

других лагерях Хаттаба. Туда попадали практически все иностранные наемники, а не только те, кто желал получить образование в ИИК⁶⁴.

Следует отметить, что освещение в российских СМИ событий на Северном Кавказе и интерпретация фактов возможной причастности к ним арабов вызвали серьезные претензии со стороны официальных представителей арабских государств. Возражения арабской стороны вызывали, в первую очередь, ошибочные ссылки на национальную принадлежность боевиков (например, иорданские чеченцы). По мнению арабских дипломатических кругов, такое положение – следствие безответственного подхода части российских СМИ, которые в погоне за сенсацией часто бездоказательно тиражируют версию о якобы широкомасштабном участии представителей арабских стран в боевых действиях в Чечне на стороне сепаратистов. При этом, по их мнению, у российского обывателя создается впечатление о чуть ли не «государственной поддержке» арабскими странами чеченского экстремизма, а у наименее психологически устойчивой части населения России грозит перерасти в арабофобию (исламофобию). Вместе с тем анализ положения, которое складывается вокруг, условно говоря, «арабского фактора» в нашей стране, показывает, что процессы распространения идей «радикального» ислама в России уже не могут рассматриваться вне рамок влияния конкретных стран Арабского Востока на развитие религиозно-политической ситуации в нашей стране.

Подводя итог сказанному, в целях преодоления возникающих в связи с арабо-мусульманским влиянием на ислам в России трудностей в российско-арабских отношениях представляется необходимым:

- использование имеющегося потенциала, для активизации роли России в мировом исламском сообществе, что позволит также частично компенсировать утрату позиций на Ближнем Востоке, связанную с развалом Советского Союза;

- придание государственными органами России приоритетного значения исламскому аспекту, что предполагает, в том числе активизацию усилий на арабском направлении российской внешней политики, улучшение скоординированности путей его реализации с внутренней политикой российского государства;

- достижение взаимопонимания с арабо-мусульманским миром по комплексу вопросов международного и внутреннего характера, связанных, в частности, с подходами к решению межконфессиональных конфликтов, борьбой с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и этническим сепаратизмом;

- приобретение нашей страной позиций в международных исламских организациях, что позволит существенно повысить участие России в снижении уровня противостояния между исламским и христианским миром, разрешении региональных конфликтов, в том числе, возникающих на межконфессиональной основе в самой России;

– выработка адекватной реальному положению дел политики государственных органов России и арабских стран в отношении миссионерской, благотворительной и т.п. деятельности в России зарубежных неправительственных религиозных организаций для недопущения нецелевого использования иностранной гуманитарной помощи;

– объединение усилий России и арабских стран по поиску решения проблемы религиозного экстремизма на основе требования о безусловном соблюдении прав человека, уважения чувств верующих всех конфессий, а также национального суверенитета и не в ущерб двусторонним отношениям с третьими странами;

– недопущение использования США и их союзниками на Западе и Ближнем Востоке международного сотрудничества в борьбе с религиозным экстремизмом для дальнейшего вовлечения России в противостояние с исламским миром.

В конечном счете усиление значения России в мусульманском мире будет способствовать более эффективному решению внутренних проблем, обеспечению территориальной целостности и внешней безопасности Российской Федерации.

¹ Макаров Д.В. Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня // Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. Бюллетень № 1 (сентябрь-ноябрь). – М.: Международная общественная организация Центр стратегических и политических исследований, 1999. – С. 42.

² Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995. – С. 267.

³ Хоперская Л. Проблемы региональной безопасности на Северном Кавказе // Что хотят регионы России? – М., 1999. – С. 65.

⁴ Ахмедов В.М. Россия, арабы и Кавказ // Арабский сборник. – М.: ИВ РАН; Международная общественная организация Центр стратегических и политических исследований, 2000. – С. 3.

⁵ Республика Ингушетия – 5 лет. Хроника становления: 4 июня 1992 года – 4 июня 1997 года. Назрань, 1997. – С. 22–23.

⁶ Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. – М., 1999. – С. 45, 87, 92.

⁷ История религий в России. – М., 1998. – С. 453–454.

⁸ Гайнутдин Р. Как усилить роль религиозных организаций мусульман в духовном возрождении России? – Доклад на международной исламской конференции «Роль ислама в духовном возрождении России», посвященной 95-летию Московской Соборной мечети и 5-летию Духовного управления мусульман Европейской части России. Москва, 5 июня 1999 г. – М., 1999. – С. 14–15.

⁹ Независимая газета. 05.05.1996; «Ислам Минбере» («Трибуна ислама»). – 1996. – № 4. См. также: Российские и зарубежные общественные и религиозные объединения (справочник). – М., 1993.

¹⁰ Маниа бен Хаммад, Аль-Джихни. Аль-Маусуа аль-муяссара фи аль-адьян ва аль-мазахиб ва аль-ахзаб аль-муасыра (Энциклопедия современных

религий, движений и партий / Под ред. аль-Джихни, Маниа бен Хаммада). Т. 1. – Эр-Рияд, 1418 х. – С. 327.

¹¹ Там же, с. 321–327.

¹² Макаров Д. Дневник террориста // Аргументы и факты. – 2000. – № 38.

¹³ Мелихов И.А. Арабо-исламская составляющая внешней политики стран ССАГПЗ // Восток. – 2000. – № 2 (март-апрель). – С. 44.

¹⁴ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России / Московский центр Карнеги. – М., 1998. – С. 78.

¹⁵ Независимая газета. 20.10.1999.

¹⁶ Гушер А. Дагестан. Новый очаг напряженности // Азия и Африка сегодня. – 1998. – № 2 (487). – С. 60.

¹⁷ Независимое военное обозрение. 15–21.10.1999

¹⁸ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России, с. 79.

¹⁹ Лория Е. Чеченская пирамида // Гудок. 13.11.1999; Власть. 09.11.1999, № 44.

²⁰ Тахан, Мустафа Мухаммед. Мустакбаль аль-ислам фи аль-Коказ ва биляд ма вара ан-нахр (Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии). – Кувейт, 1995. – С. 167.

²¹ Челноков А. Ваххабиты в Тобольске // Совершенно секретно. – 1999. – № 10.

²² Там же.

²³ Ахмедов В.М. Россия, арабы и Кавказ, с. 8.

²⁴ Радонеж. – 1999. – № 7–8.

²⁵ Ярлыкапов А.А. Национальное и религиозное в Ногайской степи // Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. Бюллетень № 1 (сентябрь-ноябрь). – М.: Международная общественная организация Центр стратегических и политических исследований, 1999. – С. 60.

²⁶ Бен Баз, Абдуль Азиз бен Абдулла. Необходимость соблюдения сунны Посланника (да благословит его Аллах и приветствует) и признание безбожниками тех, кто ее отвергает / Министерство по делам ислама, вакуфов, призыва и наставления; благотворительная организация «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим». – Королевство Саудовская Аравия. – Эр-Рияд, 2000. – С. 35.

²⁷ Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. – М., 1999. – С. 17.

²⁸ Ефремова Н., Роцин М. Особенности дагестанского джихада // НГ-Религии. 23.08.2000.

²⁹ Арухов З. Ислам и политический экстремизм на Северном Кавказе // Мусульмане. – 2000. – № 1(4).

³⁰ Тыссовский Ю. Исламские деньги текут в Чечню. – Век. 1999, № 40 (октябрь).

³¹ Михайлов Е. Наемники // Версты. 23.11.1999.

³² Тыссовский Ю. Доллары из-под полы // Век. – 1999. – № 44 (ноябрь).

³³ Михайлов Е. Тайные тропы оружия // Версты. 25.10.1999.

- ³⁴ *Тыссовский Ю.* Исламские деньги текут в Чечню.
- ³⁵ *Лория Е.* «Чеченская пирамида» // Гудок. 13.11.1999; Власть. 09.11.1999, № 44.
- ³⁶ *Тыссовский Ю.* Доллары из-под полы.
- ³⁷ *Михайлов Е.* Тайные тропы оружия.
- ³⁸ Власть. 09.11.1999, № 44.
- ³⁹ *Тыссовский Ю.* Доллары из-под полы.
- ⁴⁰ *Лория Е.* «Чеченская пирамида».
- ⁴¹ Известия. 20.01.2000.
- ⁴² Ахбар аль-Халидж (Кувейт). 22.01.2000.
- ⁴³ *Тыссовский Ю.* Исламские деньги текут в Чечню.
- ⁴⁴ *Михайлов Е.* Общак // Версты. 07.12.1999.
- ⁴⁵ *Аганин А.Р.* Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве. – М., 2000. – С.15–16.
- ⁴⁶ Независимая газета. 30.10.1999; Независимое военное обозрение. 05–11.11.1999.
- ⁴⁷ *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. – М., 1995. – С. 182.
- ⁴⁸ Власть. 09.11.1999, № 44.
- ⁴⁹ Сегодня. 23.09.1999.
- ⁵⁰ *Поляков К.И.* Йеменские экстремисты и Россия (Племенные вожди покровительствуют экспорту исламской революции) // НГ-Религии. 24.02.1999.
- ⁵¹ *Тыссовский Ю.* Исламские деньги текут в Чечню.
- ⁵² Власть. 09.11.1999.
- ⁵³ *Тыссовский Ю.* Доллары из-под полы.
- ⁵⁴ *Чародеев Г.* Кто помогает чеченским боевикам // Известия. 08.12.1999.
- ⁵⁵ *Белянинов К.* Затем начнется кошмар, который мы обещаем русским // Новые Известия. 21.09.1999.
- ⁵⁶ *Хлыстун В.* Наемники // Труд. 19.11.1999.
- ⁵⁷ *Михайлов Е.* Тайные тропы оружия.
- ⁵⁸ *Хлыстун В.* Наемники.
- ⁵⁹ *Тыссовский Ю.* Доллары из-под полы.
- ⁶⁰ *Чародеев Г.* Кто помогает чеченским боевикам.
- ⁶¹ *Тыссовский Ю.* Исламские деньги текут в Чечню.
- ⁶² *Зданович А.* Ни один террорист не уйдет от возмездия // Красная звезда. 28.10.1999.
- ⁶³ Континент. – 2000. – № 12.
- ⁶⁴ *Хлыстун В.* Наемники. 19.11.1999.

РОССИЯ – ИРАН: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗ?

Тема нашей конференции чрезвычайно актуальна и важна. Более того, насколько известно, постановка проблемы «Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности» опережает ее постановку официальными российскими инстанциями в общегосударственном масштабе.

Вне всякого сомнения, данная проблема не может быть рассмотрена исчерпывающе без учета места России в системе международных отношений и, конечно, без анализа роли Ирана во всем комплексе вопросов, ее составляющих.

В политической практике основополагающим принципом должен быть прагматизм. Поэтому лейтмотивом доклада могла бы стать известнейшая, хотя и немного измененная фраза: «У России нет постоянных врагов и постоянных друзей, у России есть постоянные интересы». Следование данной мудрой мысли помогло бы в свое время избежать многих негативных последствий осуществления прежних идеологизированных, а поэтому и непродуктивных внешнеполитических концепций.

Известно, что в советские времена в соответствии с тогдашней государственной идеологией и политикой, но в ущерб здравому смыслу и, естественно, стране и ее народу весь мир делился на друзей, врагов и «болото». Первых нужно было умасливать и подкармливать, со вторыми бороться до полного краха капитализма, в «болоте» же – находить сочувствующих, любыми средствами их вербовать и привлекать на свою сторону. Подобное восприятие мира было просто и понятно всем. Две супердержавы, два блока, две зоны их сторонников. Однако, по большому счету, именно подобная чрезвычайно затратная внешнеполитическая практика, неадекватная как внутренним возможностям Советского Союза, так и изменяющемуся миру, была одной из ряда причин, приведших к распаду сверхдержавы – СССР.

Однако и после 1991 г. на фоне кардинальных изменений в мире и революционных преобразований в бывшем СССР внешнеполитическая практика новой России по сути своей осталась советской, лишь «плюс» изменили на «минус», а «минус» на «плюс»: некоторые бывшие враги как бы стали друзьями, а друзья – врагами, большая же часть ушла в тень нейтрализма. Причем полярность зачастую менялась в зависимости от пристрастий очередного министра иностран-

ных дел (хотя, конечно же, они действовали в русле генеральной линии президента).

Однако такая игра в «плюс» – «минус» не принесла желаемых результатов. Как очень мягко говорится в новой Концепции внешней политики РФ, обнародованной летом 2000 г., «не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром», как это предполагалось в прежней 1993 г. внешнеполитической доктрине РФ. Бывшие враги не стали бескорыстными друзьями. В этой связи появилась необходимость в определении новых подходов, характеризующихся прагматизмом защиты, прежде всего собственных российских интересов на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях, а также в двусторонних отношениях с другими странами.

Это предполагает, во-первых, определение самих основополагающих интересов России на всех уровнях, во-вторых, распознавание угроз этим интересам, в-третьих, установление путей нейтрализации данных угроз.

Где подлинны национальные интересы России сегодня, каковы ее цели, задачи, возможности?

Представляется, что тезис, имевший место в доктринах бывшего СССР и гласивший, что советские национальные интересы распространяются на весь мир, может быть, и привлекателен и даже великодержавен, но, к сожалению, сегодня он уже не реален. Возможности новой России явно не соответствуют этому глобалистскому тезису. Конечно, наш национальный интерес распространяется на многие уголки Земного шара и связан с различными государствами мира. Но все же концентрироваться он должен на евроазиатском континенте. Причем этот национальный интерес определяется, исходя из главных целей Государства Российского – обеспечение всех «видов» и «подвидов» безопасности, включая военную, политическую, экономическую, экологическую и так далее, а также – создание условий для внутри- и внешнеполитической стабильности для поступательного развития российского общества во всех областях. Наш национальный интерес сегодня заключается в избавлении от «комплекса сверхдержавы», от «комплекса глобального мессианства» и в приобретении чувства европеизма, чувства причастности к европейской цивилизации.

Если исходить чисто из географического положения, то Россия – это азиатско-европейская страна. Но все же по менталитету подавляющего большинства своих жителей, вне зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности – это европейская держава. Этот вопрос окончательно решил Петр Великий, а доказывала на протяжении XVIII, XIX и XX вв. вся российская культура: литература, искусство, музыка, живопись, да и сам великий русский язык. Так же как европейские Турция или Албания – по своему менталитету все же азиатские государства. Это ни плохо, ни хорошо. Это реальность. Поэтому Россию нельзя

оторвать от европейской цивилизации и направить на особый российский путь, отличный от европейского процесса. Это не удалось даже большевикам, которые исключительно по политическим мотивам отгораживались от Европы «железным занавесом», ведя страну особым большевистско-пролетарским путем.

Россия в Европе занимает не особое, как считают квасные патриоты, а собственное, причем, значительное место, предполагающее в России симбиоз общечеловеческих универсальных правовых, экономических, политических, социальных основ, безусловно, с истинной российской национальной надстройкой. А не наоборот, когда особонациональное (а точнее националистическое) определяет сами основы. Примером сбалансированного сочетания национального и универсального могут служить практически все развитые страны, не потерявшие своей национальной самобытности и добившиеся определенных успехов – от Бразилии до Англии, от Италии до Швеции, от Франции до Японии. Речь идет не о космополитизме, а о наиболее точном определении места России в мировых цивилизационных процессах. И место это находится в Европе. Однако здесь следует уточнить: на Востоке Европы, на стыке нескольких цивилизаций. Это накладывает на Россию дополнительную ответственность и создает значительные сложности. Одна из таких сложностей – необходимость постоянно уравнивать свою западную (европейскую) и восточную (азиатскую) политику. Переоценка одного или другого направления, а также их недооценка всегда приводили к печальным последствиям.

Сегодня коренное изменение философии международных отношений, постепенное преодоление последствий «холодной войны», прекращение антагонистического противостояния двух систем, идеологий и мировоззрений создали предпосылки для большего реализма во внешней политике. Угроза мировой ядерной войны сведена на нет. Однако это отнюдь не означает, что Россия избавилась от внешних (да и внутренних) угроз.

Вполне допустимо предположить, что складывающаяся уже более десяти лет новая военно-политическая ситуация в мире, устранив угрозу мировой термоядерной войны, инициировала новые угрозы, которые ранее или были в зачатке, или были мало заметны на фоне угрозы номер один, или жестко контролировались и в определенной степени подавлялись двумя супердержавами.

К первой группе можно отнести проблему распространения оружия массового поражения и средств его доставки.

Ко второй – обострение военно-политического соперничества региональных держав, рост сепаратизма, этно-национального и религиозного экстремизма.

К третьей – рост международного терроризма, транснациональной организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия.

К слову сказать, все эти нынешние угрозы миру и безопасности, объединенные в условные группы, вне всякого сомнения, взаимосвязаны и порой сплетаются в причудливые причинно-следственные клубки. Именно эти клубки и являются ныне детонаторами, подрывающими стабильность в различных частях планеты и разжигающими региональные и локальные конфликты.

Для адекватной реакции на возможные внешние угрозы, кроме того, что необходимо определять, знать и анализировать их сущность, надо понять, откуда они исходят и бороться с ними, учитывая место России на геополитическом пространстве мира.

Так уж истари повелось в России, что политическое и военное руководство страны определяло, как правило, три стратегических направления: западное (от Белого до Черного моря), Южное (Кавказ, Каспий, Средняя Азия) и Восточное (границы с Китаем, Монголией, Кореей). На протяжении десятилетий, а при советской власти – всегда, западное направление считалось наиболее опасным. Выросло не одно поколение политиков, а также маршалов, генералов и офицеров, которые главную угрозу для СССР видели только или прежде всего на Западе, и исходила она от американского империализма и его «прихлебателей-союзников по НАТО».

Однако глобальные исторические события конца XX в. привели к тому, что у новой России изменились региональные и стратегические интересы и, соответственно, возникли новые угрозы ее безопасности. На западном направлении постоянные враги в лице стран НАТО стали объектами постоянных российских интересов. Одновременно главная опасность переместилась на юг, угрожая интересам России на Кавказе, в Центральной Азии.

Такие объективные явления, происшедшие в мире, требуют адекватной реакции, направленной по различным направлениям.

В нынешних условиях на западном направлении угрозы, пожалуй, минимальны. Поэтому в данной ситуации наиболее бы отвечало национальным интересам России – это не противоборство с НАТО в Европе, которое затянуло бы нас в смертельную, бессмысленную и заранее проигранную гонку вооружений, поскольку на нее у России просто нет ни сил, ни средств, а вступление в Северо-Атлантический пакт. Конечно, ясно, что еще не одно десятилетие российская военная система по объективным причинам (несовместимость стандартов) не сможет вписаться в военную структуру НАТО (да это и не нужно), но почему нельзя стремиться быть членом политической организации этого блока. Ведь Франция на протяжении многих лет имела такой статус. Членство в политической организации позволило бы изнутри хотя бы наблюдать за политическими процессами в НАТО и при том без особых материальных затрат. Более того, общие высокие критерии в области всех аспектов жизненных стандартов, предъявляемые к вступающим в НАТО, подтолкнули бы Россию к уравниванию своих с общеевропей-

скими. Это стало бы дополнительным стимулом интенсификации позитивных демократических преобразований в стране.

С уверенностью можно констатировать, что сегодня основная цель России – сохранение себя в русле европейской цивилизации.

Что касается южного направления, то Министерство обороны, Генеральный штаб, пожалуй, впервые в истории определили его как наиболее опасное для России с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Это совершенно естественно и справедливо, а главное – полностью соответствует новой военной доктрине Российской Федерации, принятой в 2000 г., поскольку в этой доктрине, в отличие от прежней, впервые по-другому, по-новому выстроена система приоритетных угроз. На первый план вынесены сепаратизм, религиозный и национальный экстремизм, которые все больше сращиваются с терроризмом. Последний – все активнее стремится к достижению политических целей.

Все эти явления полностью присущи огромному ареалу от Средиземного моря до Гиндукуша, т.е. Западной Азии, куда можно отнести Ближний и Средний Восток, Кавказ, зону Каспийского моря, Центральную Азию.

Какова сегодня военно-политическая ситуация в этом ареале и каковы там цели, задачи и возможности России?

Можно без преувеличения сказать, что на планете нет больше подобных конфликтообразующих и взрывоопасных регионов. Это – непрекращающийся арабо-израильский конфликт, сепаратистские действия в Абхазии, в Чечне, межнациональный конфликт в Нагорном Карабахе, рост религиозного и национального экстремизма во всем кавказском субрегионе, например в Дагестане, активизация терроризма на базе религиозного экстремизма в Центральной Азии, и, конечно, талибский Афганистан. Опасность, идущая от Афганистана, заключается не в том, что с его территории вероломно нападут на наших союзников и Россию многотысячные полчища моджахедов, их танковые армады, тучи бомбардировщиков и град ракет. Сегодня угроза – это война талибов, ведущаяся без фронтов и флангов малыми группами террористов, это – широкомасштабная идеологическая и психологическая обработка местного населения, это – разложение людей наркотиками и подкупом. Талибы разбрасывают мета-стазы терроризма, наркобизнеса и идеологии мракобесия не только по региону, но и по всему миру. Но именно жители соседних с Афганистаном стран в силу многих причин, прежде всего социально-экономических, наиболее восприимчивы к изощренному, многовариантному воздействию талибских воинов ислама. Поэтому талибский Афганистан представляет наибольшую угрозу для России, ее союзников и соседей на южных рубежах. Причем для Российской Федерации опасность усугубляется тем, что граница Афганистана с его соседями недостаточно прикрыта. Россия в Таджикистане обороняет границу с

помощью своих пограничников, но около 100 км этой границы охраняют таджики, и охраняют, по мнению специалистов, очень плохо. Узбекская граница обороняется узбеками в меру возможностей, граница между Афганистаном и Туркменистаном никем не контролируется. Более того, исторически сложилось так, что между бывшими республиками СССР также фактически нет границы. В результате Россия стала проходным двором. Закрывать южную границу, по словам российских пограничников, не представляется возможным по сугубо финансовым причинам. Стало быть, выход – в создании на юге блока стран-партнеров, озабоченных теми же проблемами.

В этой связи в Западной Азии, ставшей эпицентром взрыва терроризма, экстремистского исламизма и наркобизнеса, Россию не может не привлечь Исламская Республика Иран.

Исторически сложилось, что Персия издавна была для России традиционным политическим и торгово-экономическим партнером на Востоке, на протяжении столетий оставаясь одним из важных направлений российской восточной политики.

Говоря о сегодняшнем состоянии российско-иранских отношений, надо подчеркнуть, что рассматривать их вне контекста всей совокупности международных отношений и всей политико-экономической и военной ситуации в мире и регионе представляется некорректным. Безусловно, российско-иранские связи имеют свои собственные внутренние составляющие, определяющие сущность этих взаимоотношений. Однако каждая эпоха вносила свои коррективы в их характер. Именно взаимодействие внутренних факторов и внешнего влияния формировали неповторимые особенности российско-иранских отношений на каждом конкретном этапе исторического развития.

Сегодня главное для России – это то что, будучи одной из ключевых стран региона, Иран объективно (вне зависимости от политической конъюнктуры и от желаний или нежеланий различных групп) занимает позиции, близкие к российским. Особенно это касается таких комплексов проблем, как талибский Афганистан, стабильность в Таджикистане и всей Центральной Азии, статус Каспийского моря, международный терроризм, наркобизнес, незаконный оборот оружия.

Здесь следует отметить всем известный факт: Иран находится в чрезвычайно выгодном военно-стратегическом положении, будучи одновременно и средневосточной, и кавказской, и центрально-азиатской, и каспийской страной, страной, омываемой водами Персидского и Оманского заливов Индийского океана. Все болевые точки региона, так или иначе, сопряжены с Ираном. Все, казалось бы, сугубо внутренние проблемы отдельных частей региона, будь то этнические или религиозные, военные или экономические, проблемы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма могут эффективно решаться только при содействии Исламской Республики Иран. Излишне напоминать, что Иран как источник углеводородных

природных ископаемых, а также как территория транспортировки нефте-газопродуктов обладает абсолютной ценностью. Более того, 65-миллионный Иран, имеющий одну из самых многочисленных армий в мире (около 800 тыс. человек), объективно, вне любой как внешне-, так и внутривнутриполитической конъюнктуры, – решающий фактор западноазиатской региональной политики.

В силу вышеизложенного Иран привлекает к себе самое пристальное внимание не только России, но и других держав, прежде всего США, Западной Европы. Вокруг ИРИ и за нее раскручивается незримая, тихая, но, несмотря на это, ожесточенная борьба. И из этой тройки именно Россия имеет наибольшие моральные права на особые отношения с Ираном. По нескольким причинам. Во-первых, наличие глубоких исторических корней, традиционно отличающих российско-иранские связи; во-вторых, – географическая близость и, соответственно, общность интересов в этом очень пестром, сложном и конфликтообразующем регионе; в-третьих, – духовные причины, под которыми имеется в виду тот факт, что и Россия, и Иран находятся на границе двух великих цивилизационных систем – христианской и мусульманской. Поэтому именно в отношениях между Россией и Ираном олицетворяется плодотворный диалог цивилизаций, который дает всем верующим пример мирного сосуществования религий.

Но все же главное, что притягивает Россию и Иран – наиболее мощные державы региона – это обоюдная ответственность за судьбу чрезвычайно сложного во всех отношениях ареала планеты. Эта ответственность предполагает взаимные усилия в деле обеспечения многоуровневой системы безопасности, включающей военную, экономическую, экологическую, политическую и ряд других. Важное место в этой системе занимает противодействие терроризму и наркобизнесу, которые усилиями афганских талибов свили себе гнездо в самом центре региона, превратившись в главную дестабилизирующую силу, несущую угрозу не только региональным странам. Общая озабоченность РФ и ИРИ – попытки некоторых нерегиональных держав, прежде всего США, осуществлять здесь политику диктата. Поэтому кому как не двум самым крупным и мощным державам региона, объединившись, решать эти проблемы?

Однако объективное преимущество России перед нерегиональными державами в Западной Азии не устраивает ее конкурентов, прежде всего США.

Сегодня, в новом столетии, Соединенным Штатам крайне необходимо укрепить свою власть в Западной Азии, где в последнее время по разным причинам США не имеют того безоговорочного влияния, которое они имеют во многих регионах планеты. Но национальные интересы США, исходящие из концепции однополярного мира, требуют глобального американского контроля. Однако именно в Западной Азии Иран, этот «вечный враг» США, как было уже отмечено,

играет ведущую роль. И в Вашингтоне все это хорошо понимают. Причем понимают по разному. Одни представители американского истеблишмента считают, что исламский Иран надо задавить санкциями и блокадой, другие полагают, что после ряда внушительных побед «умеренных исламистов», которых на иранской внутривнутриполитической сцене возглавляет президент Мохаммад Хатами, у США есть шанс «приручить» непокорных шиитов.

Не секрет, что заблокированный и ожесточенный исламский Иран нужен некоторым кругам в США по многим причинам – политическим, геополитическим, экономическим. Жупел агрессивного Ирана способствовал Вашингтону в нагнетании обстановки вокруг него, и тем самым вынуждал соседние с ИРИ страны просить у США помощи и защиты от «исламско-шиитской угрозы», укрепляя позиции США и обеспечивая их присутствие в регионе.

Другие – в основном представители американского нефтяного бизнеса – делали и делают ставку на постепенное втягивание Ирана в американскую, сначала торгово-экономическую, а затем политическую и, наконец, военную орбиту путем не тотальной изоляции, а постепенного поэтапного сближения с этой страной и налаживания с ней всего комплекса отношений. Появлению такой точки зрения и определенного укрепления подобных позиций в американской элите послужили значительные по меркам тоталитарного идеологизированного государства преобразования в ИРИ, связанные с именем ее президента Хатами. Новый прагматистский политический курс нынешнего президента, принесший значительные успехи Ирану особенно в Европе, арабском мире, в международных организациях, внес определенные коррективы в политику США по отношению к Исламской Республике Иран. Более того, влиятельные деловые круги в США осознали, что Иран открывается миру, что несмотря на мощное давление Вашингтона, конкурирующие европейские и российские компании успешно начали осваивать иранский рынок. США оказались в положении, когда создаваемая ими блокада рушится, а реальных позиций в Иране у них нет. Необходимы решительные шаги в сторону Тегерана.

Однако процесс нормализации ирано-американских отношений в силу многих внутривнутриполитических причин, существующих прежде всего в ИРИ, не может не быть относительно длительным. Но США не могут ждать. Ведь сегодня они на обочине дороги, ведущей к Ирану. Они опаздывают в успешно осваиваемый конкурентами регион. Поэтому вскоре после победы реформатора – либерала Хатами на президентских выборах 1997 г. Вашингтон предпринял титанические усилия для ускорения этого процесса.

Дело заключается в том, что в Иране, как и в США, есть силы, которые выступают как за нормализацию, так и против нее. Причем каждая из группировок в ИРИ находит вполне убедительные доводы

для подтверждения абсолютной правильности своих позиций. Так, духовный лидер ИРИ аятолла Хаменеи неоднократно заявлял, что Тегеран не намерен восстанавливать дипломатические отношения с США, при этом подчеркивая, что «Америка больше и богаче Европейского Союза, но Иран никогда не стремился к отношениям с ней, поскольку двусторонние отношения должны быть дружескими, основывающимися на взаимном уважении, и быть свободными от вмешательства в дела друг друга». Это мнение консерваторов-фундаменталистов. С другой стороны, лидер либерально-реформистских кругов президент Хатами – выразитель идей той части политикогосударственной и деловой элиты ИРИ, которая видит определенные выгоды от нормализации отношений с США. Такое положение, конечно, не цементирует иранское общество. Более того, консерваторы расценивают инициативы США, направленные на нормализацию отношений, как попытку американцев внести раскол и дестабилизацию в иранское общество. Так, секретарь Высшего совета национальной безопасности Хасан Рухани охарактеризовал подобные шаги Вашингтона как «недопустимое вмешательство во внутренние дела страны». А в обращении Корпуса стражей исламской революции говорится, что все это представляет собой «настойчивые попытки Белого дома спровоцировать кризис в Иране». В то же самое время иранский МИД в целом позитивно рассматривает американскую инициативу. Раскол действительно наблюдается, что соответствует американским ожиданиям. По утверждению иранской газеты «Кейхан», «примирительные признания вашингтонской администрации в адрес Тегерана скорее напоминают действия охотника, расставляющего силки на дичь».

Это справедливо. Ведь основная цель политики США в отношении Ирана – кнутом или пряником вернуть себе те «железобетонные позиции», которые имел Вашингтон в этом регионе 25 лет назад.

Более того, известно, что в течение последних лет одной из приоритетных задач политики США в Западной Азии было создание американской сферы влияния на южном фланге России с опорой на некоторые кавказские и центральноазиатские страны. Причем средствами решения этих стратегических задач была минимизация роли Ирана и России в этом регионе, устранения этих стран от крупных международных экономических проектов. С другой стороны, – недопущение других государств, прежде всего западноевропейских, в регион. Не в последнюю очередь этим целям служили и антииранские экономические законы, принятые Конгрессом США. Эти законы, де-факто распространенные и на их союзников, сдерживают выгоды для Западной Европы связи с ИРИ и играют на руку американцам.

Однако даже самые ближайшие союзники США наконец уяснили то, что доказала международная политическая практика последних лет и о чем не уставая говорила Москва: без участия 65-миллионного Ирана не могут быть решены многие мировые и региональные про-

блемы: борьба с наркобизнесом, кризис в Афганистане, национальное примирение в Таджикистане, стабилизация на Кавказе, ближневосточное урегулирование и в более широком плане – наведение мостов, экономическое сотрудничество и ведение диалога между цивилизациями.

Особо впечатляюще стали развиваться ирано-западноевропейские связи после прихода к власти в Иране президента Хатами. Италия, Германия, Франция, Великобритания ринулись на иранский рынок. Так, в ФРГ для ИРИ открыта специальная кредитная линия «Гермес». Британский инвестиционный банк предоставил кредит в 500 млн. долл. иранскому Банку содействия развитию экспорта, а также другим коммерческим банкам страны. Кредитная линия предназначена для финансирования проектов, заключенных Ираном с ФРГ, Италией, Францией и Великобританией в нефтегазовой сфере, а также в области нефтехимической промышленности.

Иранская проблематика в отношениях России со странами Западной Европы не занимает значительного места. И все же у них есть много общих подходов к тому, как строить свои отношения с ИРИ. Конечно, в некоторых сферах Россия и Западная Европа – конкуренты на благодатном иранском рынке. И вполне возможно, что эта конкуренция со временем усилится.

Что касается США, то они будут и далее всячески препятствовать развитию отношений Москвы с Тегераном во всех областях, прежде всего в военной.

Таким образом, на политическом поле, в центре которого расположен Иран, играют три основных игрока: Россия, США, Западная Европа. В условиях современной расстановки сил в мире Тегеран явно заинтересован в самых тесных ирано-российских отношениях, одновременно надеется на хорошие деловые отношения со странами Западной Европы, но при этом не прочь «поиграть» с США, чтобы, несмотря на «официальный государственный антиамериканизм», получить некоторые дивиденды. Совершенно очевидно, что внутри условного треугольника: РФ – США – Западная Европа завязалась закулисная интрига.

Но как России победить (или хотя бы не проиграть) в битве за Иран? Сегодня и без скрупулезных эконо-математических расчетов ясно, что Россия не имеет материально-финансовых возможностей на равных вести конкурентную борьбу на иранском рынке с США и Западной Европой.

Поэтому задачей России в Иране и вокруг него могла бы стать политика использования создавшейся политической ситуации в своих интересах. Причем следует принимать во внимание то, что эта благоприятная для России ситуация в ближайшие годы может измениться не в пользу Москвы. Парадоксально, но укрепление позиций либеральных реформаторов в Иране создаст почву для расцвета проамер-

риканских настроений в стране. Тенденция на американо-иранское сближение в обозримой перспективе приведет к постепенному восстановлению всего комплекса связей между ИРИ и США. Это, вне всякого сомнения, не в интересах России. Подобное опасное для Москвы гипотетическое развитие ситуации, во-первых, предполагает недопущение (насколько это возможно) американо-иранского сближения, во-вторых, активную торгово-экономическую экспансию на иранский рынок с товаром (в широком смысле имеются в виду идеи, технологии, услуги, крупные объекты), который пока не могут предложить США или Западная Европа в силу политических причин. Более того, эти товары должны обладать свойством «цепочки». То есть купив его, партнер затем будет вынужден приобрести следующий.

Список подобных товаров, безусловно, возглавляет оружие и боевая техника, а также атомная и нефтяная промышленность.

Оружейный рынок Ирана благодатен. Еще в 1993 г. тогдашний министр обороны ИРИ Торкан заявил, что иранские вооруженные силы нуждаются в радикальном перевооружении, поскольку большая часть военной техники морально устарела еще десятилетия назад. К примеру, большинство бронетанковой техники относится к 40–60-м годам, самолеты боевой авиации, в основном, – к 60-м, крупнотоннажные корабли спущены на воду во время Второй мировой войны. Список можно продолжить. Торкан отметил, что в целом ВС ИРИ нуждаются в замене вооружения и военной техники на сумму в 64 млрд. долл. Тогда была принята программа перевооружения с опорой на собственные силы, т.е. на развитие национального ВПК, который за счет собственного производства удовлетворял потребности своих ВС лишь в стрелковом вооружении и боеприпасах. Да и то не на все 100%. В других отраслях ВПК самообеспечение ограничивалось лицензионным производством относительно устаревшей техники, а также разработками отдельных единиц бронетехники, легкой авиационной и военно-морской техники и т.д., что совершенно не оказывало влияния на общую картину.

С целью достижения более полного самообеспечения в военной области были определены, в частности, такие направления развития оборонной промышленности ИРИ:

- активизация военных НИОКР с использованием результатов исследований, проводимых за рубежом;
- закупка, изучение и использование технологий, развертывание выпуска заимствованных образцов оружия и боевой техники, особенно ракетных систем;
- освоение технологий среднего и капитального ремонта всех видов оружия и военной техники;
- расширение номенклатуры и увеличение объемов производства запасных частей, узлов и агрегатов для сложных видов военной техники;

– наращивание производства боеприпасов для всех видов и систем вооружений.

Полностью выполнить программу не удалось. Уже в 1998 г. иранская сторона подтвердила свою заинтересованность в продолжении и расширении военно-технического сотрудничества с Россией и в приобретении восьми дивизионов ЗРС С-300ПМУ1, 1000 ПЗРК «Игла», 25 военно-транспортных вертолетов Ми-17-1В, восьми самолетов Су-25, а также ЗРС С-300ВМ, радиолокационных станций «Гамма-ДЕ», «Каста-2Е2», другой продукции военного назначения на сумму около 2 млрд. долл. (по некоторым другим источникам до 7 млрд. долл.).

В целом военно-техническое сотрудничество между РФ и ИРИ имеет хорошие перспективы. С учетом политической ситуации, складывающейся вокруг Ирана, руководство этой страны разработало новую 25-летнюю программу перевооружения с опорой на технику российского производства. А на ключевые посты в системе ВТС не так давно назначены представители Корпуса стражей исламской революции (КСИР), выступающие активными сторонниками развития отношений с Россией в военной и военно-технической сфере.

По экспертным оценкам, в ближайшей перспективе Иран может выйти на третье место (после Китая и Индии) по объемам закупок российских вооружений. В первую очередь Тегеран заинтересован в создании комплексной системы ПВО страны, системы противовоздушной обороны объектов атомной и военной промышленности, лицензионном производстве ряда сухопутных, морских и авиационных систем вооружений, модернизации существующего парка боевой авиатехники, создании сервисных, ремонтных и учебных центров, сотрудничестве в области космических программ.

Достигнута договоренность начать новый этап сотрудничества между армиями двух стран. Предусмотрено проведение консультаций по вопросам безопасности; взаимное информирование о военных доктринах, военном строительстве, общих вызовах и угрозах; расширение военных контактов и связей, двусторонний обмен делегациями; обучение иранских офицеров в российских военных училищах и академиях.

Однако с заключением конкретных договоров, соглашений и контрактов следует спешить. Иран, и это показала история, способен закупать оружие там, где только можно (и нельзя!). Например, в годы ирано-иракской войны, когда действовали блокада и эмбарго на поставки в воюющие страны оружия и военной техники, Иран закупил полулегально и нелегально, напрямую и через третьи, четвертые страны оружия более чем у 25 государств мира (в том числе у ненавидящих США и Израиля) на сумму свыше 14 млрд. долл. Сегодня официальных, международных санкций против Ирана нет, и он вправе осуществлять закупки оружия везде. И надо сказать, что Запад в принципе к этому готов. Это было бы политическим проигрышем России не только в Иране, но и во всей Западной Азии.

Выполнение всего комплекса российско-иранских договоренностей в области военного сотрудничества, а также в сфере космоса и ядерной энергетики послужило бы прекрасной основой для того, чтобы Россия могла бы надежно укрепить свои позиции в ИРИ, тем самым не проиграть битву за стратегически важный Иран.

Естественно, американцам такие перспективы не нравятся. Соединенные Штаты явно стремятся «отжать» Россию от иранского рынка вооружений. Здесь используется много приемов: от мягких «советов» до жесткого шантажа. По большому счету, американцы так ревниво отнеслись к проблеме российско-иранских военных связей исключительно из-за своих сугубо эгоистичных причин. Надеюсь в будущем наладить отношения с Ираном, США просто не могут допустить, чтобы Россия освоила благодатный иранский рынок вооружений и надолго закрепилась на нем, лишив тем самым американцев надежд на возможность вновь, как в 50 – 70-х годах господствовать там. Не говоря уже о миллиардах долларов, которые могут быть получены в результате сделок в военно-технической области. Более того, США не желают, чтобы Иран наряду с Китаем и Индией стал третьей страной, с которой Россия имеет тесные военные связи. В Вашингтоне понимают, что эти связи России с соседями по периметру границ создают «дугу безопасности» для Российской Федерации, что не входит в планы любых администраций США. И, конечно же, по сути, вопросы нераспространения оружия массового поражения и ракетных технологий не являются подлинными причинами антироссийско-иранских демаршей Вашингтона. Они скорее повод. Если уж кому волноваться о «милитаризации Ирана», так это России, которая находится в непосредственной близости от этой страны, а не США, расположенным за многие тысячи километров от нее.

Здесь не место приводить массу доказательств того, что ядерные исследования, проводимые в Иране, находятся под строгим международным контролем, что со стороны МАГАТЭ претензий к Ирану нет, что Россия не передает технологий производства ОМП и ракетных средств доставки. То есть американцы используют этот предлог, чтобы представить Иран в качестве одной из основных угроз миру, чтобы помешать российско-иранскому сотрудничеству, в том числе и в военно-технической сфере. Нынешняя Россия, ее внешняя политика – лишь одно из многочисленных препятствий на пути к ощущению США собственной полной безопасности, которая, как полагают в Вашингтоне, должна появиться в условиях однополюсного мира. Этот гипотетический мир можно представить себе как царство единомыслия по-американски, как некую казарму со строгим, но справедливым сержантом, действующим только по уставу, написанному в Вашингтоне. Поэтому опасной штукой и считают там возможный в будущем альянс России с Ираном, которые явно не видят всех прелестей «мира по-американски». Причем за океаном

основным связывающим элементом подобного альянса считают военно-техническое и научно-технологическое сотрудничество, доход от которого составляет весьма значительную часть экспортных поступлений в российский бюджет.

Таким образом, Иран объективно становится партнером России в Западной Азии. Вне сомнения, 145-миллионная Россия и 65-миллионный Иран способны своим авторитетом и мощью сыграть позитивную роль в деле искоренения или хотя бы нейтрализации во многом общих для двух стран угроз.

Именно поэтому важнейший аспект российско-иранского сотрудничества – совместная борьба с международным терроризмом и наркобизнесом, и незаконным оборотом оружия, угрожающими безопасности двух стран. Особо стоит вопрос о Чечне. Для России ценна поддержка ее чеченской политики, ее антитеррористических действий со стороны такой авторитетной мусульманской державы, как Иран. В этой связи представляется важным недавнее заявление министра иностранных дел ИРИ Камала Харрази о том, что «Иран не выступает против действий российских федеральных сил в Чечне, продолжает считать необходимым искать политические пути урегулирования конфликта, не ставя под сомнение территориальную целостность Российской Федерации».

Новая концепция внешней политики РФ рассматривает Иран в качестве одного из основных ее партнеров в Западной Азии, в мусульманском мире.

Учитывая создавшуюся глобальную и региональную ситуацию, многие в России и Иране высказываются за придание российско-иранским отношениям «стратегического союзничества». Так, председатель комитета Государственной Думы по обороне А.И.Николаев делает такой вывод: «Иран является стратегическим партнером России на южном направлении». В свою очередь министр иностранных дел ИРИ К.Харрази, как бы подтверждая слова А.И.Николаева, заявляет: «Сотрудничество с Москвой является стратегическим выбором Тегерана. Мы рассматриваем Россию как партнера, которому можно доверять».

В этой связи возникает естественный вопрос, который беспокоит многих как в России, так и в других странах. Суть его заключается в степени и уровне сближения России и Ирана. Подтверждая все то позитивное, что было отмечено выше, нельзя не подчеркнуть и возможные последствия превращения естественных и необходимых партнерских российско-иранских отношений в стратегическо-союзнические. То есть вопрос ставится так: до каких пределов, не затрагивающих интересы России, может и должно идти сближение демократической России и исламского Ирана, чтобы наша страна, сохранив нормальные, партнерские отношения с ИРИ, безусловно, выгодные РФ, одновременно не «выпала» из ряда цивилизованных

европейских государств, гипотетически став стратегическим союзником Ирана, альянс с которым явился бы своеобразным антизападным противовесом расширенному блоку НАТО. В этом плане показательно высказывание президента России В.В.Путина об отношениях с Ираном: «Здесь есть определенное своеобразие, которое заключается в необходимости учета озабоченностей мирового сообщества, связанных с проблемой безопасности. Мы, как страна, являющаяся членом Совета Безопасности ООН, членом “Большой восьмерки”, должны учитывать эти озабоченности, но, повторяю, не забывать и про свои национальные интересы». Это высказывание президента России еще раз подчеркивает, что проблема российско-иранских отношений не из простых, и ее придется решать России в ближайшем будущем.

По всей вероятности, необходим сдержанный, прагматический подход к отношениям с Ираном, основанный на самостоятельном, независимом курсе Москвы в иранской проблематике, на развитии взаимовыгодных торгово-экономических, научных, военно-технических, культурных связей в самых различных областях, несмотря на известное раздражение США и некоторых американских союзников и их политическое давление. Но в то же время, скорее всего, следует с естественным пониманием относиться к опасениям стран Запада, связанным с действующей и ныне военно-политической доктриной ИРИ, декларирующей полное единство религии, идеологии и политики, необходимость для исламского режима осуществления «экспорта идей исламской революции» в другие страны и поддержку исламских движений во всем мире.

В заключении следует сделать выводы из сказанного, которые вполне могут рассматриваться как тезисы, аккумулирующие мнение автора по вопросам российско-иранских отношений.

1. Россия – европейская держава, интересы которой концентрируются в евроазиатском континенте. Ее целью должна стать по возможности наиболее полная интеграция в Европу, не исключая НАТО, в первую очередь политическую структуру НАТО.

2. Россия, основные угрозы которой распространяются с южного направления и своими источниками имеют сепаратизм, этнический и религиозный экстремизм, терроризм, наркобизнес, вынуждена стремиться к национальной безопасности, в том числе и путем активной политики на Востоке и поиска партнеров в Западной Азии.

3. Региональным партнером России объективно стал Иран. Цель России в отношении этой страны – установить в кратчайшие сроки и на длительный период надежные связи, которые не могли бы быть подвержены влияниям политической конъюнктуры как внутри двух стран, так и извне.

4. Возможности конкурентной борьбы России на иранском рынке ограничены, исключение – рынок вооружений и военной техники, атомная энергетика, космос.

5. Необходима активная торгово-экономическая экспансия на иранский рынок с товаром (в широком смысле: имеются в виду идеи, технологии, услуги, крупные объекты), который **ПОКА** не могут предложить США или Западная Европа в силу политических причин. Более того, эти товары должны обладать свойством «цепочки». То есть, купив его, партнер затем будет вынужден приобрести следующий.

6. Подобным характеристикам отвечают прежде всего оружие и военная техника. Задачи России в Иране – восстановить и расширить военное и военно-техническое сотрудничество с ним и не допустить расширения присутствия в Иране, на Кавказе, зоне Каспийского моря и в Центральной Азии нерегionalных государств, прежде всего США.

7. Наряду с позитивными сторонами российско-иранского сотрудничества, которые выражаются в общих или близких интересах, существуют и негативные: ИРИ остается тоталитарной идеологизированной страной, где продолжает действовать доктрина Хомейни, стержень которой – «экспорт исламской революции», хотя сегодня он осуществляется более изощренно, тонко, с применением мирных, просветительско-пропагандистских средств.

8. Отношения с Ираном желательны вести с учетом особенностей иранской шиитской государственности, господствующей там идеологии и с осознанием того очевидного факта, что Иран сегодня пытается использовать Россию в своих корыстных интересах.

9. Отношения РФ – ИРИ должны характеризоваться идеей «настороженное партнерство в регионе», без их перерастания в стратегическо-союзнические.

10. Наибольшие сложности по поводу развития российско-иранских отношений могут возникнуть и, скорее всего, возникнут в российско-американских отношениях. Однако, несмотря на нежелательность для РФ вмешательства США в региональные дела (Кавказ, Каспий, Центральная Азия), не следует делать выбор: или ИРИ – или США, надо стремиться к идее: и ИРИ – и США.

11. Установление партнерских, доверительных отношений с Ираном, Индией, Китаем создаст благоприятные условия для установления основ безопасности на южном и восточном стратегических направлениях.

12. Россия идет в Европу, формируя надежных партнеров по всему периметру границ, чтобы совместно решать общие задачи по устранению или нейтрализации угроз, общих для России и ее партнеров.

РОССИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ МИРНЫЙ ПРОЦЕСС

Россия исторически и геополитически вовлечена в процессы, происходящие на Ближнем Востоке, в том числе и в ближневосточный мирный процесс, более того, она является его коспонсором. Принято считать, что именно арабо-израильское противостояние лежит в основе всех проблем региона. Как следствие, аксиомой стала готовность мирового сообщества видеть в урегулировании этого конфликта панацею от всех ближневосточных бед. Отсюда и упор на проблему палестинских беженцев, и пристальное внимание к этому вопросу мировых СМИ, и повышенная активность в области ближневосточного мирного урегулирования ООН, руководства ведущих стран Западной Европы и других «фигурантов» мировой политики, в том числе России, не говоря уже об американской администрации.

В то же время представляется очевидным, что арабо-израильский конфликт, при всей его значимости, – не более чем часть (важная, но относительно небольшая) масштабных процессов на пространстве, захватывающем не только бывшую Османскую империю, но и районы Среднего Востока, исторически являвшиеся пограничьем Российской и Британской империй. На этой территории продолжается перераспределение ресурсов и изменение границ между государствами; усиливается этнический сепаратизм и агрессивный религиозный фундаментализм; ряд стран региона перешел в фазу кризиса: экономического, демографического и экологического, для некоторых – необратимого. За пределы региона распространяется идеология и организационная инфраструктура политического фундаментализма, исламистского терроризма и т.д. Процессы эти затрагивают и российские интересы, при этом значительно сильнее, чем то, как именно реализуется идея палестинской государственности, или какая именно партия победит на выборах в Израиле.

На Ближнем Востоке сегодня доминирует единственная сверхдержава – Соединенные Штаты Америки. Все прочие являются «игроками второй лиги». В качестве потенциального соперника (в том числе для самих США) выступает не объединенная Европа и не Россия, а Китай. Прямое противостояние с США в настоящий момент нерационально и нецелесообразно ни для одного государства в мире. В то же время встает вопрос, в какой мере целесообразно следование в фарватере американской политики. Вопрос этот для России в части

ближневосточного мирного процесса – отнюдь не такой праздный, как это может показаться на первый взгляд. По ряду направлений (отношения с Ираном, снятие санкций с Ирака и т.д.) политика России ориентируется на собственные, национальные интересы. В ближневосточном же мирном процессе США доминируют с самого начала, успешно торпедировав или сведя на нет все советские, а затем и российские инициативы. Отдав должное успехам политики США, опирающейся на свой колоссальный экономический потенциал, отметим, что это означает и то, что сегодня вся ответственность за последствия принятых решений лежит де-факто на американской дипломатии.

Последствия же эти далеки от предсказывавшихся. Арабо-израильское урегулирование, бывшее ключевой темой для Госдепартамента США на протяжении трех десятилетий, продвинулось достаточно далеко. На первый взгляд кажется, что до завершения мирного процесса осталось сделать лишь несколько шагов на палестинском и сирийском направлениях. Однако в самом регионе все громче раздаются скептические голоса, подвергающие ревизии самые основы урегулирования, такие, как израильско-египетские соглашения, заключенные в Кэмп-Дэвиде во времена президента Дж.Картера.

Проблема ближневосточного мирного урегулирования традиционно рассматривается мировым сообществом и рядом политиков региона (в первую очередь – израильскими левыми) с западной точки зрения. При таком подходе ясно, что существуют конкретные враждующие стороны, конечное число расхождений между ними, уровень допустимого для них отступления от крайних позиций и т.д. Согласно западной политической логике, мир априори лучше, чем война, политические лидеры стран региона это понимают и потому мир достигим, тем более, что мировое сообщество (в первую очередь США) готово за него платить, а «империи зла» – СССР, единственно мешавшей достижению этого самого мира, в своем глобальном противостоянии с Западом, больше нет на карте. Однако это видение лишь одной из сторон, при этом в конфликте не участвующей (позиция современных израильских левых – не более чем скопирована с либеральных политических салонов Манхэттена). Если же обратиться к местным реалиям, в том числе насущным политическим интересам конфликтующих сторон, вопросов появляется больше, чем ответов.

Какие бы соглашения ни были заключены в действующем формате переговоров между Израилем и его соседями, прочность их является крайне спорной, так как они заключены под нажимом мирового сообщества, в первую очередь США), а не потому, что конфликтующие стороны достигли определенного баланса в силовом противостоянии, выход за рамки которого представляется им самим нецелесообразным или опасным. Внешнее давление и опора на внешние

гарантии, а не на собственные силы и прагматические интересы – шаткий фундамент для долгосрочного мира.

Как это ни парадоксально, с цивилизационной точки зрения излюбленный постулат противников мирного урегулирования из числа арабских политиков о том, что Израиль – временное образование на Ближнем Востоке и не только должен, но и *может* быть уничтожен, вполне укладывается в практику саморазрушения группы «новых переселенческих обществ», реализованную (также под давлением мирового сообщества) в конце XX в. в отношении такой страны, как ЮАР. Примитивизируя и огрубляя схему возникновения стран современного мира, мы можем разделить их на три значительные группы: общества исторические, переселенческие и бывшие колонии или провинции распавшихся империй (границы которых часто имеют историческое происхождение). Современный Израиль, при всей глубине его исторических корней, общество переселенческое, причем, наряду с некоторыми другими странами, *новое*, существенно отличающееся от скорых «устойчивых» переселенческих обществ, занимающих весь Американский континент, значительную часть Евразии, Австралию и Новую Зеландию. Его главная проблема (как и проблема ЮАР) – внутренняя неустойчивость, опирающаяся на существование в стране сравнимых по численности неравноправных групп населения, не имеющих возможности взаимной интеграции. «Устойчивость» переселенческого общества, как показывает исторический опыт, может быть достигнута двумя способами.

Один из них – взаимное смешение «аборигенов» с переселенцами (в бывших колониях Испании и Португалии, послуживших основой государств Латинской Америки, Российской империи и СССР, а также в Китае). Другой – при абсолютном численном перевесе переселенцев над «аборигенами» и установке на ничем не ограниченное вытеснение последних на периферию заселяемых территорий, вплоть до физического уничтожения, с постепенным предоставлением гражданских прав по мере достижения обществом все более высокого уровня демократии (в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии). Если же в переселенческом обществе существуют сравнимые по численности несмешивающиеся по той или иной (расовой или конфессиональной) причине группы населения, внутренние противоречия накапливаются до уровня социального взрыва, причем во всех случаях проигравшей стороной являются именно переселенцы. Это относится практически ко всем бывшим колониям и получившим независимость провинциям великих держав в Азии и Африке.

Пример ЮАР, на глазах нашего поколения превращающейся из африканской сверхдержавы в зону социального бедствия, – чрезвычайно показателен для Израиля. Урегулирование внутренних отношений в этой стране и ее конфликтов с соседями произошло как вследствие давления на правительство либеральной белой интелли-

генции и борьбы за свои права черного большинства, так и под давлением мирового сообщества. Цели при этом преследовались самые благие, а политика апартеида не только не оправдала себя, но и послужила мощным стимулом для внешнего и внутреннего давления на ЮАР. В результате, однако, страна, обладающая колоссальными природными ресурсами, высокоразвитым сельским хозяйством и промышленностью, включающей ядерную энергетику, космическую промышленность и ВПК, на базе которого была создана одна из сильнейших армий мира, обладающая ядерным оружием, одной из лучших в мире медициной, системой образования и пр. вступила в полосу кризиса, двигаясь по тому же пути, который до нее прошла Родезия, где этот кризис приобрел необратимый характер, а также ряд других государств Африки. Стремительное сокращение некоренного населения – наиболее образованной и высокопрофессиональной прослойки рабочей силы, трайбализм и коррупция – лишь часть цены, заплаченной за то, что естественный ход эволюции общественной системы ЮАР в сторону демократизации был ускорен под жестким внешним давлением.

В израильском обществе и консервативной части руководства страны крепнет убеждение, что Израиль не менее уязвим по отношению к резким изменениям, которые влечет мирное урегулирование в его сегодняшнем формате, чем ЮАР. Следует отметить, что внешнеполитический кризис в отношениях с соседями – арабо-израильский конфликт – лишь одна из, составляющих глобального кризиса израильского общества. Часть его – кризис в сфере национальных отношений, причем не только с палестинцами, но и с израильскими арабами, неполноправными гражданами страны, общиной, все более палестинизирующейся и входящей в жесткий конфликт с собственным государством, что воскрешает в обществе еще недавно абсолютно табуированную идею трансфера – силового отделения от арабов, в том числе не только от палестинцев, но и от арабов Израиля.

Внутриполитический кризис – маргинализация израильского политического истеблишмента, разрушительное воздействие на устойчивость общества секторальных партий, деградация национальных институтов и национальной идеи, нарастающие противоречия между различными группами, составляющими израильское общество, заставляет говорить о принципиальной возможности втягивания Израиля в состояние гражданской войны по ливанскому варианту, едва ли не панацеей от которой может стать авторитарный режим. Кризис религиозный, выражающийся не только в усилении противостояния светского населения с ортодоксами, а также ортодоксов с представителями неортодоксальных течений иудаизма (составляющих большинство в еврейских общинах Запада), но и в политизации этого противостояния, с включением в него различных групп традиционалистов, с одной стороны, воскрешает лозунги «светской революции», а

с другой – подрывает религиозно-историческую идею Израиля. Наконец, наметился естественно вытекающий из хода экономического и политического развития страны кризис в отношениях с мировой еврейской диаспорой – этой квазиметрополией Израиля, фактически создавшей его и всемерно способствовавшей выживанию и укреплению государства.

Ни одна из этих составляющих комплексного общественно-политического и религиозно-идеологического кризиса, с которым столкнулся Израиль на современном этапе своего развития, не разрешима благодаря воздействию ближневосточного мирного процесса в его современном формате. Напротив, он оказывает стимулирующее воздействие на этот кризис, обостряя его, ускоряя его ход и усугубляя последствия. Не следует заблуждаться и по поводу израильского «экономического чуда» 90-х годов, которое лидеры левых партий однозначно трактуют как следствие хода мирного процесса. На деле ключевым фактором, обеспечившим его, стал приток иммигрантов из республик бывшего СССР, обеспечивший выход израильской экономики из полосы стагнации середины-конца 80-х годов, так называемой левантизации. Необратимость хода развития израильской экономики под большим вопросом, в ней борются различные тенденции, и политические факторы оказывают на нее большое влияние, в том числе усиление нестабильности в обществе вследствие событий, связанных с ближневосточным мирным процессом, сказывается самым негативным образом.

Не следует преувеличивать и возможности, открывающиеся вследствие ближневосточного мирного процесса перед палестинцами в решении своих проблем. Палестинская национальная автономия (ПНА) также поражена кризисом, составляющие которого – кризисы экономический, демографический, экологический и ресурсный. Ход развития ПНА на протяжении всех 90-х годов показал невозможность для нее сколь бы то ни было приемлемого существования вне израильской экономики. Проблема беженцев как внутренняя проблема палестинцев чрезвычайно остра, ибо демографическое давление (особенно в секторе Газа) столь велико, что реально речь идет не столько о приеме беженцев, сколько о решении проблемы занятости путем возможности организации экономической иммиграции... уже из независимой Палестины. Устойчивость чрезвычайно забюрократизированной и коррумпированной политической системы ПНА, находящейся в процессе трансформации из военно-революционного режима в гражданский, основана на феномене Ясира Арафата, а механизма преемственности высшей власти просто не существует.

В связи со всем вышесказанным политические дивиденды от поддержки Россией усилий США по поддержанию ближневосточного мирного процесса представляются крайне сомнительными, а настойчивые призывы «вмешаться в качестве противовеса» напоминают о

необходимости трезвых оценок: не станет ли Россия в результате вместо развития собственной политики играть в «чужой игре». История втягивания России в проблемы региона, чтобы в итоге получить повышенные дивиденды от сотрудничества с Западом, имеет давнюю историю, как и превращение ее (еще во времена СССР) в «козла отпущения», ответственного за военные, политические и экономические просчеты и провалы местного истеблишмента и политического руководства. Характерна, но отнюдь не уникальна в этой связи история отношений СССР с Египтом в 70-е годы.

Сегодня ближневосточный мирный процесс не имеет реальной *местной* исторической, экономической, общественно-политической основы, могущей закрепить его результаты на сколь бы то ни было длительное время. Это вовсе не означает, что Россия должна предпринимать какие-либо шаги по изменению своей роли коопонсора, по крайней мере, если процесс не увенчается явным крахом. Дистанцирование от курса администрации США в *этом* случае лишь укрепит российские позиции в регионе, причем, как это ни парадоксально, у всех конфликтующих сторон.

В то же время именно Россия способна, используя существующие у нее ресурсы влияния на Израиль и Палестину, построить и укрепить систему взаимосвязи между ними в масштабе и на уровне, значительно превышающем традиционный, времен контроля Израилем над палестинскими территориями, или сложившийся в 90-е годы между представителями высшего бюрократического истеблишмента сторон. Чрезвычайно значимый и уникальный ресурс влияния в этом для России: в Израиле – выходцы из республик бывшего СССР, а в Палестине – выпускники советских и российских вузов. Следует отметить при этом, что влияние, которое Россия может оказать на израильскую сторону, значительно сильнее, чем на палестинскую, так как сегодня не США, а Россия через русскоязычные СМИ (в первую очередь электронные) серьезнейшим образом влияет на предвыборную ситуацию в Израиле, вплоть до выборов премьер-министра.

Представляется важным также очертить круг интересов России в Израиле и Палестине. В этой области отдельным вопросом является потенциал сотрудничества в области туризма, в том числе религиозного (паломничества), и недвижимости, принадлежащей России как государству и российским организациям, ведомствам и институтам, в первую очередь РПЦ, причем в сфере отношений с Израилем и Палестиной в равной мере.

Израиль обладает огромным нереализованным потенциалом для интеграции российской экономики и инфраструктуры в мировое сообщество, включая систему образования, науки, промышленность высоких технологий, продукцию ВПК (в том числе в гражданском секторе) и финансово-инвестиционную сферу. По сути, при соответствующем подходе к этому вопросу, он может стать для России в эконо-

мической области тем же, чем в течение десятилетий был для Китая Гонконг. В то же время именно Россия является для Израиля возможным посредником для нормализации отношений с рядом стран арабского мира и Ираном и реальным гарантом его безопасности с их стороны. Чрезвычайно важна также совместная российско-израильская деятельность в противостоянии международному терроризму и организованной преступности, а также политическая поддержка Израилем на Западе усилий России по наведению конституционного порядка в Чечне. В этой связи следует отметить, что приход к власти в Израиле правоцентристской коалиции во главе с Ариэлем Шароном скорее позволит укрепить российско-израильские связи, чем ослабит их. Симптоматично, что генерал А.Шарон в своей предвыборной политике явно педалировал свое «русское» происхождение (в том числе то, что он с детства говорит по-русски). Немаловажной является и его личная роль в укреплении российско-израильских отношений в 90-е годы, в том числе в области выстраивания глобальных стратегических совместных проектов.

Сколько бы то ни было реальные экономические интересы России в Палестине сегодня не просматриваются. Потенциальные возможности в будущем могут возникнуть в результате закрепления российских позиций в профессиональной кадровой подготовке палестинского истеблишмента, в том числе для выстраивания схем взаимодействия экономических субъектов России с нефтедобывающими государствами Персидского залива, существенную часть экономического истеблишмента которых они составляли в прошлом и могут составить в будущем. Значение имеет также внеэкономическое влияние российско-палестинских отношений на позиции России в арабском мире, хотя в какой именно мере интересы там российских ресурсодобывающих компаний, по сути, являющихся транснациональными корпорациями, совпадают с интересами государства – вопрос, пока не имеющий однозначного ответа.

**ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ
СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

В первой половине 90-х годов масштабы делового партнерства России со странами Северной Африки резко сократились. Объем взаимной торговли с ведущим партнером России – Египтом упал с 1,2 млрд. долл. в конце 80 – начале 90-х годов до примерно 300 млн. долл. в 1993 г. На нулевой отметке этот показатель оказался с Ливией. Картина по другим странам региона была не намного лучше. Сотрудничество свернулось практически по всем линиям – в сооружении объектов хозяйственного и культурного назначения, образовательных и медицинских учреждений, в области подготовки национальных кадров.

Причины сложившегося положения хорошо известны. Кратко они сводятся к следующим:

- в странах Северной Африки – продуцентах углеводородного сырья резко сократились доходы от экспорта энергоносителей и, соответственно, были заметно урезаны программы развития, что отразилось на внешнеэкономических связях;

- партнеры перешли на систему взаимных расчетов в СКВ;

- в ряде стран резко сократились масштабы государственной поддержки торгово-экономических связей;

- почти полностью, прежде всего в России, изменились субъекты торгово-экономических связей, место прежних государственных организаций заняли коммерческие, причем российские коммерческие структуры мало известны в Северной Африке, и они слабо знакомы с реалиями региона;

- такие крупные в прошлом партнеры СССР, как Алжир и Ливия, переживают в течение последнего десятилетия серьезные потрясения. В Алжире они связаны с гражданской войной и системным кризисом. В Ливии – с международными экономическими санкциями;

- сказалась проблема выплаты внешнего долга, прежде всего Ливией и Алжиром, которая не была урегулирована в течение длительного времени;

- значительная, если не большая доля в торгово-экономических связях партнеров приходилась в прошлом на военные поставки и военно-техническое сотрудничество, которые с начала 90-х годов были свернуты;

– российские коммерческие структуры в 90-е годы по многим причинам ориентируются главным образом на сотрудничество с развитыми промышленными странами, а не с периферией мирового хозяйства;

– негативно сказались кризисные явления в экономике России в течение последних полутора – двух десятилетий. В этих условиях РФ испытывает естественные трудности на многих направлениях торгово-экономического сотрудничества с зарубежными партнерами;

– более активную деятельность иностранного капитала в России блокируют взяточничество, бюрократический произвол, криминал, неустойчивость хозяйственного законодательства;

– одной из важнейших причин спада стало практически полное отсутствие в период существования СССР взаимных инвестиций по идеологическим причинам. Между тем взаимные инвестиции именно в кризисные времена, как свидетельствует мировой опыт, – главная опора и мощный стимул продолжения торгово-экономического партнерства, а затем – в период оживления и подъема – перестройки связей и их дальнейшего развития;

– серьезным тормозом стало то обстоятельство, что в странах Северной Африки лишь во второй половине 90-х годов приступили к приватизации, и положение как государственных компаний, так и новых экономических образований характеризуется определенной неустойчивостью – процесс приватизации либо незавершен, и не вполне ясна судьба госпредприятий, либо новые образования еще не вполне освоились в новой ситуации. В России наблюдаются схожие процессы. При этом идет борьба за перераспределение собственности, значительная часть негосударственного сектора работает неэффективно.

Наверное, это не все причины ухудшения делового арабо-российского партнерства, но даже одной из них вполне достаточно, чтобы объяснить происшедший спад в торгово-экономических связях.

Анализ, пусть и краткий, состояния и причин кризиса российско-североафриканских торгово-экономических связей дает ответы если и не на все, то на многие актуальные вопросы развития делового партнерства между Россией и арабскими странами.

Во-первых, масштабы спада и комплекс причин, приведших к такому результату, вряд ли позволяют надеяться на быстрый подъем и восстановление прежних экономических отношений. Вероятно, этот процесс займет достаточно длительное время, возможно 5–10 и более лет, на что, в частности, указывает медленный прогресс, граничащий с застоем в российско-египетском деловом партнерстве, продолжающийся вплоть до последнего времени. И это – несмотря на принятие в целом полезных решений во время визита президента Египта в Россию в 1997 г., направленных на стимулирование сотрудничества, решение проблемы долга, (Египет демонстрирует в 90-е годы значительный прогресс в экономическом развитии).

Во-вторых, вряд ли Россия вернется в рассматриваемый регион в прежнем качестве: в привычные для нее области экономического партнерства, в сложившиеся в советское время рамки торгово-экономических отношений. Российская ниша, заметно сократившаяся в 90-е годы, постепенно была занята конкурентами, причем преуспевающими, динамичными, отличающимися повышенной конкурентоспособностью – странами Европы и США – главными деловыми партнерами Северной Африки на протяжении многих десятилетий и, в отличие от СССР, имевших в регионе сотни и тысячи филиалов компаний и банков, совместных фирм и других коммерческих структур. В истекшее десятилетие нарастили свои позиции и Япония, новые индустриальные страны. Не остался в стороне от этого процесса и Китай.

Собственно, у стран региона, в свете сказанного, экономические стимулы для привлечения российских партнеров не столь уж и заметны. Они уже далеко не те, что были в 50–60-е годы. Лишь «изгои» вроде Ливии да испытывающий беспрецедентные трудности Алжир гипотетически сохраняют более высокую заинтересованность в партнерстве с Россией в традиционных областях. В целом же экономические мотивы, связанные с развитием торгово-экономического сотрудничества с Россией, заметно уступают политическим. Экономические стимулы не столь сильны в условиях, когда у России в регионе почти отсутствуют или только формируются структуры поддержки – банковские, страховые, консалтинговые и другие.

Для того чтобы лучше понять, что ждет Россию в Северной Африке в сфере торгово-экономических связей, необходимо более точно представить российские цели и приоритеты в этой области.

В последнее десятилетие российские внешнеэкономические, прежде всего внешнеторговые связи в основном ориентированы на экспорт сырья, главным образом энергоресурсов (до 50% всех доходов от экспорта сырья). Чтобы изменить сложившееся положение вещей (Россия – сырьевая периферия мирового хозяйства) и усилить позиции России как промышленной державы, необходимо изменить сырьевую ориентацию внешней торговли в пользу экспорта продукции машиностроения. В этом отношении Северная Африка, как и весь Ближний и Средний Восток, пока – одна из наиболее благоприятных ниш мирового хозяйства.

Наиболее продвинутые страны региона, прежде всего Египет, обладающий значительным экономическим потенциалом, представляют собой перспективный рынок для современных российских технологий и связанных с ними разнообразных услуг. Речь идет о начавшемся в 90-е годы процессе создания национальных технопарков для разработки собственных и адаптации новейших мировых технологий для ведущих отраслей экономики этой страны, а в перспек-

тиве – и для их экспорта в страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Следует особо подчеркнуть, что в условиях, когда российский рынок находится в кризисном состоянии, объективно российские производители товаров и услуг остро нуждаются во внешних рынках, и, видимо, это состояние продлится достаточно продолжительный период. Поэтому возврат России на ближневосточные рынки, несомненно, окажет стимулирующее воздействие на российских производителей.

В целях обеспечения стабильности торгово-экономического сотрудничества между Россией и североафриканскими странами следует поддержать различные формы взаимных инвестиций, в том числе российских, в экономику государств региона. Поддержка российских инвестиций должна носить избирательный характер. Главным образом речь идет о тех инвестициях, которые связаны с обеспечением экспорта продукции машиностроения и новых технологий, включая инвестиции в развитие энергетики, а также в нефтегазовую сферу, являющиеся приоритетными в программах экономического развития ряда стран Северной Африки. Химическая промышленность, металлургия, отдельные отрасли машиностроения, в частности производство деталей и узлов, а также сборка летательных аппаратов, малое и среднее судостроение, производство отдельных видов транспортного и другого промышленного оборудования могут быть отнесены к приоритетным областям для российских инвестиций.

Арабские инвестиции (как и любые другие иностранные капиталовложения) в отрасли российской промышленности, производящей сырье и материалы (лес, цемент, металлоконструкции и т.п.), машины и оборудование (возможно, с участием третьей стороны в лице фирм и компаний промышленно развитых стран) для экспорта в страны региона были бы для российской экономики благом. В условиях, когда Россия испытывает инвестиционный кризис, она принимает лишь мизерную долю мировых инвестиционных потоков. Для сравнения – объем иностранных инвестиций в Китай в начале XXI столетия составил 40 млрд. долл. в год, в Россию – 1–2 млрд.

Тенденция к либерализации внешней торговли, открывая в ближайшей перспективе рынки Северной Африки, позволяет России наращивать экспорт разнообразной готовой продукции, причем конкурентоспособной из-за ее относительной дешевизны, на рынки региона. Масштабы последнего хотя и не столь велики, тем не менее значительны. Только товарный импорт стран Северной Африки равен примерно 40 млрд. долл. и соизмерим с российским годовым экспортом. Еще раз необходимо подчеркнуть – **задача экспортной политики России, в том числе на североафриканском направлении, не только и даже не столько в наращивании объемов экспорта, сколько в создании необходимых условий, необходимых стимулов через развитие экспорта для повышения конкуренто-**

способности российской обрабатывающей промышленности. Проблема конкурентоспособности российской продукции на мировых рынках является на сегодняшний день частью проблемы национальной безопасности. Иными словами, экспорт российской готовой продукции, прежде всего машиностроительной, – важнейшая часть механизма совершенствования национальной экономики, локомотив экономики XXI в. Этому направлению нет разумной альтернативы. И североафриканские рынки – одна из наиболее благоприятных для этого ниш мировой экономики по многим причинам.

Страны Северной Африки сохраняют свое значение как главный зарубежный поставщик на российский рынок фруктов и овощей, а также важный экспортер различной продукции легкой промышленности. В конце 90-х годов только импорт из Марокко цитрусовых и овощей составил порядка 250 млн. долл. Атлантическое побережье Марокко и Мавритании – традиционный и один из главных промысловых районов для российских рыболовецких судов, где они добывают десятки тысяч тонн морской продукции. Россия сохраняет заинтересованность в этих направлениях торгово-экономического сотрудничества на длительную перспективу.

Североафриканские страны сохраняют свое значение для экспорта российскими организациями различных видов услуг – в области подготовки кадров, оказания медицинских услуг, в сфере туризма. В последнее десятилетие Египет, а также Тунис и Марокко принимают значительные потоки российских туристов.

В целом для внешнеэкономической стратегии России на североафриканском направлении с учетом вышесказанного было бы целесообразно ориентироваться на прогресс по следующим направлениям:

- добиться восстановления сотрудничества в традиционных областях – энергетике, цветной и черной металлургии, цементной промышленности, производстве различных строительных материалов и конструкций, строительстве ирригационных сооружений, химической промышленности, добывающей промышленности в интересах форсирования экспорта продукции российского машиностроения;

- усиливать позиции в экспорте разнообразной российской продукции и различных видов услуг;

- наладить сотрудничество в области взаимных инвестиций, ориентированных на долгосрочное партнерство;

- добиваться расширения объемов консалтинговых услуг и повышения их стандартов до мирового уровня;

- поддерживать начавшийся со второй половины 90-х годов процесс сотрудничества российских регионов и стран Северной Африки;

- в особой поддержке нуждается малый и в особенности средний бизнес, формирующие наряду с взаимными инвестициями «критическую массу», необходимую для устойчивого в целом делового парт-

нерства, и отличающиеся особой гибкостью и оперативностью в решении деловых вопросов;

– целесообразно наладить издание в СМИ (специализированных справочных изданий на русском и арабском языках, создание сайтов в Интернете и др.) материалов справочного и рекламного характера по различным направлениям торгово-экономического сотрудничества между Россией и арабскими странами, прежде всего по рынкам товаров и услуг, потенциальным партнерам, особенностям инвестиционного законодательства, налогам, таможенным правилам и т.д. Подобные специализированные издания по отдельным странам Африки, Ближнего Востока уже публикуются на разовой или периодической основе.

Для достижения вышеназванных целей целесообразно завершить процесс формирования правовой базы, необходимой для различных форм партнерства, завершить начавшийся в последние годы процесс создания соответствующих структур поддержки сотрудничества (Советы по торгово-экономическому сотрудничеству или двусторонние торгово-промышленные палаты; специализированные банковские структуры, страховые и транспортные компании, представительства крупных компаний и банков, российских регионов и т.д.), поддерживать мерами государственной политики компании и фирмы, успешно, динамично действующие на внешнеэкономических направлениях. Важно также поддерживать те российские компании и структуры, которые формируют современный имидж российских производителей товаров и услуг в арабском мире.

АФГАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Взаимоотношения России и с арабскими странами, и с Турцией, и с Ираном до сих пор несут на себе отпечаток биполярной эпохи. В Афганистане же, где по одну сторону баррикад оказались Москва, Вашингтон и Тегеран, ситуация принципиально иная. Подопечным этого весьма своеобразного альянса выступает признанное почти всем миром, но фактически свергнутое правительство во главе с президентом Раббани и министром обороны Ахмад Шахом. В свое время они возглавляли моджахедов, воевавших против местных коммунистов и их советских союзников. Теперь их противником выступает Исламское движение «Талибан», которое контролирует более 90% территории. Раббани и Ахмад Шах опираются на афганских таджиков, не способных, как показала практика, сплотить весьма пестрое в этническом отношении население, талибы же – на пуштунов, веками объединявших страну.

«Талибан», утверждают его противники, превратил Афганистан в международный центр терроризма, крупнейшего производителя наркотиков, заповедник средневековых нравов и обычаев, дискриминирует женщин и, отказываясь создать коалиционное правительство, делает ставку на военную победу.

Действительно, там, где правят талибы, существуют лагеря международных террористов и широко производятся наркотики. Но террористы, окопавшиеся в стране задолго до талибов, чувствовали себя достаточно вольготно и при Раббани. То же можно сказать и о наркомафии. Конечно, столкнувшись с задачами государственного строительства, и Раббани, и Ахмад Шах пытались этому противодействовать. Но неспособные объединить страну, эффективно бороться и с терроризмом, и с наркоманией, да и с захлестнувшим страну бандитизмом не смогли. Почему бы подобной эволюции и даже гораздо более глубокой не ожидать от талибов? Ведь они, в отличие от моджахедов, действительно воссоздают централизованное государство. Что же касается ограничения сферы женщины главным образом домашними обязанностями, необходимо помнить, что в Афганистане мы имеем дело с такой культурой, которая в гораздо большей степени, чем любая другая, всегда закрепляла доминирующую, определяющую роль мужчины, причем культурой, подорванной многолетней войной. Ее восстановление происходит в формах, не всегда адекват-

но воспринимаемых в иных культурных системах (прежде всего евроамериканской). Одной из этих форм выступают и средневековые наказания, которые, хотя и санкционируются шариатом, в подавляющем большинстве мусульманских стран давно не применяются. Создание же «коалиционного правительства» в афганских условиях означает закрепление (пусть и в рамках формального единства) фактического раздела страны, что, явно не отвечая интересам подавляющего большинства афганцев, соответствует реальным и весьма серьезным интересам внешних сил.

Как известно, ни одно правительство в Кабуле никогда не признавало законность афгано-пакистанской границы – преемницу того рубежа между Афганистаном и Британской Индией, который еще в XIX в. разделил всех пуштунов на две примерно равные части. Стремясь утвердиться среди собственных пуштунов, отношения которых с центральной властью всегда были непростыми, пуштунские правители Афганистана постоянно требовали предоставить пакистанским пуштунам право на полное самоопределение вплоть до образования своего государства. Такая позиция Кабула служила причиной головной боли не только у Исламабада, но и у стоявших за ним во времена «холодной войны» Соединенных Штатов. Ведь пуштунская проблема волей-неволей разворачивала Афганистан в антизападном направлении. Именно поэтому главным экономическим донором Кабула стала Москва.

Коммунистический переворот 1978 г. и особенно введение советских войск, превращение Пакистана в убежище для миллионов афганских беженцев и основную базу моджахедов – все это отодвинуло пуштунскую проблему на задний план. Однако при опирающемся на афганских таджиков правительстве Раббани она снова дала о себе знать. Наметившийся распад Афганистана явно угрожал стихийным объединениям пуштунов по обе стороны афгано-пакистанской границы и дестабилизацией Пакистана. Как известно, под влиянием межэтнических противоречий это государство уже однажды разваливалось. Именно тогда с помощью Исламабада и координирующего с ним свою афганскую политику Вашингтона в среде беженцев из Афганистана возникло движение «Талибан». Однако победы талибов вскоре вызвали тревогу в Пакистане. Восстановление жесткой государственности во главе с пуштунами вновь обострило бы пуштунский вопрос, но уже на межгосударственном уровне. Поэтому, официально признав власть талибов, Пакистан начал одновременно подталкивать их к компромиссу с правительством Раббани.

Цель этих маневров – реставрировать верховную власть афганских пуштунов при сохранении сильной таджикской автономии. Тогда Кабул, поднимая пуштунский вопрос и тем самым подчеркивая особую роль в государстве пуштунов, автоматически ослаблял бы свои позиции среди таджиков. Старый спонсор Исламабада – Вашингтон,

продолжая признавать Раббани, действовал в том же направлении свободнее и напористее. Но почему в одном ряду с США оказалась и Россия? Ведь пуштунская власть в Афганистане, казалось, полностью отвечает ее интересам. В бывшей советской Центральной Азии живут таджики, а не пуштуны. Поэтому пуштунские правители Афганистана объективно были и впредь будут заинтересованы сохранить, а не разрушить границы с этим регионом.

Что же касается пуштунской проблемы, то она, казалось бы, если и не нужна сегодня Москве, то во всяком случае не направлена против нее. Но времена меняются. Сейчас для России, в отличие от прошлого, гораздо большее значение, чем пуштунский, имеет таджикский вопрос, не дестабилизация Пакистана, а стабилизация Таджикистана. Как известно, от сохранения мира в пережившей вспышку гражданской войны бывшей советской республике зависит и стабильность сопредельной с Россией Центральной Азии. Национальное же примирение в Таджикистане во многом связано с поддержкой борьбы афганских таджиков. Бросить правительство Раббани в таких условиях Россия не может.

Сходными соображениями, на мой взгляд, руководствуется и Иран. Таджикистан – единственная страна в мире, связанная с ним общностью основного, государственного языка. Дополнительным фактором, видимо, служит и заинтересованность в ослаблении талибов как религиозно-политических конкурентов Тегерана в регионе.

Таким образом, сегодня самые разные причины привели к тому, что и Россия, и США, и Иран оказались в Афганистане как бы в одной лодке. Но если не официальный, то неофициальный консенсус между ними полностью зависит от сопротивления талибам внутри страны, единственным реальным лидером которого выступает Ахмад Шах. Если, несмотря на внешнюю помощь, афганские таджики, подобно афганским узбекам, безоговорочно признают власть «Талибана», в Афганистане возникнет принципиально новая ситуация, которую так или иначе придется учитывать и России, и США, и Ирану.

В наиболее сложном положении из-за неизбежного возрождения пуштунской проблемы окажется Пакистан. Хотя после «холодной войны» эта страна уже не имеет для Вашингтона прежнего значения, ее дестабилизация, а тем более распад явно не входит в его планы. В наиболее выигрышном положении может оказаться Иран. Заменив Россию в качестве традиционного спонсора Кабула в пуштунском вопросе, Тегерану, возможно, удастся «привязать» талибов к своей антиамериканской политике, укрепить свои позиции во всем мусульманском мире. Россия же, восстановив традиционные отношения с афганскими пуштунами, может попытаться свести на нет такие проблемы, как признание талибами независимости Чечни и поддержка ими центральноазиатских экстремистов.

Да, «Талибан», как, впрочем, и иранские исламисты, отнюдь не европеизированная сила. Однако, возможно, именно талибы в гораздо большей степени, чем их предшественники, представляют особый характер пробуждающейся после долгой спячки исламской цивилизации. Поэтому не Ближний, а именно Средний Восток (в частности, Афганистан) служит в целом прообразом тех внешнеполитических проблем, с которыми будет сталкиваться Россия на юге в XXI в.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-АРАБСКОГО ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В союзные времена торговые отношения и техно-экономические связи с основными партнерами в арабском мире регулировались торговыми и платежными соглашениями и строились на базе взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования в торговле и навигации. Платежи по операциям осуществлялись на базе клиринговых расчетов.

После развала Советского Союза возникла потребность в создании новой договорной и юридической основы для поддержания торгово-экономических отношений между Россией и арабскими государствами. В рамках реализации этой потребности на протяжении 90-х годов Россия заключала с рядом своих традиционных партнеров в арабских странах соответствующие соглашения об экономическом, научном и техническом сотрудничестве. Одним из главных моментов в них был переход к системе, согласно которой платежи между партнерами по сделкам должны осуществляться в свободно конвертируемой валюте. Другими словами, в отношения было привнесено рациональное, коммерческое начало, знаменовавшее переход к общепринятым принципам и нормам организации торговли. Другое новшество заключалось в отказе от сориентированных на идеологию установок, которые порождали своего рода неэквивалентность в обмене между СССР и Арабским Востоком. В частности, подобный дисбаланс возникал в связи с тем, что арабские реципиенты обретали возможность пользоваться плодами сотрудничества в их вещественной форме немедленно, в то время как их задолженность по оплате поставок из Советского Союза росла, перспективы погашения ее имели отложенный характер, а внутренний рынок СССР наполнялся исключительно потребительскими товарами, неконкурентоспособными в других частях мира. Только в отдельных случаях в СССР по клирингу осуществлялись ограниченные поставки продукции, имевшей стратегическое значение, в виде сырья или другой высоколиквидной товарной массы.

Наследство, оставшееся от сотрудничества между СССР и арабским миром, оказалось труднопреодолимым барьером. За десятилетия тесных отношений во внешнеторговой сфере и, главным образом, во внешнеэкономическом сотрудничестве было накоплено много про-

творечий, без устранения которых невозможно реализовать обоюдные интересы. Речь, в первую очередь, идет о долгах, которые составляют большие абсолютные величины и исчисляются многими миллиардами долларов. В связи с этим межправительственные соглашения в 90-е годы дополнялись соглашениями об урегулировании взаимных долговых обязательств, возникших в результате предоставления СССР государственных кредитов арабским странам, и долгов Союза арабским правительствам, образовавшихся в процессе применения клиринговых расчетов.

Юридическая база взаимных отношений не ограничивается только межправительственными соглашениями или протоколами о сотрудничестве. Существенная роль также принадлежит документам, которые предотвращают возможность двойного налогообложения, обеспечивают защиту инвестиций, определяют другие фундаментальные условия сотрудничества.

Естественно, не со всеми арабскими странами подписаны необходимые пакеты соглашений, полностью регламентирующие все сферы торгового и экономического взаимодействия. С большинством стран России связывают только соглашения о сотрудничестве, тогда как другие документы находятся в стадии разработки, рассмотрения или ратификации. Следует отметить также (а это имеет значение для понимания общего состояния российско-арабских экономических отношений), что с рядом стран на Ближнем Востоке, особенно в Персидском заливе, элементы торгово-экономических отношений только еще формируются, а сделки носят пробный характер и часто совершаются на спонтанной основе.

Инструменты, с помощью которых осуществляется межправительственное сотрудничество, остаются прежними. Это двухсторонние постоянные комиссии по торговому, экономическому, научному и техническому сотрудничеству, на которые возложено решение всех вопросов, связанных с координированием и регулированием усилий для обеспечения беспрепятственной работы внешнеторговых механизмов, продвижения товаров, капиталов и услуг на рынки друг друга и т.п. задач. Другими словами, здесь сохраняется приверженность международной практике, устоявшимся методам ведения дел, которые зарекомендовали себя и в советскую эпоху.

Однако, несмотря на присутствие формальных моментов, все же нет оснований считать, что на ближневосточном направлении у России имеются весомые предпосылки для прорыва и возвращения себе той роли, которую играл в недалеком прошлом в экономике наиболее приближенных к нему арабских стран Советский Союз. Неурегулированность отношений в полном объеме служит существенным организационно-техническим ограничителем развития российско-арабского взаимодействия. Однако, видимо, существует объективная необходимость прохождения этого этапа, поскольку изменение социальной

природы российского государства и эволюция его экономики в сторону рынка, равно как и встречные процессы в арабском мире, представленные сходными тенденциями, и сопутствующие им явления, выраженные в преобладании застойных форм в хозяйственной сфере арабских партнеров России, требуют более или менее длительного адаптационного периода как для самих государств-адептов новых воспроизводственных механизмов, так и для отношений между ними, с одной стороны, и России, с другой.

На характер и динамику сотрудничества оказывают влияние и другие факторы, как новые, так и имевшие место в предшествовавшую эпоху. К новым, видимо, следует отнести то, что российский промышленный потенциал снизился настолько, а экспортные ресурсы сократились в такой мере, что это стало влиять на качественные показатели торгового и технического сотрудничества с арабским миром, а в равной мере и на его количественные параметры.

Второй момент заключается в том, что разведение экономического и идеологического начал в России, в том числе и в области внешнеэкономических связей, и подчинение экономики прагматическим императивам также резко сказалось на объеме экспортно-импортных операций с Арабским Востоком.

К старым факторам следует отнести сохраняющуюся хозяйственную отсталость ближневосточных государств и их низкий экспортный потенциал, который в принципе ограничивает для них возможность маневра во внешнеторговой сфере и сужает перспективы диверсификации их производств и повышения объемов выпускаемой продукции в экспортноориентированных отраслях.

Однако следует отметить, что это обстоятельство лишь косвенно касается России, поскольку последняя может довольствоваться традиционным экспортом из арабских стран, как довольствовался этим Советский Союз (хотя и в иных исторических условиях, при которых внешнеторговые структуры утилизировали любые ресурсы страны-должника для компенсации поставок по спецсоглашениям). Тем более потому, что в новых условиях поставки стратегических видов сырья из государств Арабского Востока, например, нефти или хлопка, осуществляются за твердую валюту, по меркам свободного рынка, и для России в любом случае будет нереально рассчитывать на их поставки в обход общепринятого порядка, т.е. покупки за валюту. Хотя, может быть, могут возникнуть какие-то исключения в силу того, что в некоторых случаях (как, например, с Египтом) установлено, что оба государства договорились об использовании, при необходимости, своих внутренних национальных валют в качестве платежного средства при расчетах во внешнеторговых сделках (но, очевидно, по согласованному курсу).

Сферы сотрудничества между Россией и странами арабского мира остаются практически неизменными, хотя нельзя исключать, что

в связи с экономическим кризисом в России объемы и номенклатура поставляемых из нее товаров имеют тенденцию к сокращению. Это с одной стороны. С другой, арабские страны, не привязанные ныне к клирингу, имеют большее поле для маневра и могут переориентироваться по ряду позиций на западных партнеров, тем самым дополнительно сужая возможности для российского экспорта в свои пределы.

Сложные перспективы для российско-арабских отношений могут возникнуть в связи с дальнейшим нарастанием процессов глобализации экономического пространства. Вступление в ВТО связано с определенными условиями и требованиями, влияющими на привычный образ действий развивающихся стран, в том числе и арабских, сложившийся в ходе десятилетиями вырабатывавшейся практики. В случае с арабскими странами, традиционно бывшими партнерами СССР и рассматриваемыми как перспективные для нынешней России, если они станут членами ВТО, схема организации внешнеторговой и внешнеэкономической деятельности их может существенно измениться. В крайних обстоятельствах полномасштабное включение в глобальный торгово-экономический процесс чревато для них нежелательными последствиями в виде подавления некоторых отраслей национальной промышленности (например, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, фармацевтической и некоторых других), сужением сферы экспорториентированных производств, вообще ограничением возможностей появления на мировом рынке с товарами традиционного экспорта. Это обстоятельство может коренным образом преобразить прежние отношения России и арабских стран. С одной стороны, могут видоизмениться некоторые обстоятельства взаимодействия, частично процесс может затронуть и целые ниши сотрудничества, ликвидировав одни и обусловив появление других, наполнить новым содержанием старые. С другой стороны, могут значительно усложниться отлаженные под прежние методики сотрудничества схемы взаимодействия, потребуются разработка новых механизмов и привлечение иных инструментов для развития связей. Вместе с тем и грядущее вступление России в ВТО в обязательном порядке, как минимум, приведет к серьезной корректировке ее отношений с арабскими партнерами, а в крайнем случае, к перестройке всей системы взаимодействия с ними.

Упомянутые обстоятельства могут быть отнесены к категории объективных, сложившихся под влиянием внутренних и мировых экономических факторов и социальных процессов, охватывающих как самое Россию, так и арабский мир в целом.

Наряду с этими имеются и другие явления, которые способны активно воздействовать на масштабы и характер сотрудничества России и арабского региона. Динамика отношений с арабским миром в целом подвержена спаду, и это проявляется как устойчивая тен-

денция. Подобная ситуация в сложившихся реалиях предстает естественной и обусловлена многими причинами.

Российские организации не только обнаруживают свою малоподвижность в контактах с арабскими странами, но и интенсивно утрачивают позиции, которые ранее были закреплены за ними на традиционных направлениях двухстороннего сотрудничества. Причем процесс применительно к отдельным арабским странам зашел настолько далеко, что компании третьих стран успешно вытесняют своих российских «коллег» из базовых отраслей, как это имеет место, например, в Алжире. Здесь россияне абсолютно «выдавили» из нефтегазовой отрасли, трубопроводного транспорта и металлургии, хотя ранее именно ими возводилось большинство объектов первостепенного национального значения для Алжира. Такие примеры в той или иной степени регистрируются не только в указанной стране, но и во всех других, с которыми ранее поддерживались теснейшие связи.

Российские внешнеторговые структуры обречены на сдачу своих позиций под влиянием весьма серьезных обстоятельств. Государственные предприятия и фирмы России не проявляют достаточной инициативы для проникновения на арабские рынки, хотя потенциально могут рассчитывать на поддержку государства своим шагам в этом направлении. Акционированные структуры в значительно меньшей степени могут опираться на помощь государства, его финансовую поддержку или государственное страхование либо вообще лишены подобной возможности. Между тем в западном мире поддержка частного бизнеса и капитала и юридическое и иное обеспечение его проникновения на рынки зарубежных стран является нормой в действиях государственных органов и учреждений, призванных выполнять внешнеполитические и внешнеэкономические функции. Российский же МИД только начинает разворачиваться в эту сторону, он не освоил практику лоббирования экономических интересов национального капитала и, видимо, долго еще будет отрабатывать механизмы оказания влияния в этой сфере, уступая своим иностранным коллегам, для которых подобная деятельность является коренной задачей. В этом смысле подходящей иллюстрацией сказанному может служить практика французского правительства, оказывающего своему бизнесу, крайне заинтересованному, как и российский, в иракском рынке, полномасштабную и четко ориентированную поддержку как на стадии продвижения проектов, так и в фазе их согласования с представителями иракской стороны. Подобная политика, по мнению иракских экспертов, способна уже в ближайшем будущем вывести французские фирмы на ведущие позиции в Ираке, хотя именно российские фирмы, по тем же оценкам, являются пока ведущим и наиболее обещающим партнером Ирака в торговле и экономической деятельности.

Информационная поддержка российского бизнеса – также слабое место в техническом сопровождении российского предпринима-

тельства. В нынешних условиях продвинутый бизнес не работает без соответствующей информационной базы, рекламной подпитки в разных формах. При этом большое значение приобретает не только факт присутствия рекламы на рынке и информации о предлагаемых продуктах, но и методика подачи материала, его качество и оформление. Особое значение эти факторы имеют в капиталоизбыточных странах Персидского залива, «завязанных» на западный бизнес и привыкших работать на условиях цивилизованного предпринимательства в его наиболее изощренном виде. Для нефтедобывающих стран, а эта практика постепенно распространяется и на другие части до сей поры менее требовательного арабского региона, нормой является бесперебойная связь со всем миром во всем ее разнообразии, доступные в любое время и, как минимум, англоговорящие сотрудники фирм. Кроме того, необходимо учитывать особенности арабского делового менталитета и специфику делового общения, понимая, что богатые бизнесмены с нефтяной психологией не склонны с энтузиазмом воспринимать любые предложения о сотрудничестве, предпочитают не рисковать своими капиталами, избегают скрупулезной подготовительной работы и предпочитают иметь отношения с теми партнерами, которые резервируют такую работу за собой. Едва ли российские бизнесмены готовы работать в подобном режиме.

Большим недостатком в работе российского бизнеса является то, что он медленно усваивает новые методы работы с партнерами, которые в других местах сразу же берутся на вооружение и широко применяются, что позволяет пионерам обходить соперников и добиваться крупных успехов в продвижении своей продукции на арабские рынки. В частности, это касается офсетных, или компенсационных, сделок, которые предлагает, например, Бахрейн как базу для сотрудничества в области нефти и газа. Однако этот инструмент сотрудничества пока недоступен России, которая не может позволить себе вкладывать часть средств в экономику других стран из-за острого финансового дефицита у себя, хотя при рациональной системе хозяйствования такой механизм сотрудничества мог бы стать вполне естественным и реальным. Между тем в российской практике все еще не изжиты методы и формы, унаследованные от эпохи клиринговых расчетов, которые не требовали применения тонких механизмов, носили прямолинейный и бюрократический характер.

Дефицит опыта участия в тендерах также наносит ущерб внешнеэкономической деятельности российских фирм и предприятий. Этот аспект сопряжен с большой спецификой в арабском мире, обставлен серьезными неформальными условиями, требует большой и кропотливой подготовительной работы, сопряженной с немалыми предварительными расходами. Это же последнее обстоятельство является наиболее раздражающим для российских предпринимателей, которые по плохой купеческой традиции в отличие от конкурентов органически

не приемлют идею расходования денежных сумм без гарантированного положительного результата по итогам торгов.

Не всегда оправдана настороженность российских коммерсантов и их стремление подстраховываться в деловых контактах с арабской стороной любыми способами, порой противоречащими общей практике. В глазах иностранных партнеров наши дельцы и так нередко предстают как выходцы из страны с неважной бизнес-репутацией, поэтому нагромождение требований, от них исходящих, также часто играет негативную роль и служит препятствием для заключения выгодных сделок. Достаточно упомянуть, например, опыт Саудовской Аравии, в соответствующих кругах которой полагают, что российские бизнесмены предъявляют чрезмерные требования по поводу частичной или полной предоплаты товаров в рамках поставок, которые должны осуществляться на условиях FOB. Такой подход, как кажется, действительно может существенно сузить базу сотрудничества, вообще негативно отразиться на его перспективах.

В арабских деловых кругах неприятие вызывает необязательность и непоследовательность, демонстрируемые в некоторых случаях российскими предпринимателями. Это мнение, учитывая свойства арабской деловой среды (где любая информация, тем более негативная, безо всяких формальностей распространяется чрезвычайно быстро с соответствующими комментариями), немедленно обобщается и переносится на всех без исключения бизнесменов из России, создавая им соответствующий имидж ненадежных партнеров и несерьезных людей, у которых по этой причине не будет шансов на второе появление в арабских пределах. На Бахрейне произвел впечатление тот факт, что в ответ на бахрейнскую инициативу об открытии российско-арабского СП по огранке алмазов и переработке драгметаллов (весьма перспективное и доходное дело, по отчетам рыночных аналитиков) российская сторона, будировавшая вопрос и проявлявшая большой интерес к проекту через разные отечественные фирмы, «сошла с дистанции» без объявления причин.

Совместные предприятия в некоторых других арабских странах постигла такая же судьба. СП в Египте, например, предполагавшиеся к созданию в целях расширения египетского экспорта в Россию, так и не были организованы, несмотря на поддержку идеи со стороны межправительственной комиссии. Пять СП в Марокко числятся в ряду действующих, но перманентно работают в экстремальных условиях по причине организационных неурядиц. Конечно, в этом не обязательно вина России, но общий подход и настрой таковы, что за все надо отвечать нашим.

Примерно такая же судьба и у офшорных компаний с участием российского капитала. Они в большинстве расположены в ОАЭ, где их число достигает тридцати в трех свободных экономических зонах в Джебель Али, Аджмане и Шардже. Этим компаниям, зарегистриро-

ванным под маркой Кипра, Либерии, Гонконга и других стран, отведена очень скромная роль как партнерам российского бизнеса, поскольку они могут функционировать лишь в качестве лишнего посреднического звена между российскими экспортерами и местными импортерами. Это ограничение связано с природой действующего в Эмиратах законодательства, которое разрешает только национальным компаниям осуществлять импортные операции.

Вообще крупным препятствием для закрепления российского предпринимательства на арабских территориях является в большинстве случаев отсутствие постоянных представительств на местах. Это затрудняет оперативное решение возникающих вопросов и регулирование текущих проблем, ограничивает возможность поддержания регулярных личных контактов бизнесменов и способность непосредственно отслеживать ситуацию в экономике страны пребывания, вести мониторинг деловой активности и конъюнктуры рынков, поддерживать контакты с торговыми палатами и деловыми кругами и выявлять новые ниши для развития сотрудничества. К тому же отсутствие представительств возбуждает сомнение у деловых людей Востока в дееспособности и надежности компаний, ведущих дела в рамках единичных визитов делегаций.

Вклад торгпредств в решение этих вопросов ныне ограничен. Они, по всей видимости, не могут заменить фирмы и предприятия, имеющие конкретные интересы в данной стране, и способны оперировать преимущественно с информацией общего содержания, не входя в детали коммерческой работы по всем возможным направлениям.

Еще более негативные последствия для репутации серьезного российского бизнеса имело закрытие представительств российских банков в тех частях арабского мира, где они имелись до дефолта 1998 г. По утверждению арабских источников на Бахрейне, для восстановления доверия к российским банкам потребуются значительные усилия и длительное время, учитывая отношение на Востоке к тем, кто не способен поддерживать дееспособность своих структур, претендующих на участие в солидном бизнесе.

Двухсторонние отношения существенно ограничиваются низкой конкурентоспособностью цен на товары российского экспорта и условиями поставки. Это особенно касается отношений с мало емкими рынками (расположенными преимущественно в странах Персидского залива), которые поглощают не крупные партии товаров обширной номенклатуры, отличаются острой конкуренцией и не имеют отлаженных путей доставки из России. К этому же разряду относятся и тенденции, вызванные снижающейся конкурентоспособностью многих видов российского сырья (что отмечается, например, по Марокко), сужением номенклатуры поступающих на экспорт товаров и т.п. обстоятельствами. К этому же ряду негативных черт следует отнести и тот факт, что попытки продвижения на российский рынок товаров

арабского происхождения сопряжены с организационными трудностями и неоправданно завышенными финансовыми расходами на сертификацию целого ряда товаров, в частности, медицинских препаратов и некоторых других видов продукции, производство которой достигло высокого качественного уровня в арабских странах и нужду в которых ощущает российский потребитель.

Пути доставки экспортных грузов в арабские страны также могут расцениваться как один из ограничителей торгово-экономических отношений. Египетские источники, в частности, подчеркивают, что в результате распада СССР многие морские порты, задействованные в торговом обороте, остались на территории Украины, что значительно удорожает доставку экспортно-импортных грузов к месту назначения. Российский же порт Новороссийск подвергается интенсивной критике в арабских кругах в связи с медленной и некачественной переработкой грузов, вымогательством и другими нетерпимыми помехами в работе.

Помимо перечисленных, имеется немало других субъективных и иных факторов, проистекающих из национальных (российских и арабских) особенностей правового обеспечения предпринимательства, организации деловой жизни, функционирования бюрократических учреждений, неустойчивости обстановки в бизнес-среде, во многом влияющих на эффективность российско-арабских взаимоотношений и сотрудничества. Не следует, конечно, понимать так, что российский бизнес малоперспективен, слаб, погряз в действиях, противоречащих признанной в мире этике деловых контактов и коммерческих отношений. Он переживает этап становления, приобретения опыта, освобождается от ложных представлений и обретает черты добропорядочности. Однако это небыстрый процесс, требующий времени и больших усилий, а также предметного учения рынком.

Первая волна крупных российских бизнесменов, во многом составленная из случайных людей, не прошедших рыночной школы и рассматривающих сферу международных экономических связей только как источник личного обогащения, еще не сошла со сцены. Поэтому российский бизнес в обозримой перспективе, вероятно, будет еще носить спонтанный характер, не слишком прилежно учиться на примитивных ошибках, получать уроки уважения и соблюдения обоюдных – своих и партнеров – интересов. Ему также предстоит понять, что интересы России лежат не только на Западе и что Восток, в частности Арабский, может рассматриваться ими не как периферийная зона, а как ценный партнер, способный усваивать не только российское сырье, но и российскую продукцию, которая по потребительским свойствам своим не находит сбыта в развитых странах.

ИТОГИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО МИРНОГО ПРОЦЕССА И ВОЗМОЖНАЯ РОЛЬ РОССИИ В РЕГИОНЕ

Процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке подошел к своему естественному итогу, который был подведен новой вспышкой массового насилия на палестинских территориях осенью 2000 г. и избранием Ариэля Шарона премьер-министром Израиля в феврале 2001 г. Однако было бы поверхностным подходом сводить причину краха Ближневосточного мирного процесса к визиту израильского «ястреба» на Храмовую гору в Иерусалиме, спровоцировавшему «взрыв негодования группы молившихся там палестинцев». Эти события лишь показали, что ни палестинское общество, ни израильское за все годы Ближневосточного мирного процесса так и не продвинулись ни на йоту по пути достижения взаимного доверия. Реальные причины провала политики мирной дипломатии в регионе лежат в иной плоскости.

На протяжении многих десятилетий одна из основ внешней политики Израиля в отношениях с арабскими соседями – его стремление к расколу их единого фронта противостояния «сионистской агрессии» и заключению с отдельными режимами региона сепаратных сделок. Впервые это было реализовано на практике в 1979 г., когда Израиль и Египет заключили мирный договор в загородной резиденции американских президентов в Кэмп-Дэвиде. «Египетский опыт» урегулирования Ближневосточной проблемы подтвердил, что арабский мир далек от единства и пронизан глубокими взаимными противоречиями. Такое положение создавало благодатную почву для израильской политики расчленения «враждебного арабского лагеря». Однако мирный договор между Египтом и Израилем продемонстрировал и другой результат. Египет на долгие годы оказался в жесткой изоляции со стороны других арабских стран, а его лидер Анвар Садат, поставивший свою подпись под договором, поплатился собственной жизнью за этот «исторический шаг». Новому президенту АРЕ Хосни Мубараку потребовалось несколько лет и большой дипломатический талант, чтобы вернуть свою страну в лоно мусульманского, в том числе арабского сообщества.

На рубеже 80–90-х годов ситуация в мире кардинальным образом изменилась. Начался процесс болезненного распада Советского Союза, который долгие годы считался «верным союзником» многих стран «третьего мира» и национально-освободительных движений на

африканском и азиатском континентах. В одночасье рухнул социалистический лагерь, который, как оказалось, был колоссом на глиняных ногах. Однако главным событием этого периода стало прекращение противостояния по оси Запад-Восток, конкретным проявлением которого было острое противоборство между США и СССР. На смену bipolarному миру пришел новый мировой порядок, при котором правила глобальной политики диктовались волей одного лишь Вашингтона. Все эти изменения не могли не затронуть ближневосточный регион. Многие арабские режимы, достаточно комфортно чувствовавшие себя в прежних условиях американско-советской конфронтации, не только потеряли ясные ориентиры своего существования, но и попытались извлечь из положения наступавшей, как тогда казалось, международной анархии свои дивиденды. Примером этого может служить иракско-кувейтский конфликт и последовавшие за ним меры, в том числе военного характера, по пресечению деятельности «агрессивного режима в Багдаде» со стороны мирового сообщества.

Таким образом, в начале 90-х годов на Ближнем Востоке сложилась уникальная ситуация, которая, по мнению многих политиков на Западе, прежде всего в США и Израиле, создавала условия для прорыва в урегулировании затянувшегося кризиса в стратегически важном районе Земного шара. Попытки арабо-израильского примирения, начавшиеся с Мадридской мирной конференции, в конечном итоге вновь переросли в ранее уже опробованные планы сепаратных сделок Израиля с отдельными арабскими режимами. В качестве потенциальных партнеров по диалогу были выбраны наиболее слабые звенья в «единой цепи арабской солидарности». Ими оказались Организация освобождения Палестины (ООП) и Иорданское Хашимитское Королевство. Примечательно, что и ООП, и Иордания, хотя и по разным причинам, но заняли особую позицию в иракско-кувейтском конфликте. Это обстоятельство предопределило не только их изоляцию в регионе и критику в мире, но и лишило их финансовых вливаний со стороны нефтяных монархий Аравийского полуострова. В этих условиях руководство ООП и правящий режим в Иордании стали более податливыми на политические уговоры США и Израиля. Более того, они и не скрывали со своей стороны решимость пойти на мировую с Израилем в случае, если им будет обеспечено политическое выживание, ставшее актуальным для палестинских «тунисцев»¹, или новый региональный статус, на который надеялись в Аммане. Итогом этого торга стали мирные соглашения Израиля с ООП и Иорданией, подписанные соответственно 13 сентября 1993 г. и 26 октября 1994 г.

Оставляя в стороне вопрос об израильско-иорданских взаимоотношениях, сконцентрируемся на проблеме создания Палестинской национальной автономии (ПНА) в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан. Следует признать, что главным архитектором соглашения между ООП и Израилем стали не палестинцы, и даже не израильтяне,

а демократическая администрация президента США Билла Клинтона. Придя на смену команде республиканцев во главе с Джорджем Бушем, склонным решать дипломатические вопросы на Ближнем Востоке, и не только там, силовыми методами, Б.Клинтон попытался наиболее полно воспользоваться преимуществами новой для США роли единственной мировой супердержавы. Одним из проявлений этого подхода к урегулированию ближневосточного конфликта стала американская политика усаживания за стол переговоров двух ранее непримиримых противников – Израиля и ООП. Тем самым Вашингтон как бы ставил Израиль перед новой реальностью, в которой проблема их стратегического партнерства не выглядела столь уж однозначной. Вероятно, США посчитали для себя расточительным сохранять статус-кво в потенциально взрывоопасном регионе в то время, когда они превратились в единственный мировой центр силы. Однако такой подход к принудительному примирению был неприемлем для некоторых сил как в израильском обществе, так и палестинском. Вопреки ожиданиям, мирный диалог и последовавшая за этим серия двусторонних соглашений привели к обратному эффекту. Они не только внесли раскол в израильскую и палестинскую среду, но и поставили на повестку дня вопрос об их самосохранении. Внутри Израиля и в палестинском сообществе возникли непримиримые группировки, выступавшие либо за мирное урегулирование, либо за продолжение войны до победного конца. Поразительно, но, как и в случае с Египтом, в Израиле руководитель государства, поставивший подпись под мирным соглашением, поплатился за этот шаг своей жизнью.

Таким образом, Ближневосточный мирный процесс, призванный, по мнению его американских архитекторов, содействовать преодолению арабо-израильских противоречий в регионе, поставил его на грань новой войны. Однако для израильтян и для палестинцев почти десятилетнее мирное урегулирование принесло разные, но в равной степени горькие плоды. Помимо раскола, внесенного в общество, Израиль столкнулся с проблемой экстремизма и терроризма движений ХАМАС и «Исламский джихад» и некоторых светских фракций ООП, перешедших в оппозицию к ее руководству, как на оккупированных территориях и землях, переданных под палестинскую автономию, так и собственно в Израиле. Под угрозу физического уничтожения были поставлены десятки тысяч израильтян, проживавших в еврейских поселениях в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан. В то же время палестинцы, получившие формальный контроль над частью своих территорий, вошедших в состав автономии, оказались расколоты на два враждующих друг с другом лагеря. Более того, мирное соглашение с Израилем в том виде, в котором оно было заключено, вело к разрушению палестинского народа как некоей единой этнической общности, часть которой навсегда лишалась права возвращения на свою родину. Кроме того, ни Израиль, ни палестинцы не достигли

своих главных целей. Израильяне не обрели спокойствие и не обеспечили безопасность своего государства. В свою очередь палестинцы не получили возможности для создания своего независимого государства. Таким образом, обе заинтересованные стороны оказались в проигрыше от данной сепаратной сделки.

Провал Ближневосточного мирного процесса, ставший особенно очевидным с приходом к власти в США новой президентской администрации, возглавляемой Джорджем Бушем-младшим, заставляет задуматься о переоценке его итогов и выяснить перспективы его развития. Уже очевидным стал тот факт, что при А. Шароне, ставшем третьим в истории современного Израиля премьер-министром, избранным на этот пост в результате всеобщих прямых выборов, страна возьмет курс не столько на пересмотр итогов мирного урегулирования с палестинцами, сколько на свертывание переговорного процесса с ними и возврат к силовому решению проблемы взаимоотношений не только с ООП или ПНА, но и с остальными своими арабскими соседями. Тем не менее опыт Израиля последних десятилетий по военному урегулированию своих отношений с другими государствами Ближнего Востока свидетельствует о бесперспективности этого пути. Так, уничтожение палестинской военной инфраструктуры в соседнем Ливане в 80-е годы не только породило новые угрозы своей безопасности в лице шиитской группировки «Хезбалла», но и способствовало перенесению вооруженной борьбы палестинцев вглубь Палестины, как в сектор Газа и на Западный берег р. Иордан, так и на территорию собственно Государства Израиль. Вместе с тем некоторые исследователи отмечают, что террор, развернутый палестинцами, сплотил «израильскую улицу». Однако это в равной степени можно говорить и о «палестинской улице», сплотившейся перед лицом силовых акций израильской армии.

Из всего этого можно заключить, что силовой подход к решению существующих проблем явно привлекателен в настоящее время как для подавляющей части израильян, включая истеблишмент, так и для не менее многочисленной части палестинцев. Такое развитие событий заставляет задуматься о том, кто окажется в выигрыше от нового витка напряженности в регионе и возможного его перерастания в очередную арабо-израильскую войну на Ближнем Востоке. Однако очевидно, что израильская армия не в состоянии справиться с партизанским движением, которое, безусловно, возникнет в Палестине. Это достаточно хорошо показал израильский опыт борьбы с вооруженными формированиями шиитской радикальной партии «Хезбалла»². В то же время практика партизанской войны против регулярной израильской армии также не способна выявить победителя в вооруженном конфликте. Все это позволяет заявлять о том, что, вероятно, победа в нем, если ее достижение возможно, может оказаться «пирровой» для триумфатора, кем бы он ни был.

При всей сложности положения в регионе и горечи не оправдавшихся надежд, которые возлагались на Ближневосточный мирный процесс, было бы ошибкой полагать, что существует какая-либо альтернатива мирному урегулированию арабо-израильского конфликта в регионе. Однако обе вовлеченные в него стороны – и арабская, и израильская – обязаны осознать, что это урегулирование должно быть целостным и отвечающим интересам как арабов, так и израильтян. Любая попытка свести его к нескольким сепаратным сделкам или извлечению односторонней выгоды одной или другой стороной неминуемо обернется его провалом и резким обострением положения на Ближнем Востоке. Опыт подобных сделок Израиля с египетским президентом Анваром Садатом, председателем Исполкома ООП Ясиром Арафатом и королем Иордании Хусейном показал, что стремление воспользоваться временной слабостью своего партнера по переговорам обречено, в конечном счете, на провал. Эти мирные соглашения не устранили угрозу возникновения новых столкновений между ними и Израилем при определенных обстоятельствах. Таким образом, применительно к урегулированию арабо-израильского конфликта следует отметить, что оно подразумевает целенаправленную деятельность по решению всего комплекса накопившихся в регионе проблем, которое бы включало освобождение Израилем всех незаконно удерживаемых территорий, безусловное право на создание независимого палестинского государства, предоставление палестинским беженцам права выбора между их возвращением на свою родину в границах этого независимого государства или их обустройством в тех странах, где они оказались на настоящий момент. В то же время Израиль должен получить безусловные гарантии своего права на существование в границах, установленных ООН при создании Государства Израиль. Все эти права должны гарантироваться международным сообществом и по возможности обеспечиваться материально. Кроме того, поддержание стабильности в регионе немислимо без выработки и создания сбалансированной системы безопасности, которая бы охватывала все государства Ближнего Востока или, по крайней мере, те арабские страны, которые непосредственно граничат с Израилем.

В случае выбора вовлеченных в конфликт сторон в пользу такого решения вопроса своих взаимоотношений определенная мера ответственности должна будет лечь и на Россию. Вместе с тем было бы нелогичным переоценивать возможности сегодняшнего российского государства в реализации плана поэтапного урегулирования, который потребует длительного времени, значительных финансовых затрат и последовательности от всех участников мирного диалога. Россия в силу разнообразных проблем своего внутреннего развития перестала оказывать сколько-нибудь значительное влияние на динамику изменения ситуации на Ближнем Востоке. Тем не менее нельзя игнорировать и того обстоятельства, что монополярное устройство современ-

ного мира не отвечает интересам ни Израиля, ни арабских режимов. При подобных обстоятельствах как израильтяне, так и арабы оказываются заложниками политики, проводимой США в регионе и не учитывающей подчас их национальных потребностей. В этих условиях Россия, которая превратилась, по сути, в региональную державу, по многим показателям, кроме, пожалуй, ядерного, уступающую своим соседям, таким как Китай и Турция, сохраняет еще некоторый потенциал воздействия на положение в зоне арабо-израильского противостояния. Этот потенциал связан не столько с предшествующим опытом присутствия СССР на Ближнем Востоке (хотя и этот фактор не должен сбрасываться со счетов), сколько стремлением многих арабских режимов найти действенный противовес американскому диктату в этой части Земного шара и складыванием новых реалий в Израиле. Указанное обстоятельство заключается в том, что последняя волна переселенцев из бывшего СССР, прежде всего России, уже не испытывавших комплекса обиды к своей прежней родине и сохраняющих в своей массе связи с ней, начали осознавать себя как политическую силу, способную влиять на принятие решений в государстве. Это, возможно, впервые дает России шанс активно влиять не только на палестинскую, но и израильскую стороны. Тем не менее эта роль России видится возможной, но не гарантированной. В случае если она не справится со своими внутренними трудностями, носящими не столько политический, сколько социально-экономический характер, то упустит свой исторический шаг закрепиться на Ближнем Востоке, а роль противовеса неуклюжей американской политике в регионе может перейти к Западной Европе в лице Европейского Союза.

В любом случае следует признать, что основы того варианта развития, который будет реализовываться на Ближнем Востоке в ближайшее десятилетие, а может и на более отдаленную перспективу, закладываются уже сейчас, и главное в этих условиях не ошибиться с выбором ориентиров.

¹ *Aburish, Said K.* Arafat: From Defender to Dictator. Bloomsbury, 1998, с. 266; *Robinson, Glenn E.* Building a Palestinian State: The Incomplete Revolution. Bloomington, Indianapolis, 1997, с. 175.

² *Cordesman, Anthony H.* If Peace Fails: The Risk of an Israeli-Palestinian Conflict. Wash., July 2000, Internet version, с. 2.

ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Сегодня в России проявляется заметно больший, даже в сравнении с недавним прошлым, общественный интерес к событиям на Ближнем Востоке, в целом к ситуации в этом регионе и его проблемам, и особенно в том, что касается Палестины. Следует отметить и очевидное усиление ближневосточного направления в российской государственной внешней политике, дипломатии, и ее «народной» составляющей – парламентской.

С ближневосточной тематикой связаны многие российские научные учреждения, среди них – востоковедческие и регионально ориентированные неправительственные организации, для которых эта тематика – предмет профессиональной занятости. Именно они и стали инициаторами и участниками наиболее интересных обсуждений в последнее время ситуации на Ближнем Востоке, и как она затрагивает интересы России: «круглый стол» в Российском обществе солидарности и сотрудничества народов Азии и Африки (РОСНАА), семинар «Будет ли война за мир на Ближнем Востоке?» в Московском Центре Карнеги, конференция «Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности» в Институте изучения Израиля и Ближнего Востока, научное заседание «Русские в Святой Земле» исторической секции Центрального Дома ученых Российской академии наук.

Очевидно, что непосредственным поводом такого «поворота внимания», информационным поводом послужил кризис в отношениях между израильтянами и палестинцами, возникший в конце сентября 2000 г. и сопровождавшийся непрекращающейся до сих пор, в разной степени интенсивности, ожесточенной и кровопролитной конфронтацией с многочисленными жертвами с обеих сторон, в основном – среди палестинцев. Определенный резонанс в России вызвало то обстоятельство, что среди жертв столкновений и пострадавших в них оказались израильские граждане – иммигранты из нашей страны, из постсоветского пространства. Тезис о близости нам Ближнего Востока, таким образом, получил новое подтверждение, на сей раз – тяжелое, трагическое. Кстати, и на палестинских территориях в Палестине из этого «пространства» проживают сотни, если уже не тысячи российских и бывших советских граждан. Их много в пригородах Иерусалима – Вифлееме, Бейт-Джале, Бейт-Сахуре, в Газе, в Наблу-

се, Рамалле – городах, оказавшихся на линии конфронтации и наиболее часто упоминаемых в новостных сводках.

Есть и еще одно обстоятельство: восприятие, пусть и совершенно искаженное, бытующее в российском общественном сознании, событий в Чечне как аналога происходящего в Палестине. Мол, и тут, и там действуют террористы; тут – чеченские, там – палестинские. При том, **что** аналогии никакой нет: тут, в России, на части российской же территории – терроризм в чистом, можно сказать, хрестоматийном виде, там – реакция людей, отчаявшихся от безысходности жизни под иностранной оккупацией. Но – факт, что такое восприятие в России существует.

В оценках ситуации, которые приходится слышать и в научном сообществе, и читать в газетных и журнальных публикациях, преобладает пессимистический настрой, подчас они звучат едва ли не апокалиптически. Большинство участников дискуссии не видит перспективы подлинного мирного урегулирования в Палестине, считает проблемы, стоящие перед израильтянами и палестинцами, неразрешимыми. Чаще всего в этом контексте ссылаются на проблему Иерусалима. Приходится слышать мнение, что мирный процесс в «формате Мадрид – Осло» себя исчерпал, столкнувшись с неготовностью пока и израильтян, и палестинцев к взаимоприемлемому компромиссу. Что касается России, то преобладающим является тезис о слабости ее участия в ближневосточных делах, в том числе, применительно к «мирному процессу», – коспонсорского. Говорят даже о «молчании Москвы», о том де, что Россия на Ближнем Востоке последовательно отступает и не видно, когда, как и если она туда вернется. Вместе с тем признается наличие у России существенных интересов на Ближнем Востоке, а значит – важность для нас этого региона. Признаются и имеющиеся у России возможности серьезно влиять на положение там, на тамошние события. Обращают внимание попытки по новому взглянуть на отношение России к региону сквозь призму российских интересов. Подчас они звучат непривычно, парадоксально.

В дискуссиях употреблялся термин «ось Москва – Иран – Тель-Авив». Недавно он встретился и в газетной публикации: «Стратегическим партнером России на самом деле является Израиль, элита которого связана глубокими финансовыми и политическими узами с нынешней российской элитой. ...Делая ставку на Москву как на главного союзника, Иран оказывается в зоне влияния оси Москва – Тель-Авив. Декларированный сионистский враг Тегерана получает через посредство Москвы канал влияния на нынешний иранский режим. Таким образом, фактически весь тыл организованного исламского противостояния Израилю в вопросе будущего Палестины и Иерусалима оказывается разрушенным»¹. Есть на этот счет и диаметрально противоположное мнение: «Видимо, подобно идиллии в российско-израильском взаимопонимании, наблюдавшемуся за последний год, пришел конец»².

Совершенно ясно, что в значительной мере «ближневосточная дискуссия» в России была вызвана действительными переменами в самой ситуации на Ближнем Востоке, в первую очередь в ее палестинском сегменте, желанием осмыслить эти перемены и что они значат для России.

Перемены не случились в одночасье. Как они происходили?

Философия «Мадрида – Осло», как известно, состояла в достижении промежуточных, временных соглашений между палестинцами и израильтянами, при том понимании, что налаживающаяся у них по ходу реализации этих договоренностей привычка мирно сосуществовать в Палестине облегчит соглашение об окончательном статусе, которое решило бы основные проблемы урегулирования – проблемы Иерусалима, палестинских беженцев, израильских поселений на оккупированных территориях, границ.

В соответствии с одним из временных соглашений (Каирским, 1994 г.) соглашения об окончательном статусе следовало достигнуть к 4 мая 1999 г.

Во время премьерства Б.Нетаньягу (1996–1999 гг.) были значительно отодвинуты сроки реализации прежних палестино-израильских договоренностей, поставив под сомнение успех двустороннего переговорного процесса. Тогда Я.Арафат оказался перед сложной дилеммой: провозгласить в одностороннем порядке палестинское государство (4 мая 1999 г.), как этого требовали многие на «палестинской улице», или все же воздержаться от этого, продолжив переговоры. Следует заметить: палестинцы исходили и исходят из того, что создание государства – это естественное право палестинского народа, которое он может осуществить самостоятельно в любое время и при любых обстоятельствах, реализуя свое право на самоопределение. Израильтяне же недвусмысленно давали понять палестинскому руководству, что в случае провозглашения государства они немедленно аннексируют большую часть палестинских территорий, на которых продолжали дислоцироваться оккупационные войска. Возникла острая угроза срыва всего мирного процесса.

Под воздействием международного сообщества, а также учитывая приближавшиеся всеобщие выборы в Израиле, Я.Арафат избрал путь продолжения переговоров. Расчет его был прост: если израильский электорат в основной своей массе заинтересован в мире с арабами, то к власти в стране должен придти новый премьер-министр, шансы достижения мирного соглашения с которым будут выше.

Расчет оказался верным: одержавший на выборах убедительную победу Э.Барак (май 1999 г.) решительно приступил к реализации своей предвыборной программы: уже на первом этапе его премьерства с палестинцами был заключен Меморандум в Шарм аш-Шейхе (сентябрь 1999 г.), который, в частности, предусматривал возобновление переговоров по окончательному статусу не позднее 13 сентяб-

ря 1999 г., что и произошло, а уже через год после своего избрания (на два месяца раньше объявленного им срока) во исполнение резолюции 425 СБ ООН израильские войска были выведены из Южного Ливана, где они находились с 1976 г.

Такая «молниеносность»³ израильского премьера, видимо, вдохновила президента США Б.Клинтона, лелеявшего мечту снискать лавры миротворца, доставшиеся в 1979 г. его демократическому предшественнику Дж.Картеру в Кэмп-Дэвиде, усадить Э.Барака и Я.Арафата за стол переговоров для подписания исторического соглашения, которое положило бы конец палестино-израильскому конфликту. Так возникла идея Кэмп-Дэвида-2.

Кэмп-Дэвидский саммит состоялся в июле 2000 г. и продолжался две недели под эгидой Б.Клинтона при участии Э.Барака и Я.Арафата. В основу переговоров был положен принцип: «все или ничего» («nothing is agreed until everything is agreed»), предоставивший обеим сторонам свободу маневра при обсуждении «чувствительных» аспектов окончательного статуса. Несмотря на мощное давление со стороны американцев, переговорные стороны не смогли преодолеть разногласий, прежде всего, по проблемам Иерусалима и беженцев. Не возымели успеха и щедрые обещания Б.Клинтона развернуть международную кампанию по сбору многомиллиардной финансовой помощи на нужды палестинцев. Хотя кэмп-дэвидский саммит и не завершился принятием какого-либо документа, сам факт обсуждения главой израильской делегации Э.Барак о вопросе об Иерусалиме, а также его потенциальная готовность «пожертвовать» частью Восточного Иерусалима, включая Старый город, серьезно встревожили израильских правых во главе с лидером «Ликуда» А.Шароном.

Неудача в Кэмп-Дэвиде вновь усилила решимость Я.Арафата провозгласить палестинское государство, теперь уже 13 сентября 2000 г. в соответствии с упомянутым Меморандумом. Настала очередь Э.Барака предупредить палестинского руководителя о возможных последствиях подобного шага вплоть до аннексии всех остающихся у Израйля палестинских территорий. В начале сентября Центральный совет ООП перенес вопрос о провозглашении государства на середину ноября 2000 г., а затем он вообще был отсрочен на неопределенное время. Успешное преодоление «пороговой даты» – 13 сентября не улучшило ситуацию. Нарастала критика Э.Барака в израильском обществе, прежде всего со стороны правых.

В этих условиях мало кого удивило стремление А.Шарона повысить свой рейтинг в израильском обществе как лидера оппозиционной партии, выступающей против самой возможности вести с палестинцами переговоры по вопросу об Иерусалиме.

28 сентября А.Шарон в сопровождении израильской охраны отправился на территорию комплекса мечети аль-Акса (израильяне называют ее Храмовой горой) в Восточном Иерусалиме, что возмути-

ло арабов и спровоцировало кровопролитные столкновения, небывалые за последние годы по продолжительности и ожесточенности.

История этого места уходит в глубь веков и тысячелетий. И всегда оно было священным. 4 тыс. лет назад – для иевуситов, одного из ханаанейских племен, населявших Палестину, когда туда пришел библейский патриарх Авраам, прародитель двух семитских народов – арабов и евреев. Затем – для евреев, с тех пор, когда в начале I тысячелетия до н.э. царь Соломон построил иудейский храм на горе Мориа, служившей у иевуситов местом поклонения своему «Всевышнему богу». Затем, с VII в. – и для мусульман, согласно традиции которых именно сюда пророк Мухаммед совершил из Мекки «ночное путешествие» на белом пегасе Бураке, а затем вознесся с этого места на небеса. Здесь была построена мечеть аль-Акса, третья (после Мекки и Медины) мусульманская святыня. Так, сохранившаяся от разрушений Западная стена храма, «Стена плача» для иудеев, стала «Стеной Бурака» для мусульман. Не раз здесь происходили кровавые столкновения евреев и арабов. Только в новое время самые серьезные – в 1929 и 1936 гг. Когда в сентябре 1996 г. тогдашний премьер-министр Израиля Б.Нетаньягу принял решение прорыть вдоль Западной стены «хасмонеийский туннель», тоже пролилось много крови. Так что результат акции А.Шарона был предсказуем. Многие отговаривали А.Шарона, включая американцев, но безуспешно⁴.

Примечательно, однако, что акция А.Шарона не остановила переговорный процесс, хотя и серьезно осложнила его, вызвала в нем затяжные перерывы. Переговоры продолжились, но теперь уже в условиях политического кризиса в Израиле, который, и это также очевидно, акция А.Шарона резко обострила.

К тому времени у Э.Барака, имевшего после прихода к власти 75 сторонников среди депутатов кнессета (из 125), едва набиралось 30. Таким образом, свой рейтинг А.Шарон повысил, и значительно.

Чтобы как-то перехватить инициативу, Э.Барак объявил об уходе в отставку и о проведении досрочных выборов. Депутаты кнессета не пожелали расставаться со своими мандатами (тогда выборы стали бы всеобщими) и предпочли самороспуску спокойное созерцание за исходом премьерских выборов.

Вместе с тем мы не склонны рассматривать события только сквозь призму внутривнутриполитической борьбы в Израиле, хотя однажды нам пришлось слышать: в Израиле нет внешней политики, вся политика там – внутренняя. Но все-таки главное в том, что именно А.Шарон и Э.Барак персонифицировали два подхода к урегулированию конфликта, в более широком смысле – два подхода к вопросу об арабо-еврейских отношениях в Палестине.

А.Шарон сформулировал свою позицию в середине ноября 2000 г. в так называемом «многоступенчатом плане (multi-stage plan)». Он предлагает отложить на неопределенное время достижение оконча-

тельного урегулирования с арабами, ограничиться долгосрочным временным соглашением с упором на «меры доверия», на развитие палестино-израильского сотрудничества в области безопасности, в экономике, гуманитарной сфере, что «заложило бы основу прогресса к постоянному решению в будущем».

Э.Барак отвечает, что отказ от продолжения политического диалога с палестинцами приведет к резкому обострению региональной напряженности на Ближнем Востоке, драматическому повышению вероятности войны, к международной изоляции Израиля. При этом, считает Э.Барак, «если война на Ближнем Востоке разразится, мы сумеем в ней победить. Но после того, как павшие на этой войне будут похоронены, нам придется вернуться к переговорам и обсуждать на них те же самые проблемы, которые обсуждаются сегодня»⁵.

На рубеже «миллениума» активность в работе над палестино-израильским соглашением достигает апогея. Американцы решаются представить сторонам собственные предложения по урегулированию. В своей практике американская дипломатия идет на такой шаг только в случае, если участники переговоров уже достаточно сблизили свои позиции. Б.Клинтон делает это 23 декабря 2000 г. И Э.Барак, и Я.Арафат принимают их как базу для дальнейших усилий. 7 января 2001 г. Б.Клинтон выступает в Нью-Йорке с речью, в которой излагает американское видение урегулирования на основе принципа «два государства для двух народов» в Палестине, подчеркивает, что «не может быть подлинного урегулирования конфликта без суверенного, жизнеспособного палестинского государства...». Вместе с тем он добавляет: «...Такого государства, которое учитывает потребности Израиля в сфере безопасности и демографические реальности». С необходимостью учитывать интересы безопасности Израиля проблем нет, это признают и палестинцы. Как это реализовать – можно договориться. А вот «демографические реальности» – это эвфемизм, за которым – наиболее трудноразрешимая проблема урегулирования, проблема палестинских беженцев, число которых приближается к 4 млн. человек.

Резолюция 194 Генассамблеи ООН, принятая в 1948 г., постановила, что «беженцам, желающим вернуться к своим очагам и мирной жизни со своими соседями, такая возможность должна быть предоставлена в кратчайший срок с уплатой компенсации за имущество тех, кто предпочтет не возвращаться, и за пропажу и ущерб имуществу, каковые должны быть компенсированы соответствующими правительствами и властями в соответствии с принципами международного права и правом справедливости»⁶. На эту резолюцию ссылаются палестинцы. До сих пор многие из них, проживающие и в Палестине, и за ее пределами, хранят кадастровые документы периода Османской империи, свидетельствующие об их праве на землю, которую они были вынуждены покинуть, ключи от своих домов на этой земле.

Однако резолюция 194 не фигурирует в качестве основы урегулирования ни в одном из действующих на сегодня палестино-израильских соглашений. Действующая же в таком качестве резолюция 242 Совета Безопасности ООН предусматривает для проблемы беженцев только «справедливое решение».

Позиция Израиля исходит из непризнания за палестинскими беженцами права на возвращение. «Возвращение палестинских беженцев на территорию Израиля разрушит еврейское государство изнутри», заявил Э.Барак⁷. Б.Клинтон с этим был согласен: «Мы не можем ожидать от Израиля такого решения, которое угрожает самим основам этого государства»..., но добавляет, «это то, над чем мы работаем»⁸.

Последняя попытка выйти на соглашение еще до выборов в Израиле была сделана в ходе интенсивных переговоров во второй половине января 2001 г. в египетском городе Таба. Итог их, казалось бы, невелик – достаточно краткое совместное заявление от 28 января, признающее, что под давлением обстоятельств и нехватки времени оказалось невозможным достичь взаимопонимания по всем вопросам. Однако подчеркивается, что «переговоры в Табе были беспрецедентны с точки зрения позитивной 'атмосферы и выражения общего желания обеих сторон к обеспечению потребностей друг друга – национальных, в сфере безопасности, экзистенциальных»⁹. Этого никогда прежде не говорилось ни в соглашениях, ни в совместных официальных заявлениях палестинцами и израильтянами. И смысл этой декларации – в понимании договариваться на основе признания интересов национального бытия двух народов.

Но, судя по всему, шанс на исторический компромисс на сей раз оказался упущен. 6 февраля 2001 г. на выборах в Израиле более чем убедительную победу одержал А.Шарон, полностью оправдав предвыборные прогнозы: за него проголосовали более 60% израильтян, пришедших на выборы. Итоги выборов еще будут изучаться и анализироваться. Как и почему случилось, что израильское общество, менее двух лет назад вручившее мандат Э.Бараку именно из-за разочарования в политике правых в отношении арабов, за столь короткий срок развернулось вправо, выразив теперь доверие А.Шарону, сменившему Б.Нетаньягу на посту лидера «Ликуд»? В чем причина того, что израильские арабы бойкотировали выборы, лишив своих голосов Э.Барака, за что даже были обвинены в предательстве некоторыми видными представителями «лагеря мира» в Израиле? Что мотивировало поправление ряда лидеров «русских израильтян», а оно проявилось и до предшествовавших выборам палестино-израильских столкновений? Ответы на эти вопросы выходят за рамки данной статьи. Нам же хотелось бы попытаться оценить возможные последствия выборов в Израиле и ряда других совпавших с ними по времени факторов с точки зрения перспектив урегулирования конфликта в Палестине, развития обстановки на Ближнем Востоке.

В принципе, А.Шарон мог бы воспользоваться «наследием» прежнего правительства, продолжить с того, что было достигнуто израильтянами и палестинцами при Э.Бараке, постараться завершить работу над соглашением об окончательном статусе, оставаясь в рамках имеющихся компромиссов, и подписать его. Он может не опасаться неизбежных упреков в отступничестве, опираясь на необходимость следовать обязательствам прежнего правительства. Да и обвинять А.Шарона в «левизне» никому в Израиле не придет в голову. Немаловажной при этом могла бы стать поддержка США, ведь «рамки» соглашения были обнародованы именно американцами. Не грозила бы Израилю и «международная изоляция», о которой говорил Э.Барак, в частности со стороны Европы. При подобной преемственности в политике А.Шарону, скорее всего, удалось бы блокировать настороженное, а подчас и враждебное отношение к нему со стороны арабов, содействовать нормализации отношений с палестинцами. Для палестинцев, очевидно, этот вариант был бы наиболее предпочтителен. Палестинский лидер Я.Арафат сразу заявил: «Мы настаиваем на развитии прогресса, достигнутого нами в мирном процессе»¹⁰.

У А.Шарона был и остается и другой путь – последовать модели отношений с палестинцами, озвученной им в ходе предвыборной кампании. С большой долей уверенности можно предположить, что палестинцев этот путь не устроит и будет расценен как попытка уклониться от урегулирования. Опыт палестино-израильских отношений последних лет показывает, что нормализация отношений, включая и сферу безопасности, возможна либо на базе политического урегулирования, либо в контексте устойчивого продвижения к такому урегулированию, только как его составляющая, а ни в коем случае не подмена его.

Если судить по первым заявлениям сторон, то именно эти два варианта оказались в центре дипломатической работы.

Как и можно было предполагать, палестинцы стали настаивать на первом варианте. Один из ведущих переговорщиков С.Орейкат прямо сказал, что переговоры должны возобновиться с той черты, к которой они подошли в январе при правительстве Барака. По его словам, «если же А.Шарон приступит к реализации своей предвыборной программы, т.е. сохранение оккупации Восточного Иерусалима и Иорданской долины (на Западном берегу реки Иордан), то ... (тем самым) он приготовит рецепт войны»¹¹.

А.Шарон, со своей стороны, уже в первом своем после выборов публичном выступлении заявил, что на столе переговоров с палестинцами не будет уступок, сделанных Э.Бараком.

Композиция сформированного А.Шароном 6 марта 2001 г. правительства и его программа свидетельствуют о том, что, хотя оно и характеризуется как «правительство национального единства» (с вхож-

дением в него лейбористов), проводить оно будет линию А. Шарона. Максимум, чего смогут добиться лейбористы, – это нивелировать позиции тех в правительстве, кто еще «правее» самого А. Шарона.

Разумеется, главная тяжесть решений лежит на непосредственных участниках конфликта, израильтянах и палестинцах, но большое значение традиционно имеют и будут иметь позиции и мнения других сторон.

И, в первую очередь, надо говорить о США. Хотя, можно заметить, в ходе дискуссий, о которых шла речь в начале статьи, высказывалась мысль, что при А. Шароне политика Израиля будет в меньшей, может быть, даже в значительно меньшей степени, чем при лейбористах, ориентирована на США. Так что же мы имеем на сегодня?

Смена администрации в Вашингтоне повлекла за собой корректировку внешнеполитической концепции США, включая и их курс на Ближнем Востоке. Пока этот процесс не завершился, но в отношении Ближнего Востока признаки корректировки уже достаточно определились.

Сам же А. Шарон, похоже, не намерен менять своей предвыборной платформы, подтвердил ее, выступая 19 марта в Вашингтоне на конференции AIPAC (American Israel Public Affairs Committee). Исходный тезис его выступления – условия пока не подходящи для заключения соглашения о постоянном статусе, Израиль не будет связан достигнутым на последних переговорах. Поэтому на первом этапе нужны шаги по прекращению насилия, улучшению экономического положения палестинского населения. На втором этапе – долгосрочное соглашение, но опять-таки временное, переходное¹².

Администрация Дж. Буша демонстративно дистанцируется от своей предшественницы. В отличие от сконцентрированности на решении арабо-израильского конфликта декларируется «региональный» подход с упором на Персидский залив, Ирак, Иран.

В том, что касается урегулирования в Палестине, сразу был заявлен разрыв с подходом прежней администрации: «Параметры, обозначенные Клинтоном палестинцам и израильтянам... более не являются американскими предложениями»¹³.

Затем госсекретарь К. Пауэлл сформулировал набор идей, которыми республиканская администрация будет руководствоваться в отношении спора между израильтянами и палестинцами. Нужно, прежде всего, прекратить насилие. Затем стороны должны наладить диалог с целью достичь взаимоприемлемых договоренностей – политических, экономических и в сфере безопасности, все равно – переходных или постоянных, всеобъемлющих или частичных. Слово за самими участниками конфликта. Необходимо избегать односторонних акций, провоцирующих другую сторону. Обеим сторонам следует предпринять шаги, чтобы восстановить нормальную экономическую жизнь, вернуться к существовавшему уровню доверия. США « готовы помогать, но не настаивать»¹⁴.

Очевидно большое концептуальное сходство видения урегулирования новой американской администрации и А. Шарона.

Арабы решительно поддерживают палестинцев, их подход, что нашло отражение в решениях арабского саммита (Амман, 27–28 марта 2001 г.). Арабы охарактеризовали ситуацию как «широкомасштабную агрессию, осуществляемую оккупационными войсками против палестинцев», поддержали «их законное право на сопротивление оккупации».¹⁵

При всей сложности сложившегося в Палестине положения, серьезности расхождений в подходах к ее урегулированию ни палестинцы, ни израильтяне, ни другие стороны, так или иначе причастные к конфликту, не могут позволить пустить ситуацию на самотек. Дестабилизация в Палестине, на Ближнем Востоке чревата ущербом для многих. Поэтому возобновление палестино-израильских переговоров представляется неизбежным. При том, что никто не может «спланировать» урегулирование. Госсекретарь США К. Пауэлл заявил: «У меня нет магической формулы»¹⁶, а министр иностранных дел России И. С. Иванов – нет готового пакета инициатив по урегулированию палестино-израильской проблемы. «Она настолько серьезна, что сложно подготовить какие-то новые инициативы»¹⁷. Разумеется, предпочтительно заключить окончательное соглашение как основу мирных отношений между палестинцами и израильтянами. Только неизмеримо велики существующие между ними проблемы. Также разумеется, что предпочтительно вести переговоры о мире в спокойной обстановке. Только это не получается. Значит, нужен какой-то общий знаменатель, поиск которого, скорее всего, сейчас и будет актуален.

Кроме того, никто не может самоустраниться от конфликта и его урегулирования. К. Пауэлл отметил: «...Мы не можем повернуться спиной к этой части мира, даже если бы мы того и захотели. На кон поставлены жизненно важные интересы США»¹⁸.

То же можно сказать и о России.

У нее на Ближнем Востоке существуют значительные, также жизненно важные интересы: политические – вряд ли кто поставит под сомнение, что нормализация обстановки там имела бы для России самые благоприятные последствия; экономические – сейчас только товарооборот России со странами Ближнего Востока и Северной Африки исчисляется миллиардами долларов, крупнейшие партнеры – Ирак, Египет, Израиль. И торговый обмен год от года увеличивается. Страны Ближнего и Среднего Востока, включая историческую Палестину, являются одним из главных рынков для российского турбизнеса. Нынешний кризис нанес этому рынку существенный ущерб. Прочное урегулирование конфликта, становление суверенного палестинского государства, четкое определение территориальной юрисдикции наверняка создало бы более благоприятные условия для решения проблемы российской недвижимой собственности на территории Палестины. А в этом заинтересованы и российское государство, и Рус-

ская Православная Церковь, и Императорское православное палестинское общество, которые на рубеже XIX–XX вв. приобретали в Палестине объекты недвижимости, создавали их и управляли ими. В Израиле отчасти эта проблема решена. Но много еще предстоит сделать. Известно, что исторические имущественные права российского правительства на палестинских территориях (участок в Иерихоне с библейской смоковницей) и Русской Православной Церкви (объекты недвижимости в Вифлееме, Хевроне, Иерихоне) были восстановлены, при том, что речь идет о районах, находящихся под юрисдикцией палестинской администрации. Гуманитарные: к уже сказанному можно добавить, что многие тысячи паломников из России, среди них православные христиане, мусульмане, иудеи каждый год отправляются из России к Святым местам в Палестину, тысячи же едут и в обратном направлении навестить родственников и знакомых.

Наряду с этими, собственными российскими интересами, которые государство должно отстаивать, у России применительно к Ближнему Востоку и палестинскому вопросу есть и международные обязательства.

Это, во-первых, статус России как постоянного члена Совета Безопасности ООН, несущего особую ответственность за обеспечение международного мира и безопасности. В октябре 2000 г., когда разразился кризис в связи с акцией А.Шарона, Совет Безопасности принял резолюцию 1322, в которой призвал «незамедлительно возобновить переговоры в рамках ближневосточного мирного процесса на согласованной основе с целью достижения скорейшего окончательного урегулирования между израильской и палестинской сторонами». Резолюция постановила внимательно следить за ситуацией и продолжать заниматься этим вопросом¹⁹. Значит, и России в Совете Безопасности «придется» им заниматься. А точнее, уже пришлось в связи с распространением палестинцами в марте в Совете Безопасности проектом резолюции о создании корпуса международных наблюдателей для Западного берега р. Иордан и Газы, интенсивного обсуждения этого проекта. 27 марта 2001 г. проект резолюции был заветирован США. Россия голосовала за него. Арабы осудили Вашингтон²⁰, Израиль выразил «разочарование» позицией Москвы²¹. Конфликтная ситуация явно захватила Совет Безопасности ООН, международное сообщество.

Это, во-вторых, статус России как коспонсора (наряду с США) ближневосточного мирного процесса. Каирская встреча И.С.Иванова с К.Пауэллом 24 февраля обозначила американо-российское коспонсорство, остающееся компонентом этого процесса со времени созыва Мадридской конференции в 1991 г. А приглашение на конференцию предусматривало, что коспонсоры обязуются сделать этот процесс успешным.

Вряд ли можно с достаточной степенью определенности сказать, каким будет тот конкретный вариант, на который выйдет развитие

ситуации в Палестине, включая и ее переговорную часть. Но определено, что Россия там будет.

¹ Независимая газета. 17.03.2001.

² Независимая газета. 29.03.2001.

³ В переводе с иврита слово «барак» означает «молния».

⁴ The New York Times. 29.01.2001.

⁵ Вести. [Израиль]. 28.12.2000.

⁶ Объединенные Нации, Официальный отчет первой части третьей сессии Генеральной Ассамблеи. Резолюции 21 сентября – 12 декабря 1948 года, Палэ де Шайо, Париж.

⁷ Вести. 28.12.2000.

⁸ Clinton's speech on Middle East peace at the Israel Policy Forum in New York, January 7, 2001 – usembassy-israel.org.il/publish/peace/archives/2001/january/me0108b.html

⁹ The Jerusalem Post. 28.01.2001.

¹⁰ Ha-A'retz. 07.02.2001.

¹¹ http://www.washingtonpost.com/wp-srv/aponline/200102_06/aponline2339148000.htm

¹² Prime Minister Ariel Sharon Delivers Remarks at the AIPAC Policy Conference, 19.03.2001.

¹³ The New York Times. 09.02.2001.

¹⁴ *Colin L. Powell*. Remarks at the American Israel Public Affairs Committee, 19.03.2001.

¹⁵ Аш-Шарк аль-Аусат. 29.03.2001.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Труд. 24.02.2001.

¹⁸ Аш-Шарк аль-Аусат. 29.03.2001.

¹⁹ ООН, Совет Безопасности, S/RES/1322 (2000).

²⁰ Аш-Шарк Аль-Аусат. 29.03.2001.

²¹ The Jerusalem Post. 29.03.2001.

**РОССИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В течение 90-х годов страны Персидского залива пережили полосу бурного развития, в ходе которого происходили войны, конфликты в сферах экономики и политики, происходило утверждение модернизированных обществ на новых социально-экономических основах и формирование новых основ внешней политики стран региона. К началу XXI в. в Персидском заливе сложилась и закрепилась определенная система отношений, основанием которой служат следующие обстоятельства:

- относительно стабильное социально-экономическое развитие арабских стран Аравийского полуострова на основе использования своего нефтяного потенциала;

- сохранение регионом значения важного субъекта мирового хозяйства в качестве поставщика энергоресурсов, а также рынка сбыта разнообразной, в том числе высокотехнологичной продукции;

- установление временного равновесия между соперниками – реальными региональными силами: Ираном, Ираком и государствами Аравийского полуострова во главе с Саудовской Аравией;

- закрепление в регионе на долгосрочной основе военно-политического присутствия США, а также других западных стран;

- фактический отказ правителей нефтяных монархий от поддержки на Ближнем Востоке экстремистских течений любого толка, усиление внимания к вопросам внутренней стабильности и безопасности;

- сохранение конфликтного потенциала как в отношениях между странами региона, так и внутри самих стран, что чревато проявлениями нестабильности в самой разной форме.

Продолжающееся кризисное развитие России, осложняемое замедленным и частичным проведением отдельных преобразований в экономике, политике и социальной сфере, естественно, сказалось прежде всего на восточном – «второстепенном», с ельцинско-козыревской точки зрения, направлении внешней политики России. Позиции России в регионе в 90-е годы существенно ослабли также в связи с ослаблением главных региональных опор – Ирака, Йемена и Ирана. Отдельные акты дипломатической и иной активности России в это десятилетие в отношении Ирака и Ирана, отчасти Кувейта, по сути, дела означали не более чем стремление «не потерять лицо».

Россия потеряла силу и авторитет великой державы в глазах стран региона. Но с другой стороны, возникает вопрос, а нужен ли России этот регион?

В сфере международных отношений к настоящему времени установлены нормальные дипломатические и иные связи, поддерживаются официальные и неофициальные контакты, но не более того. Положение несравнимо с ролью США, имеющих с большинством стран региона договоры о военном сотрудничестве, а с Саудовской Аравией, во многом координирующей свою политику в регионе с Вашингтоном, – особые, почти союзные отношения.

В сфере экономической значение двустороннего сотрудничества России со странами региона крайне ограничено для обеих сторон. Объем внешней торговли незначителен ввиду незаинтересованности партнеров в промышленной и иной продукции национальных экономик. Подавляющая часть общего объема внешней торговли стран Аравийского полуострова приходится на несколько стран западного мира – США, Японию, Германию, Великобританию, Францию, кроме того, в регионе в последние годы велика внешнеэкономическая активность Китая.

Важную и долгосрочную сферу общих интересов составляет нефтегазовый рынок, на который Россия и страны региона выходят как конкуренты. В этой сфере сотрудничество сводится к периодическому согласованию в рамках ОПЕК или на двусторонней основе основных подходов к возникающим текущим проблемам, но не выходит на уровень долгосрочного или стратегического согласования нефтяной политики. В то же время имеются примеры успешного участия саудовского и кувейтского капитала в некоторых энергетических проектах с участием российского капитала в России и СНГ.

В сфере военно-политической возможности для сотрудничества крайне ограничены давним и прочным присутствием конкурентов России – прежде всего США. Поставки американской военной техники (авиация, танки и системы ПВО), постоянное присутствие американских военных советников и подготовка национальных военных кадров в учебных заведениях США, а также закрепленная на договорной основе возможность для американской армии пользоваться объектами военной инфраструктуры на территории Аравийского полуострова фактически означают монопольное и господствующее положение США в регионе в военно-стратегическом положении. Отдельные попытки возмущения и сопротивления со стороны правительств и общественности аравийских стран реально не принимаются в расчет американской администрацией.

В сфере идеологической – исламской – в 90-е годы на официальном уровне проходили контакты исламских деятелей России и стран Аравии и сотрудничество в вопросах хаджа, Саудовская Аравия оказывала немалую гуманитарную помощь российским мусульманам, на саудовские деньги строятся мечети и создаются исламские учебные заведения. В то же время происходила явная, подчас открыто агрессив-

ная экспансия в Россию идей ислама в крайне фундаменталистской и экстремистской форме, что могло привести и отчасти привело к расколу сложившегося в течение веков многонационального российского общества. Формально это не является частью внешнеполитического курса саудовского государства. Более того, осенью 1998 г. наследный принц Абдалла ибн Абдель Азиз заявил, что официальная позиция Королевства Саудовская Аравия состоит в осуждении терроризма и экстремизма (так как эти течения в саудовском обществе представляют собой явную угрозу самому режиму и проводимой им политике модернизации страны). В силу осложняющих обстоятельств эта сфера может стать конфликтной и нуждается в урегулировании (что отчасти и происходит на межгосударственном уровне). Стоит заметить, что при видимом господстве ислама в идеологической и духовной жизни стран Аравии, вестернизация, а точнее американизация оказала сильное влияние на местное общество, что, в свою очередь, отодвигает интерес к России на периферию общественного внимания.

В сфере внутрирегиональных отношений Россия потенциально имеет возможности для того, чтобы сыграть роль посредника в разнообразных и давних конфликтах и спорах стран региона по территориальным вопросам. Например, в январе 2001 г. Иран отверг посредничество Саудовской Аравии в споре из-за захваченных иранской стороной у ОАЭ островов Абу-Муса и Большой и Малый Томб, что даже породило в Заливе слухи о возможном арабском бойкоте Ирана. Казалось бы, было бы полезным посредничество державы, стоящей в стороне от конфликта и пользующейся доверием обеих сторон. Но эта потенциально благоприятная для России возможность укрепить свой авторитет в регионе затрудняется, очевидно, большой мощью саудовского королевства, давно и открыто претендующего на лидерство в Заливе. Тегеран вынужден с этим считаться, например, в январе 2001 г. Иран и Саудовская Аравия готовились подписать новое «соглашение о безопасности».

Представляется, что объективные возможности для укрепления позиций России в регионе крайне ограничены, если говорить о странах Аравии. В то же время географически более близкие и имеющие более давние и прочные многосторонние связи Иран и Ирак – сейчас естественные региональные опоры России, ее потенциальные союзники в регионе. Здесь имеются традиции межгосударственного сотрудничества, продолжают существовать разнообразные экономические связи в немалом объеме, идет активный дипломатический диалог, отсутствуют конфликты в сфере идеологии, напротив, еще сохранилось доброжелательное отношение к «русским» (отчасти благодаря тысячам выпускников советских вузов).

Стоит заметить, что такой же дружественной опорой в регионе мог бы стать и территориально более далекий Йемен, с которым у России (Советского Союза) существовали особые отношения. Экономический потенциал Йемена несравним с саудовским, однако есть хорошие условия для развития, по численности населения две стра-

ны быстро сравниваются: на конец 2000 г. в Саудовской Аравии проживал 21 млн. человек, в Йемене – 18 млн. чел.

Активизация отношений России с названными странами на долгосрочной основе стратегического партнерства неизбежно приведет к повышению авторитета России и для других стран Аравии, росту ее авторитета и влияния, расширению возможностей для экономического сотрудничества.

Ни одна из стран региона никогда не станет союзником России в полном значении этого слова, но нынешнее «полуприсутствие» страны в Персидском заливе и Аравии чем дальше, тем больше ослабляет положение России как одной из великих держав мира.

Необходимо особо сказать о субъективной стороне рассматриваемой проблемы. Очевидно, что главная и единственная основа для решения большинства внешнеполитических проблем России – достижение ею внутренней стабильности, упрочения государственности и стабилизация экономики. Но кроме того, необходимо внятное определение характера российской внешней политики на современном этапе, когда утверждаются основы нового миропорядка на XXI в. под идеей глобализации международных отношений, а фактически – утверждения гегемонии США. Очевидным проявлением глобализации в регионе стала война союзных держав во главе с США против Ирака в 1991 г. в форме боевых действий, а затем – в виде политико-экономического давления с разовым применением силы, например, в начале 2001 г.

В курсе российской внешней политики в регионе в последнее десятилетие можно выделить три относительно самостоятельных направления:

1) следование в фарватере американской политики, возможно – ради сосредоточения всех сил на решении вопросов внутреннего развития и стабилизации, ради активизации связей внутри СНГ;

2) использование реальных возможностей для отстаивания национальных интересов и интересов безопасности России на двусторонней основе;

3) противодействие гегемонистскому курсу США в сотрудничестве со странами региона и другими странами.

Представляется, что развитие деятельности России по названным второму и третьему направлениям могло бы быть усилено координацией действий стран СНГ (прежде всего в сферах экономики и противодействия радикализации ислама). Поддержка со стороны России внутрорегиональных усилий на сохранение стабильности в Персидском заливе и противостояние открытому американскому диктату встретило бы понимание как у властей, так и у общественности стран региона. Следование в рамках такого курса могло бы послужить не только «демонстрации флага», но в перспективе – возвращению России в регион Персидского залива и Аравийского полуострова на новой и прочной основе ради обеспечения национальных интересов в экономике и политике, ради защиты национальной безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.В.Агавельян ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЛИВАНА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА	3
М.Р.Арунова РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ДИАЛОГ И СОТРУДНИЧЕСТВО (1999-2001 гг.)	10
М.Р.Арунова СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ СНГ И РОССИЯ	17
В.М.Ахмедов РОССИЙСКО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ	28
А.М.Вартанян МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ ПРОЕКТ «СЕВЕР-ЮГ» – МОСТ ИЗ РОССИИ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК	50
В.И.Гусаров 90-Е ГОДЫ – ДЕКАДА ЗАСТОЯ В РОССИЙСКО-АРАБСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ. ЧТО ДАЛЬШЕ?	55
В.А.Исаев РОССИЯ И АРАБСКИЕ СТРАНЫ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА	70
Н.Г.Киреев ТУРЦИЯ – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРТНЕР И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОПЕРНИК РОССИИ В ЕВРАЗИИ	78
Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян РОССИЯ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АРАБСКИЙ МИР: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	106
И.В.Масюкова РУССКОЯЗЫЧНАЯ ОБЩИНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ	132

И.А.Мелихов (Александров) КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: РОССИЯ – СТРАНЫ ССАГПЗ	141
К.И.Поляков ВЛИЯНИЕ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО ФАКТОРА НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ ИСЛАМА В РОССИИ (90-Е ГОДЫ)	158
В.И.Сажин РОССИЯ – ИРАН: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗ?	190
Е.Я.Сатановский РОССИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ МИРНЫЙ ПРОЦЕСС	206
А.А.Ткаченко ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	213
А.Ю.Умнов АФГАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ	219
А.О.Филоник ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-АРАБСКОГО ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	223
А.Ж.Хасянов ИТОГИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО МИРНОГО ПРОЦЕССА И ВОЗМОЖНАЯ РОЛЬ РОССИИ В РЕГИОНЕ	232
А.Ф.Чистяков ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ	238
А.И.Яковлев РОССИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	250

CONTENTS

JU. AGAVELYAN DEVELOPMENT OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND LEBANON IN THE LAST QUARTER OF THE XX-th CENTURY	3
M. ARUNOVA RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS: DIALOG AND COOPERATION (1999-2001)	10
M. ARUNOVA TURMOIL IN AFGHANISTAN AS A THREAT TO THE SECURITY OF THE SOUTHERN BORDERS OF THE CIS AND RUSSIA	17
V. AHMEDOV RUSSIAN-SYRIAN RELATIONS: RESULTS AND PROBLEMS	28
A. VARTANYAN INTERNATIONAL "NORTH-SOUTH" TRANSPORT PROJECT – BRIDGE BETWEEN RUSSIA AND THE MIDDLE EAST	50
V. GUSAROV THE 90'S AS A DECADE OF STAGNATION IN RUSSIAN-ARAB ECONOMIC RELATIONS. WHAT IS GOING TO BE FURTHER?	55
V. ISAEV RUSSIA AND THE ARAB COUNTRIES: RESULTS AND PROBLEMS OF COOPERATION	70
N. KIREEV TURKEY AS AN ECONOMIC PARTNER AND POLITICAL RIVAL OF RUSSIA IN EURASIA	78
G. KOSACH, E. MELKUMYAN RUSSIA, THE MIDDLE EAST AND THE ARAB WORLD: ON THE FUNDAMENTALS OF INTERACTION	106
I. MASJUKOVA RUSSIAN SPEAKING COMMUNITY AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN-ISRAELI RELATIONS	132

I.MELIKHOV (ALEXANDROV)	
CONCEPT ANALYSIS: RUSSIA AND THE GCC COUNTRIES	141
K.POLYAKOV	
IMPACT OF THE ARAB-MUSLIM FACTOR ON THE RADICALIZATION OF ISLAM IN RUSSIA (THE 90'S)	158
V.SAZHIN	
RUSSIA AND IRAN: PARTNERSHIP OR STRATEGICAL UNION?	190
E.U.SATANOVSKY	
RUSSIA AND THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS	206
A.TKACHENKO	
TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND NORTHERN AFRICA COUNTRIES: GOALS, TASKS AND PERSPECTIVES	213
A.UMNOV	
AFGHANIAN PROBLEMS OF RUSSIA	219
A.FILONIK	
PROBLEMS OF RUSSIAN-ARAB BUSINESS COOPERATION	223
A.HASYANOV	
RESULTS OF THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS AND POSSIBLE ROLE OF RUSSIA IN THE REGION	232
A.CHISTYAKOV	
PALESTINIAN PROBLEM AND INTERESTS OF RUSSIA	238
A.JAKOVLEV	
RUSSIA IN THE PERSIAN GULF: POSSIBILITIES AND PERSPECTIVES	250

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".

29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
55. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности".
Сборник статей (Совместно с РАЕН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
59. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
60. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".

61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
66. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. **Зезв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
70. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
73. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of es-
says). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Uitchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The Middle East: Problems of regional Security" № 9, (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
56. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
59. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

- 60. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
- 61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
- 62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

- 63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
- 64. "Islam and Policy" (collection of essays)
- 65. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
- 66. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
- 67. "The contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
- 68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
- 69. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
- 70. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
- 71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
- 72. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
- 73. "The contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)